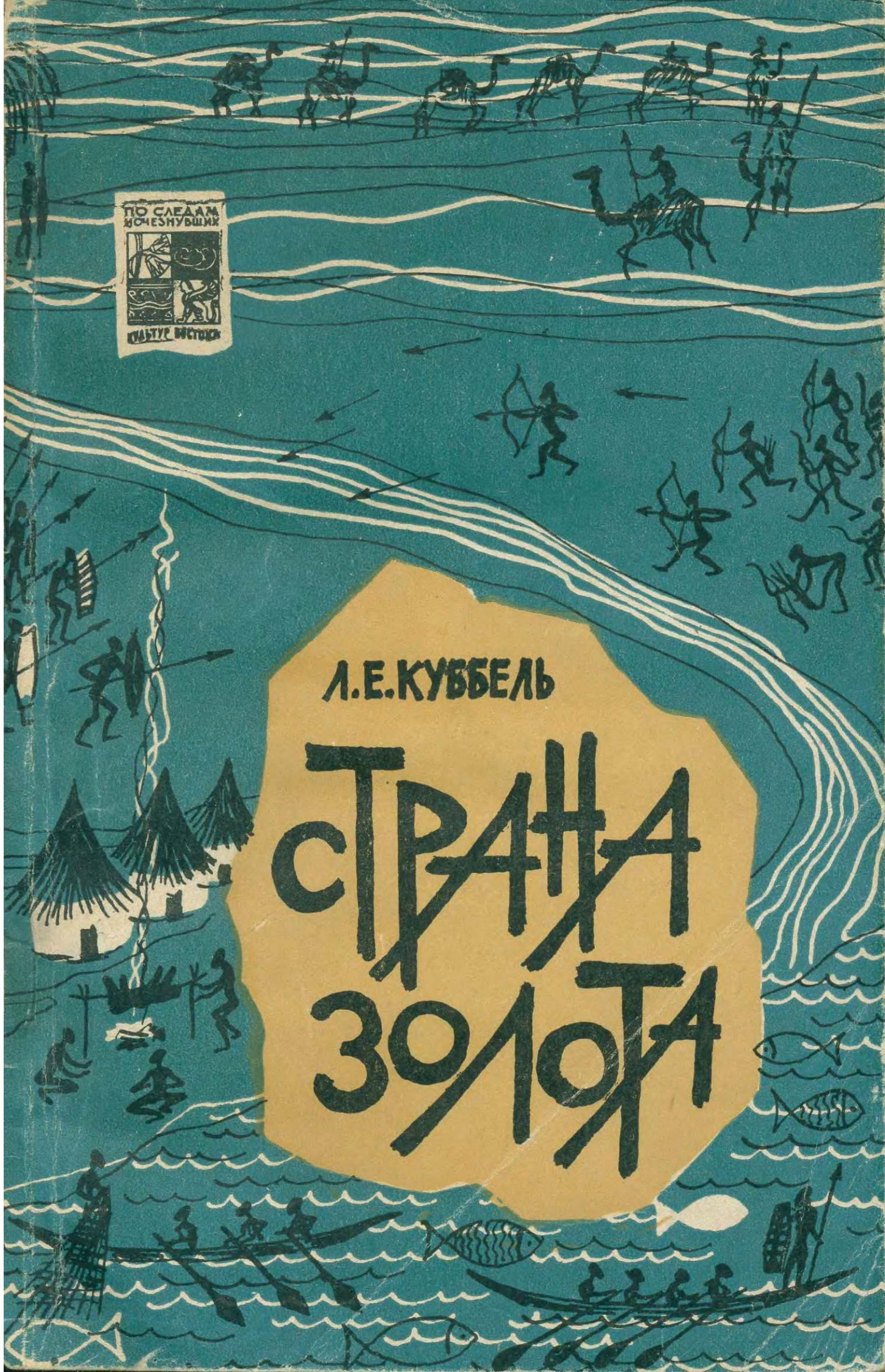

Л.Е.КУВБЕЛЬ

СТРАША 30/107А

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

Л.Е. КУББЕЛЬ

СТРАНА ЗОЛОТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1986

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственный редактор
А. Б. ДАВИДСОН

Индекс $\frac{1-6-3}{219-66}$

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Это книга о трех великих государствах Западной Африки — Гане, Мали и Сонгай, сменявших друг друга на протяжении тысячелетия. Задолго до прихода в Африку европейцев сложились эти государства с их процветавшими большими городами, с их школами и храмами. Слава древних держав Западной Африки, созданных и успешно управлявшихся самими африканцами без какого бы то ни было вмешательства извне, распространилась далеко за пределы африканского материка. В огромных торговых и ремесленных городах Ближнего Востока, в шумных средиземноморских портах Западной Европы — словом, везде, где встречались люди, причастные к торговле, шла молва о несметных богатствах африканских царей, о их военном могуществе, о их щедрости и благородстве.

В устах арабского купца из Каира или Багдада, европейца из Барселоны или Генуи за обширными и малоизвестными (а потому и особенно манящими к себе) западноафриканскими областями надолго закрепилось название «Страна золота». Ведь в средние века страны Средиземноморья получали из Африки львиную долю того золота, которое они использовали. И так продолжалось до начала XVI в., когда открытие Америки привело к появлению в Западной Европе небывалых дотоле масс драгоценных металлов.

В странах Западной Африки жили сотни тысяч людей. И огромное большинство их не принимало прямого участия в торговле золотом. Они просто возделывали землю, охотились, строили дома, воспитывали своих детей. И хотя торговля золотом и оказывала огромное влияние на всю историю Западной Африки, но делали-то эту историю как раз

те, кто к золоту и к торговле имел очень косвенное отношение. История принадлежала им — этим простым людям: земледельцам, охотникам, рыбакам. И сейчас их далекие потомки, граждане молодых независимых государств Африки, с полным правом могут гордиться делами своих предков.

Когда в конце XVI в. нашествие марокканских войск, посланных все за тем же «золотом страны черных», сокрушило последнее из великих государств средневекового Западного Судана — Сонгай, воспоминание о величии и славе прошедших веков сохранилось только в памяти народа. Передаваемое из поколения в поколение, это воспоминание дошло до наших дней.

НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ

Государства, о которых здесь пойдет речь, складывались и росли на огромном пространстве Западного Судана. Эта географическая область на севере ограничена Сахарой, а на юге — тропическими лесами, прилегающими к побережью Гвинейского залива. Владения этих государств простирались от Атлантического океана на западе почти до озера Чад на востоке.

На бескрайних просторах равнин, занимающих большую часть области, тянется парковая саванна — степь, покрытая травой высотой два-два с половиной метра. Эта трава настолько густа, что человека, отступившего с дороги на шаг или на два, чтобы пропустить проходящую машину, невозможно в ней увидеть. Тут и там посреди травы возвышаются отдельные деревья. В сухое время года саванна представляет собой безотрадное зрелище. Унылый, серо-желтый цвет господствует в пейзаже; только кое-где однообразие нарушают черные пятна выгоревших участков с глиняными муравейниками в виде огромных грибов. Такому муравейнику не страшны ни пожар, ни дождливый сезон, ни звери — высохшая глина по прочности не уступает камню.

Зато в дождливый период вся саванна зацветает бесчисленными оттенками зеленого цвета. Трава растет так быстро и так густо, что уже через неделю после первого дождя трудно бывает узнать места, по которым ты до этого проезжал много раз.

Чем дальше на север, тем больше скудеет растительность. Ниже становятся деревья, редее трава, появляются колючие кустарники. Эта часть саванны — сухая саванна — еще сотни лет назад получила название «Сахель».

Это арабское слово означает «берег», в данном случае — «берег пустыни». А за Сахелем, который начинается примерно с 13-го градуса северной широты, лежит уже настоящая пустыня — в большинстве случаев пески, реже — скалистые участки.

Западный Судан не знает чередования лета и зимы: весь год температура во внутренних областях его держится около 21 градуса тепла, а на побережье — и того выше: 25—27 градусов. Вместо наших времен года во внутренних частях Судана, т. е. в Сахеле и в саванне (а нас сейчас интересуют только они), — сухой и дождливый сезоны. С декабря по май дуют пассатные ветры, несущие сухой горячий воздух из Сахары; самое жаркое время года приходится в зависимости от местности на март или на апрель. А в июне начинаются дожди, и продолжаются они до ноября; максимум осадков выпадает в конце августа — сентябре.

Впрочем, и продолжительность дождливого времени, и количество выпадающих осадков зависят от географического расположения той или иной области. Например, если в Верхней Гвинее, около 10-го градуса северной широты, дождливый сезон длится три-четыре месяца и за это время выпадает примерно 1000 мм дождя, то в городе Томбукту, расположенном на самой границе Сахары, на 17-м градусе северной широты, дожди продолжаются всего месяца полтора-два и выпадает их в четыре раза меньше — около 250 мм. И все же в полосе, прилегающей к пустыне при высоких среднегодовых и среднемесячных цифрах температура в течение суток колеблется очень сильно. В том же Томбукту в декабре и январе температура ночью бывает не выше 6—8 градусов тепла, а в самой пустыне иногда понижается до нуля.

Западный Судан не очень богат реками. Тем большее значение для жизни населявших его народов всегда имела третья по величине река африканского континента — Нигер. Она всегда служила самой надежной связью между всеми внутренними областями Судана. Правда, пороги ниже современного малийского города Бамако и возле города Бусы в Нигерии делят его на три участка, между которыми невозможно судоходное сообщение. Но на каждом из этих участков река испокон веков использовалась как важнейший торговый путь. И с долиной Нигера тесно связана история всех крупных государств западноафриканского средневековья, особенно Мали и Сонгай.

Начинаясь на плато Фута-Джаллон в северо-западной части современной Гвинейской Республики, Нигер сначала течет на северо-восток. До города Мопти почти параллельно Нигеру на протяжении нескольких сот километров течет один из его главных притоков—Бани. Здесь находится так называемая средняя дельта Нигера: широкая низменная равнина, пересеченная множеством рукавов. В дождливый сезон уровень воды поднимается больше, чем на пять метров и вся средняя дельта превращается как бы в одно громадное озеро, над которым возвышаются лишь отдельные селения и группы деревьев на вершинах холмов. Сообщение между деревнями в это время возможно только на лодках. Вода стоит высоко с июля до декабря, потом начинается спад, и на заливных лугах пасутся многочисленные стада, принадлежащие народу фульбе, который составляет основное население области Масина, прилегающей к средней дельте. После озер Дебо и Фагибин Нигер снова течет одним руслом. За Томбукту река постепенно меняет свое направление на восточное, а у города Бурема круто поворачивает на юго-восток. Уже на территории Нигерии, после впадения крупнейшего своего притока, реки Бенуэ, Нигер последний раз меняет направление — на этот раз на южное — и впадает в Гвинейский залив.

Все главные города Западного Судана: Гао, Томбукту, Мопти, Дженне — возникли на берегах Нигера или его притоков. Прибрежные области издавна были важнейшим районом разведения риса. С древнейших времен на берегах Нигера осуществлялся обмен между кочевым населением Сахары и земледельцами саванны и Сахеля. Ведь когда-то Сахара вовсе не была пустынной. По ее территории протекали крупные реки, впадавшие в многоводные озера, в ней жили довольно многочисленные племена охотников и скотоводов. Об их жизни рассказывают тысячи наскальных изображений, которые разбросаны по всему огромному пространству Сахары. История открытия и исследования некоторых из них составила содержание увлекательнейшей книги французского археолога Анри Лота «В поисках фресок Тассили» — эта книга читается как захватывающий роман¹.

Со временем реки иссякли, высохли озера, оскудел животный мир. Людям пришлось постепенно отступать на окраины пустыни, к северу и к югу. Но и появление пусты-

¹ А. Лот, *В поисках фресок Тассили*, М., 1962.

ни на месте, где до того простирались плодородные степи, не прекратило общения людей, оказавшихся по разные ее стороны. Связи между Северной Африкой и Суданом продолжали существовать. Конечно, пересекать пустыню было очень нелегко. И все же обмен между кочевыми и оседлыми народами на окраинах пустыни никогда не прекращался. А когда в начале I тысячелетия н. э. в Северную Африку были ввезены римлянами первые верблюды, это намного облегчило такой обмен. Именно верблюд сделал возможным переход большого торгового каравана из Северной Африки в Западный Судан. И люди не замедлили воспользоваться новыми возможностями.

КТО РАССКАЗАЛ НАМ О СРЕДНЕВЕКОВОМ СУДАНЕ

Проходили века. Торговлю Северной Африки с Западной не могли разрушить никакие политические и военные перемены — а было их очень много — по обеим сторонам Сахары. С Суданом торговали карфагеняне, их сменили римляне, после распада Римской империи торговля перешла в руки купцов бывших римских провинций в Северной Африке. И наконец, в середине VII в. в Северной Африке появились арабские завоеватели. Вот с этого времени мы имеем возможность получить хотя бы сколько-нибудь достоверные сведения о странах и народах Западной Африки.

Любой современный народ, особенно более или менее крупный, не мог возникнуть сразу. Он складывался веками из разных, часто очень разных, небольших этнических объединений. Каждая такая группа приносила какую-то свою частичку в облик нового, более крупного объединения. И нередко мы можем обнаружить у современных людей черты, восходящие к их предкам, жившим за много веков до нашего времени.

Не была исключением в этом отношении и Западная Африка. В ней процесс сложения этнических объединений далеко еще не закончился ко времени появления первых доступных современному исследователю достоверных сообщений об этой огромной области континента. Да и в самой Северной Африке большинство населения — берберы — вовсе не сразу приняло арабский язык и культуру, сложившуюся после арабского завоевания из множества разнородных элементов и получившую название «арабской».

И все же можно сказать, что уже тогда в Западном Судане жили предки нынешних народов, представители

большой языковой семьи «манде». Эти народы создали два первых крупных государства в Западном Судане — Гану и Мали. Жили на берегах Нигера и предки народа сонгай — они позднее создали третью великую державу этого района, так и названную Сонгай. В нынешнем Сенегале, в районе плоскогорья Фута-Торо, обитали предки современных народов фульбе и тукулёр. Многие менялось впоследствии в Западном Судане: народы передвигались с места на место в поисках новых плодородных земель или пастбищ, сталкивались друг с другом, кое-где перемешивались. Но главные группы родственных народов сохранились, хотя иные из них и расселились в результате всех этих событий по гораздо большему пространству, чем то, которое их предки занимали в начале второй половины I тысячелетия н. э.

Вот об этих-то предках современных народов Западной Африки и спешили рассказать своим землякам и единоверцам купцы-мусульмане, сразу же перенявшие давнюю традицию торговли через Сахару. Немногие из них записали свои впечатления сами. Большинство просто рассказывало о виденном, а записали их более образованные люди, часто на много лет позднее. Из ученых же в Западный Судан ездили немногие, особенно в первое время после арабского завоевания Северной Африки. Надо сказать, что путь через величайшую пустыню мира был нелегким и небезопасным предприятием. Не один десяток караванов усеял своими костями главные караванные дороги Сахары. И все же люди продолжали бороться с пустыней, упорно шли через нее в обоих направлениях. Чаще всего ими двигала жажда наживы; лишь единицы решались на поездку в таинственные страны на другом «берегу» из чистой любознательности, основную же массу путешественников составляли люди, чьи человеческие качества едва ли вызвали бы у нас восхищение. И тем не менее нельзя не воздать должное мужеству этих людей. Ведь именно им обязаны мы большой долей своих знаний о прошлом Африки, и на страницах нашего рассказа мы не раз еще встретимся с именами многих из них. Арабский язык, который они принесли в Судан, был в средние века международным языком науки и культуры на всем Ближнем Востоке. И не удивительно, что на этом языке писали африканские ученые, уроженцы Западного Судана; благодаря их трудам мы сможем подробно говорить об истории великого сонгайского государства.

По мере того как развивалась экономика средневековой Западной Европы, все больший и больший интерес вызывали там далекие заморские страны. И все больше и больше судов уходило в дальние плавания в океан на поиски неизведанных земель. Пионерами в этом деле, которое в конечном счете оказалось могучим толчком, ускорившим развитие всего человечества, были португальские мореплаватели. Много интереснейших книг написано во всех странах об эпохе великих географических открытий, в особенности о подвиге Колумба. Но началась эта эпоха плаваниями португальцев к западному побережью Африки. И с середины XV в. один за другим следуют отчеты, доклады, записки, а позднее и сочинения общего характера, рассказывающие о том, что застали в Западной Африке европейские мореплаватели. Так появляется в распоряжении исследователя новая большая группа исторических источников, позволяющих воссоздать подлинную историю Африки в средние века.

Большинство народов Западного Судана не создало письменности для своих языков, и только немногие из них использовали слегка видоизмененное арабское письмо. Но вместо письменных памятников эти народы сберегли богатейшие сокровища устных преданий о своем прошлом, о деяниях своих предков, о происхождении обычаев и традиций. Такие предания тщательно сохраняли специальные сказители, занимавшие видное место в обществе. Эта профессия была наследственной, и высшим достоинством считалась способность передать в неизменном виде легенды, полученные от отца, к которому они пришли от деда, и так далее. К сожалению, записывать устные поедания стали только недавно, многое уже утрачено. Но и то, что сохранилось, дает историку обильный материал. И если арабские авторы показывают нам Судан таким, каким они его видели, приходя с восточной стороны, а европейцы — так, как видели они его с запада, то предание — единственный источник, основанный на видении Западного Судана, так сказать, изнутри, глазами члена самого описываемого общества. Такого подхода к событиям не могло быть ни у арабов, ни у европейцев. И в этом как раз и заключается главная ценность западноафриканского исторического предания.

Многое могли дать историку и этнографические материалы — описания быта, обычаев, традиционной общественной организации народов Западной Африки. Ведь эта

часть культурного наследия всякого народа самая устойчивая и, пожалуй, самая консервативная, и сохраняется она дольше всего. Многие же явления сложились очень давно, в обстановке, совсем не похожей на нынешнюю, так что их изучение помогает понять в прошлом народа такие вещи, которые не смогли бы объяснить ни письменные документы, ни предание.

И к сожалению, на последнем месте по значению оказываются пока археологические материалы. Прежде всего потому, что климатические условия Западного Судана очень неблагоприятны для сохранения вещественных памятников прошедших времен. В дождливые сезоны все органические остатки быстро сгнивают, жилища и другие постройки, которые в Западной Африке возводят из дерева, глины и соломы, разрушаются. Остаются невредимыми лишь сооружения из обожженного кирпича — а их здесь очень и очень немного — и обломки керамических и стеклянных изделий, а иногда и металлические предметы. Конечно, эти немногочисленные находки имеют первостепенную важность.

Но здесь сказывается другое неблагоприятное, но на сей раз уже поправимое обстоятельство: до последнего времени археологическое изучение Западной Африки велось очень слабо. Лишь сейчас, с созданием независимых государств, археология в этом обширном районе получает наконец большие перспективы развития.

А теперь, пользуясь всеми этими историческими источниками, мы попробуем рассказать о том, как развивалась история Западного Судана в средние века.

Но прежде чем приступить к этому рассказу, попробуем внести ясность еще в один вопрос. Дело в том, что после колониального завоевания французские, английские, бельгийские, португальские и другие захватчики приложили немало усилий для того, чтобы доказать, будто народы африканского континента были «неисторическими», будто они ничего не могли создать сами, да и вообще история «Черного материка» началась-де только с того времени, когда на нем появились первые европейские отряды. Нет нужды тратить время на опровержение этого откровенно расистского утверждения — его несостоятельность не раз уже показывали и ученые, и литераторы, и журналисты. И в наши дни никому уже не придет в голову повторять этот тезис в неприкрытой форме: успехи научного изучения Африки в сочетании с небывалым подъемом нацио-

нально-освободительной борьбы делают его в лучшем случае смешным анахронизмом.

Известно, однако, что наши недостатки часто бывают продолжением наших достоинств. Борясь против расистских утверждений о «неполноценности» африканских народов, некоторые ученые и публицисты, даже прогрессивные и честные, ударились в другую крайность и стали утверждать, что Африка-де была колыбелью вообще всякой человеческой культуры. И не только культуры: по заявлениям некоторых авторов научных трудов и популярных статей, человек как биологический вид возник в Африке — и, следовательно, Африка явилась колыбелью человечества в целом. Особенно грешат такого рода утверждениями многие ученые молодых независимых государств Африки.

Так совершенно естественный и законный протест против расизма колониалистского толка незаметно переходит в, так сказать, «расизм наоборот». Дальше следуют рассуждения о том, что Африка будто бы развивалась совершенно особым путем, что в ней никогда не было ни антагонистических классов, ни классовой борьбы, что все африканские общества доколониального времени были изначально социалистическими. А раз так — значит, к современной Африке нельзя применить марксистско-ленинскую теорию: по мнению последовательных защитников тезиса об «африканской исключительности», она здесь непригодна. И таким образом полемическое преувеличение в конечном счете приводит к очень недвусмысленным реакционным политическим тенденциям.

Что можно сказать о таких утверждениях? Прежде всего, что они антиисторичны. Историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать; всякая попытка приукрасить ее, пусть даже и из самых лучших побуждений, ведет к искажению действительной картины. Если же подходить к делу со строго научных позиций, то очень скоро можно убедиться, что история Африки развивалась по тем же самым общим законам, что и история любой другой части света, и нельзя бесконечно разнообразные местные особенности выдавать за «исключительные» общие закономерности.

Но отсюда следует еще один неперемный вывод: не надо преувеличивать уровень хозяйственного и общественного развития доколониальной Африки. Конечно, для определения этого уровня очень трудно подобрать какие-то абсолютные мерки, можно только сравнивать Африку с другими районами земного шара. Но как раз при таком

сравнении всякому непредубежденному историку придется признать, что в период, с которого начинается наш рассказ, т. е. около VIII в., на первом месте по развитию стоял Ближний Восток, за ним шла Европа, и только потом — Африка. И на протяжении всего времени с VIII по XVII в. этот разрыв все увеличивался — Африка все больше и больше отставала от соседей.

Важнейшей причиной такого неравномерного развития служила в данном случае Сахара, огромный и труднопроходимый природный барьер, отделявший тропическую часть континента от быстро развивавшегося Средиземноморья. С самого возникновения человечества необходимым условием его нормального развития были связи между отдельными населенными областями, обмен достижениями в хозяйственной деятельности и культуре. История практически не знает случаев совершенно изолированного развития общества. Но на такие контакты очень сильно влияли природные условия, в которых приходилось жить тем или иным обществам. Люди, населявшие Сахару в IV и III тысячелетиях до н. э., бесспорно не уступали по уровню развития техники и культуры своим европейским современникам. Однако высыхание Сахары во II тысячелетии до н. э. заставило большую часть ее древнего населения отступить к югу. И появление пустыни, отрезавшей Тропическую Африку от Средиземноморья, исключительно неблагоприятно сказалось на развитии народов этой части материка. Этим народам, в частности тем, что населяли Западный Судан, пришлось до многого доходить самим, не имея возможности воспользоваться опытом соседей, контакты с которыми великая пустыня делала очень нелегким и опасным предприятием. Темп развития общества замедлился, и за много веков до европейской колонизации начало накапливаться то отставание, которое потом так облегчило эту колонизацию.

Признавать этот факт — вовсе не значит принижать достижения народов Западной Африки в создании собственной культуры, своей государственности. Жители Западного Судана сумели добиться многого. И если бы они и дальше продолжали развиваться сами по себе, без повседневного контакта с окружающими их обществами, то в конечном счете достигли бы не менее высокого уровня, чем соседи, и без влияния последних. Но история не предоставила им такой возможности...

ГАНА — СТРАНА ЗОЛОТА

Арабы и гараманты

«Говорит ал-Фазари, что... область Гана, страна золота, имеет размер в тысячу фарсахов на восемьдесят фарсахов». Слова эти взяты из большого исторического труда арабского ученого X в. Абу-л-Хасана Али ибн ал-Хусейна ал-Масуди «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней». Книга была написана между 947 и 957 годами, но слова, приведенные в начале этого абзаца, сказаны на полтора с лишним столетия раньше — около 786 г., когда великий астроном ал-Фазари заканчивал составление своих астрономических таблиц. Эти таблицы не дошли до нашего времени, и ал-Масуди мы обязаны сохранением самого раннего упоминания названия «Гана» в арабской литературе.

Конечно, ал-Фазари сильно преувеличил размеры Ганы: один фарсах (это персидское слово в арабской передаче обозначало расстояние, которое лошадь проходит шагом за час) был равен приблизительно шести километрам, а Гана никогда не могла простираться на тысячу фарсахов. И все же то, что Гана была известна арабскому астроному второй половины VIII в., показывает, что к этому времени арабы уже имели достаточное представление о положении дел во внутренних областях Западной Африки.

Ал-Фазари был не одинок. Другой великий астроном средневековья, наш соотечественник Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми (он был уроженцем Средней Азии), умерший около 846 г., тоже упоминает Гану в своей «Книге облика Земли». И самое интересное, что говорит он о ней так: «Гана, народ, который называют аграмантис». И вслед за ал-Хорезми астроном первой половины X в. Сухраб, автор «Книги чудес семи климатов», уточняет: «Страна Гана — народ, называемый аграмантис».

Так связалась в трудах арабских астрономов античная и эллинистическая традиция, восходившая к трудам Клавдия Птолемея, греческого ученого II в. н. э., с новыми знаниями, которые приносила арабам их живая практика — политическая и торговая.

Еще в V в. до н. э. грек Геродот, прозванный «отцом истории», рассказывал о народе гарамантов, населявшем область Фазания — нынешний Феццан на юге Ливии. Этот народ, говорит Геродот, «имеет боевые колесницы, запряженные четверкой лошадей, на которых они охотятся за эфиопами-троглодитами» (так называл греческий историк далеких предков современного народа тиббу, живущего в Восточной Сахаре, на нагорье Тибести). Наскальные росписи, обнаруженные во множестве на западе и в центре Сахары, подтвердили сведения Геродота. Но до сих пор мы очень мало знаем об этом народе. Можно только предположить, что карфагеняне, бывшие до конца Пунических войн, т. е. до середины II в. до н. э., хозяевами всего побережья Северной Африки к западу от Египта, по всей видимости, поддерживали с гарамантами регулярные торговые отношения. В обмен на изделия ремесленного производства стран Средиземноморского бассейна гараманты поставляли карфагенянам рабов, драгоценные камни и золото. При этом Карфаген не вмешивался во внутренние дела народов, обитавших в глубине материка, и его отношения с гарамантами могли оставаться мирными.

Обстановка сильно изменилась, когда окончательный разгром Карфагена в третьей Пунической войне (146 г. до н. э.) привел к смене хозяев на побережье. Это немедленно отразилось на отношениях между гарамантами и прибрежными районами. Мирная торговля все чаще стала сменяться военными действиями. На непрерывные набеги гарамантов римляне отвечали карательными экспедициями в глубь материка. Первая и самая знаменитая из них состоялась в конце I в. до н. э. Проконсул Люций Корнелий Бальб прошел через всю Киренаику с севера на юг и достиг Феццана. Гараманты оказались захваченными врасплох, и Бальб нанес им чувствительное поражение. Плодородные оазисы подверглись опустошению, столица — город Гарамма — была сожжена. Однако и впоследствии гараманты не раз ставили под угрозу римское владычество в нынешних Ливии и Тунисе.

В памяти римских историков гараманты остались могущественным народом, опасным и упорным соперником рим-

ской мировой державы. Считать их такими стало традицией поздней античной научной литературы. И нет ничего удивительного в том, что арабские астрономы и географы, познакомившиеся с этой литературой раньше ученых других отраслей знания, связали в своем представлении с древними гарамантами то большое и сильное государство, которое было создано и управлялось африканцами с черным цветом кожи и сведения о котором арабы получали от купцов, воспринявших древнюю торговлю через Сахару от своих предшественников. И хотя это был и не тот народ и не то государство, арабские географы оказались правы в одном: традиции государственности в Западной Африке гораздо древнее времени появления там первых мусульманских купцов.

Путь через пустыню

Арабы стали проникать в Сахару довольно рано. Уже в 20-х годах VIII в. наместник халифа Хишама — Убейд-аллах ибн ал-Хабхаб отправил военную экспедицию из Марокко на юг, в сахарские оазисы. Вероятно, это было не единственное предприятие такого рода. Но все же не военные походы были главным источником сведений арабов о народах, обитавших к югу от Сахары.

Арабское завоевание не разрушило традиционную торговлю с Западным Суданом — те, кто ею занимался раньше, продолжали это и при новых правителях, приняв новую религию. Больше того, с установлением власти завоевателей на Севере в торговле наступило несомненное оживление. Немалую роль сыграли в этом мусульманские сектанты — хариджиты, грандиозное восстание которых привело в 40-х годах VIII в. к фактической ликвидации власти халифата на всей территории Северо-Западной Африки.

Многочисленные общины ибадитов — одного из главных ответвлений хариджитства, — рассеявшиеся по всей южной окраине Марокко и Алжира, поддерживали тесные связи с торговыми центрами Западного Судана. По всей вероятности, и ислам-то проник в местности, лежащие к югу от Сахары, первоначально в форме ибадитской ереси. Во всяком случае уже в конце VIII в. в торговых поселках сахарских оазисов жило множество ибадитов. Но, придя в Западный Судан, арабы (ибадиты и неибадиты) уже

застали там крупное и сильное государственное образование — Гану.

Образование этого государства относится к концу IV в. н. э. Не выяснено до конца, какой народ был его создателем. Довольно долго европейские ученые считали, что Гана была создана берберами — белым населением Северной Африки и Сахары. Некоторые даже полагали, что Гана обязана была своим возникновением пришельцам из Сирии и Палестины, которых будто бы вытеснили с их родины римляне. Все эти теории страдали одной принципиальной ошибкой: неверием в способность африканцев к самостоятельному политическому развитию, к созданию собственного государства и к управлению им.

Но теперь уже можно сказать, что создали государство Гана, видимо, предки народа сонинке — одного из говорящих на языках манде. Конечно, этот народ долгое время был связан самыми разнообразными отношениями со своими соседями-берберами. Не исключено и то, что правившая в Гане царская династия, о которой нам рассказывают арабские историки и географы, имела какую-то примесь берберской крови. Но создателями государства и его, так сказать, этнической основой были черные африканцы — сонинке.

Цари Ганы держали в своих руках ту отрасль торговли, которая больше всего интересовала новых хозяев Северной Африки, — торговлю золотом. Как раз это и обеспечило Гане такое неизменное внимание арабских географов. Больше всего и прежде всего старались они подчеркнуть в своих сочинениях обилие драгоценного металла в «билад ас-судан» — «стране черных», как с самого первого знакомства прозвали арабы необозримые пространства к югу от Сахары. Золото надолго стало для них главным отличительным признаком Западной Африки. Вот как писал, например, один из ранних и самых серьезных историков и географов Ахмед ибн Якуб ал-Якуби в 70-х годах IX в.: «Затем государство Гана. Царь их также велик достоинством. В его стране есть золотые рудники, а под его властью находятся многочисленные цари... И во всей этой стране — золото».

Не случайно ал-Якуби связал Гану с золотыми рудниками. Из нескольких торговых путей, что вели в Западную Африку из стран Средиземноморья, два выводили прямо в долину Нигера. Самый западный начинался на юге Марокко, в несуществующем в наши дни богатом торговом горо-

де Сиджилмаса, вел через селение Тегаза (в этом захудалом поселке среди пустыни добывался второй важнейший товар всей западноафриканской торговли — соль) и заканчивался в столице Ганы, городе Кумби. Сейчас это — необитаемое городище Кумби-Сале неподалеку от современной границы Мавритании и Мали, на мавританской стороне. А из столицы прямой путь вел в золотоносные области в верховьях Нигера и другой крупной реки Западной Африки — Сенегала.

Второй путь выводил с побережья Триполитании через города Гадамес и Гат к излучине Нигера. Здесь находился Гао — старейший из торговых городов в бассейне верхнего и среднего течения Нигера. Основанный в VIII в., он быстро стал важнейшим центром торговли через Сахару. Тот же ал-Якуби говорит: «Затем государство Гаогао — это наибольшее из государств черных, славнейшее из них властью и величайшее из них деяниями. Все царства черных повинуются его царю. Гаогао — название города. А кроме того, множество царств повинуются ему и признает его главенство, хотя их цари — цари в своих странах». И дальше следует длинный список «царств», подчинявшихся Гао. Конечно, многие из них были скорее всего просто небольшими княжествами, а их территория ограничивалась иногда каким-нибудь одним оазисом. Но вот что показательно: все эти княжества лежали к северо-востоку от Гао — на большой караванной дороге, которая вела в конечном счете в Египет.

Еще две караванные дороги вели из Северной Африки: одна — к озеру Чад, другая — в области, лежащие к югу и юго-востоку от него. Но в ранний период, т. е. до XIII в., они играли меньшую роль, чем первые две.

Арабы, познакомившись с Западной Африкой, застали еще действующей старую дорогу, которая прямо связывала Египет с Ганой. Но этот путь уже отмирал; к X в. от него совершенно отказались. Абу-л-Касим Ибн Хаукал, один из крупнейших арабских географов домонгольского времени, человек, объездивший чуть ли не весь тогдашний мусульманский мир как купец, а может быть, и как разведчик египетских халифов Фатимидов, очень наблюдательный и точный, писал об этом в своей «Книге облика Земли»: «По этим пустыням проходила дорога из Египта в Гану, но непрестанные ветры обрушивались на караваны и одиноких путников... и погубили не один караван и не одного путешественника. Нападали на них и враги и не раз

губили их. И эти народы отказались от той дороги, оставили ее и стали ездить по дороге к Сиджилмасе». Написаны эти слова были около 977 г. А почти через двести лет, в начале 50-х годов XII в., другой видный арабский географ, ал-Идриси, снова возвратился к рассказу о запустевшей дороге из Египта в Гану. По его сообщению, можно более точно себе представить, как она проходила. Начало этого пути лежало в сахарских оазисах к западу от долины Нила — эту область в арабской географической литературе так и называли «Оазисы» — «ал-Вахат». Можно себе представить, насколько давними были связи Египта с Западной Африкой, если в X в. Ибн Хаукал уже мог говорить о прямом пути Гана — Египет, так сказать, в давно прошедшем времени.

Впрочем, и на всех остальных караванных путях купцам и прочим путешественникам приходилось иметь дело почти со всеми теми трудностями, которые заставили отказаться от дороги ал-Вахат — Гао. Не говоря уж о недостатке воды и продовольствия, об очень трудных климатических условиях, успешный ход торговли зависел в очень большой степени от хороших взаимоотношений с хозяевами пустыни. А ими были туареги — воинственные племена берберов-кочевников, потомки древних ливийцев. Арабы называли их «ал-мулас-самин» — «завешивающие лицо покрывалом». Дело в том, что лица туарегов-мужчин всегда закрыты особой повязкой, прикрывающей от пыли нос и рот; над повязкой — она называется «лисам» — остаются только глаза.

С незапамятных времен туареги взимали нечто вроде налога со всех проходивших караванов — за беспрепятственный проход через районы кочевий, за «покровительство».

Ибн Хаукал, например, рассказывал об одном из крупнейших кочевых племен Сахары — мессуфа: они-де «собирают надлежащую долю с тех, кто проезжает мимо них по торговым делам — с каждого верблюда и с каждого вьюка; также и с тех, кто возвращается с золотым песком из страны черных. Это одно из их занятий».

Купцам приходилось беспрекословно плагить: без согласия кочевников нечего было даже и пытаться пересечь пустыню. Но надо отдать справедливость и туарегам: они все же старались не отягощать торговлю такими поборами, каких она не смогла бы выдержать. Больше того: как бы ни складывались отношения между различными племена-

ми туарегов, — а усобицы в пустыне случались часто, — они, как правило, на торговле не отражались. Ведь и для туарегов торговля была необходимостью. Они нуждались в зерне, а его можно было получить только из областей, заселенных оседлыми земледельцами. Поставка верблюдов караванам тоже составляла важную часть экономики кочевников в Сахаре. И поэтому туарегам тоже приходилось соблюдать какие-то разумные пределы в своих требованиях.

Да, трудности на пути тех, кто торговал с Ганой, оказывались немалые. Даже если пустыню удавалось перейти благополучно, в Западном Судане путешественника подстерегали многие неожиданности, начиная с непонятных обычаев жителей и кончая встречами с такими животными, с которыми ему не приходилось иметь дело у себя на родине. Вот что рассказывает арабский географ XI в.: «Люди делают привал... но там термиты разрушают все, что находят, и портят все, до чего доберутся. Они выходят из пыли стаями... И товары кладут только на собранные камни или подложенное дерево. И каждый из этих людей требует для своего товара охраны от термитов...

Один из них был застигнут врасплох, так как понадеялся на большую скалу и положил на нее богатый груз двух верблюдов, бывших у него. Когда же он очнулся ото сна утром, то не нашел ни скалы, ни того, что на ней было. Он испугался и закричал от горя и гнева. К нему сбежались люди, расспрашивая о его деле. Он им рассказал, но они возразили: „Если бы тебя ночью посетили воры, то они бы взяли товар, но скала бы осталась!“ Они посмотрели — а перед ними след черепахи, уходивший от этого места. Прошли по следу несколько миль, пока ее догнали, и оба вьюка оказались у черепахи на спине. А он посчитал черепаху за скалу».

И все-таки, невзирая на трудности и опасности, все больше и больше купцов стремилось принять участие в транссахарской торговле с Ганой. Уже слишком велики бывали барыши в случае удачи! Уже знакомый нам Ибн Хаукал рассказывает, что ему довелось видеть долговую расписку, выданную в городе Аудагосте (с этим важным торговым центром мы еще встретимся) на сумму сорок две тысячи динаров — около двухсот тысяч рублей золотом на наши современные деньги. Вот какими денежными возможностями располагали отдельные участники караванной торговли!

Ибн Хаукал первым из всех арабских писателей, сообщавших сведения о Западной Африке, правильно оценил характер торговли, которую увидел на путях в Гану, хотя сам доехал только до Аудагоста, в десяти днях пути от столицы. Он безошибочно угадал жизненный нерв традиционного обмена между Северной и Западной Африкой: обмен соли на золото. Вот что он писал: «Этот царь Аудагоста общается с царем Ганы. Гана же — богатейший из царей земли благодаря имеющимся у него богатствам и запасам золота, добытого в прежние времена для предшествовавших ему царей и для него самого... Они крайне нуждаются в царях Аудагоста из-за соли, ввозимой к ним из области ислама, ибо нет у них возможности существовать без этой соли. И стоимость вьюка соли во внутренних областях страны черных и на ее отдаленных окраинах доходит до суммы от двухсот до трехсот динаров».

А вот что рассказывали столетие спустя, в 60-х годах XI в., но уже о Гао: «Торговля жителей страны Гаогао идет на соль, и соль — это их наличные деньги. Ее доставляют из подземных рудников страны берберов».

Соли в Западном Судане не было, поэтому она и ценилась так высоко. Ее везли с севера, из пустыни, где находились богатые соляные копи. Ежегодно караваны верблюдов, навьюченных брусками соли, прибывали в главные торговые центры на Нигере. Отсюда соль доставляли дальше, в глубинные районы. И то, что «Книга облика Земли» Ибн Хаукала рассказывает о соляной торговле, лишний раз показывает нам, что к X в. уже сложились определенные и устойчивые формы этого обмена, так что он уже имел давний характер. И вот что любопытно: другой крупный арабский ученый, также один из классиков средневековой географической литературы на арабском языке и младший современник Ибн Хаукала — Мухаммед ибн Ахмед ал-Мукаддаси, писал, что жители «страны черных» при торговле «не пользуются ни золотом, ни серебром. А что касается гарамантов, то свои сделки они совершают на соль».

Ибн Хаукал был, как видим, не одинок в своих рассказах о значении, какое придавали соляной торговле в Западном Судане. Около двух веков спустя уроженец Кордовы Абу Убейд Абдаллах ал-Бекри, одна из самых ярких фигур в культурной истории мусульманской Испании, включил в свой географический труд «Книга путей и госу-

дарств» обширный раздел, посвященный описанию «страны черных». Сам ал-Бекри не ездил в Африку, и все же ему принадлежит единственное до сего времени известное подробное описание Ганы. В этом нет ничего удивительного: X век был временем, когда достигло зенита могущество державы испанских Омейядов со столицей в Кордове. Во второй половине века Кордовский халифат был самой крупной политической силой в Западном Средиземноморье. Кордовские халифы Абдаррахман III (912—961) и ал-Хаккам II (961—976) проявляли большой и вовсе не бескорыстный интерес к событиям, происходившим по другую сторону Гибралтарского пролива. Им удалось установить свой протекторат над прибрежными княжествами Северного Марокко, и торговля со «страной черных» привлекала внимание кордовских властей отнюдь не одной только своей познавательной ценностью. Ко времени, когда ал-Бекри писал свою книгу, уже не существовало Кордовского халифата (последний халиф был свергнут еще в 1031 г.), но сохранились богатейшие архивы его правительственных канцелярий. А доступ к этим архивам Абу Убейду обеспечивали и его знатное происхождение, и высокое служебное положение. И ал-Бекри с честью использовал свои возможности.

И вот он-то, рассказывая о Гане, сообщал следующее: «Их царю полагается за ослиный вьюк соли динар золотом при ввозе в страну и два динара при вывозе. За вьюк меди он получает пять мискалей, а за вьюк другого товара — десять мискалей». В этом отрывке интересно вот что: как отразилось значение соли в торговле на таможенной политике царей Ганы. Теоретическое содержание золота в одном динаре составляло один мискаль, т. е. примерно 4,25 г. Получается, что пошлина на соль была в несколько раз ниже, чем на остальные товары. И в этом нет ничего странного или удивительного. Хозяйственное значение соли не позволяло обложить ее высокими пошлинами: это могло оказаться невыгодным для тех, кто эту соль привозил. К тому же, по количеству ввоз соли намного превосходил ввоз других товаров, а значит, это в какой-то степени покрывало недобор. И наконец, вывозные пошлины на соль были вдвое выше ввозных; другими словами, когда ее везли дальше, в глубинные районы, правитель Ганы получал дополнительную прибыль.

Именно дальнейший транзит соли, особенно вывоз ее в те местности, где добывалось золото, во многом опреде-

лял и положение Ганы в тогдашней Западной Африке, и казавшиеся чужеземцам несметными богатства ее царей.

Как мы уже говорили, политический центр Ганы лежал около нынешней малийско-мавританской границы. А главным золотоносным районом в тогдашней Западной Африке было междуречье верховий Нигера и Сенегала. Причем добыча золота началась здесь за много веков до сложения ганского государства. Видимо, торговлю именно с жителями этого района описывал в V в. до н. э. Геродот. Со слов карфагенских моряков рассказывал он о «немой торговле», которую те вели с каким-то народом за «столпами Геркулеса», т. е. за Гибралтарским проливом.

Карфагеняне, сообщил Геродот, «выгружают свои товары, а затем, выложив их определенным образом вдоль берега, оставляют их, а возвратившись на суда, разводят большой дым. Когда туземцы видят дым, они приходят на берег и, выложив на виду столько золота, сколько они считают соответствующим цене товаров, удаляются на некоторое расстояние. После этого карфагеняне выходят на берег и смотрят. Если они считают, что золота довольно, то забирают его и уходят восвояси. Но если это им не кажется достаточным, они еще раз поднимаются на борт и терпеливо ждут. Тогда те, другие, приближаются и прибавляют к своему золоту, пока карфагеняне не оказываются удовлетворены. Ни одна из сторон не поступает нечестно с другой: ибо ни они сами никогда не трогают золото, пока оно не достигнет цены их товаров, ни туземцы никогда не уносят товары, пока не будет забрано золото».

После того как Геродот это написал, прошло почти полтора тысячелетия. И вот в середине X в. уже встречавшийся нам ал-Масуди так описывает торговлю между жителями золотоносных областей и приезжими купцами: «Царство Гана. Его царь также очень влиятелен. Это царство прилегает к стране золотых рудников, и в нем есть многочисленные народы из этой страны. У этих людей есть черта, которую не переходят те, кто к ним направляется. Купцы приезжают к ним, привозя товары. Когда купцы достигают этой черты, они кладут на ней товары и одежды и удаляются. Затем приходят эти черные и приносят золото; они его оставляют около товаров и уходят. Потом приходят хозяева товаров и, если оказываются довольны, забирают золото. Если же нет, то возвращаются. Тогда черные приходят снова и прибавляют им золота, пока не

совершится торг — подобно тому как поступают купцы, таким же образом покупающие гвоздику у ее обладателей.

Но иногда, когда черные от них уйдут, купцы тайком возвращаются и разводят в земле огонь. Золото плавится, купцы его крадут и обращаются в бегство. Ибо вся эта земля — золото, и его россыпи лежат на ее поверхности.

Порой черные узнают о действиях купцов, выходят по их следам и, если настигнут, убивают их».

Как видно, если что и изменилось в торговле, так это только поведение тех, кто себя считал более цивилизованными, — и притом, к сожалению, не в лучшую сторону...

Золотая торговля приносила настолько большие прибыли, что становится понятно, откуда пошло представление, будто «вся эта земля — золото». Сам ал-Масуди в Судане не был, сведения он получал от каких-то купцов, посещавших Гану и прилегавшие к ее владениям золотоносные области. И его рассказы, конечно, не могли не отразить в какой-то степени аппетита его информаторов. Но все-таки он сохранил нам и такие сведения, которые позволяют более или менее реально оценить действительное положение вещей. В огромном энциклопедическом сводном труде «Рассказы времени», откуда взят только что процитированный отрывок, ал-Масуди говорил: «В их пустынях есть рудники, и самородки бывают такими большими, что видны в песке, как выступающая зелень».

Наверно, таким же рассказом «бывалого человека» воспользовался и другой арабский писатель — живший в конце IX в. Ибн ал-Факих ал-Хамадани. Но у него зеленый цвет самородка, проступающий сквозь песок, превратился в... золотоносное растение: «В стране Гана золото произрастает в песке так же, как растет морковь. И собирают его на восходе солнца». Так стал Ибн ал-Факих родоначальником легенды, которая потом много веков упорно держалась в арабской географической и исторической литературе.

Впервые подробное описание добычи золота в главной золотоносной области Ганы — Бамбуке — дал своим читателям ал-Идриси. Эта область, расположенная между Сенегалом и его притоком Фалеме, представляет собой как бы полуостров. В арабской литературе и остров, и полуостров обозначались одним словом — «джезира». Потому-то ал-Идриси и назвал Бамбук островом. Вот его описание: «Страна Вангара — это страна золотого песка, известная его тонкостью и обилием. Это остров, длина его — триста

миль, а ширина — сто пятьдесят миль¹. И со всех сторон ее весь год окружает Нил². Когда наступает месяц август, жара становится знойной, а Нил выходит из берегов и разливается. Он заливает этот остров или бóльшую его часть, и затопленная суша остается под водой в течение обычного срока разлива. Потом вода начинает спадать. А когда Нил начинает спадать и убывать, все, кто есть в стране черных, поспешно возвращаются на этот остров и ищут золото в течение всех дней спада Нила. И каждый человек из их числа находит там в своих поисках то, чем его одарит Аллах, — много или мало золотого песка, но ни один из них не остается без добычи. Когда же Нил возвратится в свое русло, люди продают тот золотой песок, что попал к ним в руки, перекупая друг у друга».

Название «вангара» стало впоследствии именем нарицательным — по всему Западному Судану так называли народ сонинке, тот самый народ, что создал государство Гана. И много позже название это будет встречаться в описаниях Западной Африки, меняя свое звучание в зависимости от языка автора: «ванкара», «ванджарата», «вангара» — у арабов и пишущих по-арабски африканцев, «унгаруш» — у португальцев. И мы не раз еще встретимся с этим народом, когда речь у нас пойдет о Мали, сменившем Гану в роли ведущей политической силы во всей Западной Африке.

Гана глазами очевидцев

Очень нелегко составить себе впечатление о том, какова была средневековая Гана. Единственное подробное ее описание, как мы уже говорили, оставил нам ал-Бекри. Через сто лет после него ал-Идриси не смог добавить ничего существенного к рассказу своего славного предшественника, хотя сам жил довольно долгое время в Испании и в Марокко. Мы даже не можем с уверенностью сказать, на какую территорию распространялась власть царей Ганы. Скорее всего Гана не имела строго определенных гра-

¹ Величина арабской мили колебалась, как и всякой иной средневековой меры. В среднем миля составляла около 2 км.

² Средневековые арабские писатели многие крупные реки Африки (а Нигер особенно) привязывали к Нилу; ведь только XIX век принес решение вопроса об истоках как Нила, так и Нигера.

ниц, да и сама власть сводилась только к получению дани золотом и другими товарами.

Арабские историки и географы до обидного мало рассказывают нам о положении и занятиях населения страны. Блеск золотой торговли ослеплял их, все воспринималось через нее, и мало, очень мало уделялось внимания обычной, повседневной жизни в «стране черных». Судить о ней можно лишь по отдельным беглым замечаниям.

Вот, например, брошенное мимоходом сообщение ал-Бекри о жителях Ганы: «Они сеют дважды в год: первый раз — по заливным землям Нила, когда он у них выходит из берегов, а вторично — по увлажненной земле». Но поливное земледелие, о котором говорится в этом отрывке, не занимало в то время большого места в Западном Судане. Гораздо чаще люди сеяли дурру — засухоустойчивую разновидность проса, не требовавшую полива. «Когда ты отправишься из Ганы на восход солнца, — рассказывал ал-Бекри, — то по дороге, заселенной черными, пройдешь до места, называемого Аугам. Они сеют дурру, и это их пища». Дурру вывозили из Сахеля на север, в Тадмекку, важный торговый город на плоскогорье Адрар-Ифорас, через которое проходил путь от Гао на Ауджилу, в Ливию. И в XII в. ал-Идриси писал о местностях на северном, левом берегу Нигера: «Это страна риса и дурры с крупными зернами, кушанья из которой превосходны»; а ведь речь идет здесь как раз об одном из главных районов рисосеяния в Судане. Здесь же ал-Идриси отмечает и рыбную ловлю как одно из главных занятий жителей прибрежных селений.

Еще одна сельскохозяйственная культура привлекла внимание арабских географов — хлопок. Ал-Бекри сообщал о местностях по верхнему течению Сенегала, прилегавших как раз к центру Ганы: «В их области хлопка немного, но при доме почти каждого жителя есть хлопковые посадки». Он же рассказывал о «красивых тканях из хлопка», которые производились в этих областях. Но этими краткими замечаниями и ограничивается все, что можно узнать о сельском хозяйстве и ремесле Западного Судана в XI и XII вв. от главных наших информаторов — ал-Бекри и ал-Идриси (если не считать упоминания ал-Бекри о производстве бичей из шкуры бегемота). А другие авторы не сообщают и этого.

Но все-таки давайте попробуем прочесть отрывок из «Книги путей и государств» ал-Бекри, посвященный Га-

не, — все то же единственное описание ее — и представить себе, что это было за государство. Отрывок этот ал-Бекри так назвал: «Рассказ о Гане и об обычаях ее жителей».

«Гана — это прозвание их царей, название же страны — Аукар. Ныне их царя зовут Тункаманин... Имя их царя до него было Баси, и он ими правил. Ему было семьдесят пять лет. Он прославился своим образом жизни, любовью к справедливости, предпочтением, какое оказывал мусульманам. В конце своей жизни он ослеп, но скрывал это от своих подданных и делал вид, будто он зрячий. Перед ним клали предметы, и он говорил: „Это — хорошо, а это — плохо!“. Его везиры скрывали это от людей и обвиняками объясняли царю, что́ ему говорить. Большинство людей его не понимало.

Этот Баси был дядей Тункаманина по матери. Их обычай таков, что царская власть может принадлежать только сыну сестры царя, так как относительно его нет сомнения в том, что он действительно сын его сестры. А в своем сыне царь сомневается: он не уверен в истинности родства своего с ним...».

Посмотрим, что можно узнать из этого рассказа. Прежде всего о названии страны, которая была политическим центром государства. В арабской литературе нередки случаи, когда ту или иную страну называли по имени ее правителя. Так было и с Ганой. Мы уже видели, что Ибн Хаукал употреблял это слово как титул. Впоследствии титул стал обозначать все государство, и у арабских авторов после ал-Бекри даже не возникало сомнения в том, что «Гана» — это именно название страны. И даже больше: исторические хроники, написанные намного позже, в XVI—XVII вв., местными западноафриканскими учеными, дают царю Ганы уже другой титул — «каймага». И объясняют его значение: «царь золота».

В имени царя, современника ал-Бекри (рассказ относится к 1067 или 1068 г.), мы обнаруживаем название одного из родов народа сонинке — Тункара. Этот род существует и в наше время, а в великой сонгайской державе XVI в. этим именем называли людей царской крови. И, таким образом, можно уверенно сказать, что в XI в. Ганой правили не белые пришельцы с севера, а местные цари.

Наконец, исключительно интересно наследование царской власти племянником, сыном сестры царя. Это явле-

ние восходит корнями своими к очень ранним стадиям развития человеческого общества, когда его основной ячейкой был материнский род. Именно тогда, когда не было еще устойчивой семьи, родство надежнее всего определялось по матери. И это имело важнейшее экономическое значение: ведь род матери был основной хозяйственной единицей. В рассказе ал-Бекри мы видим яркое доказательство сохранения у правителей Ганы сильных пережитков родовых отношений, общественных порядков, свойственных тому времени, когда не было еще общества с враждебными друг другу классами эксплуататоров и эксплуатируемых. И по этой черточке в общественном устройстве средневековой Ганы можно достаточно уверенно сказать, что для нее родовое общество было еще совсем недавним прошлым.

Пойдем дальше. «Город Гана, — продолжает свой рассказ ал-Бекри, — это два города на равнине. Один из них — город, в котором живут мусульмане, большой город; в нем имеется двенадцать мечетей. В одной из них они собираются, эта мечеть имеет имамов, муэдзинов и ученых. В ней есть законоведы и обладатели знаний. Вокруг мечети расположены пресные колодцы, из них пьют воду, и над ними растет зелень.

А город царя расположен в шести милях от этого. Он называется ал-Габа. Между обоими городами находятся сплошные жилые кварталы; постройки жителей сделаны из камня и дерева... У царя есть дворец и беседка с куполом; все это окружает стеноподобная ограда. В городе есть мечеть, где молятся те мусульмане, что приезжают к царю. Эта мечеть расположена неподалеку от приемного помещения царя.

Вокруг царского города есть арочные постройки и рощи, в которых колдуны занимаются своим волшебством. Колдуны — это те, кто хранит веру жителей. В этих местах находятся их идолы и могилы их царей. Эти рощи охраняются — никому нельзя в них войти, и неизвестно, что в них такое. Там находятся царские тюрьмы. И если в них кто-либо был заточен, то люди не имеют о нем больше сведений».

Мы видим по рассказу ал-Бекри, что в Гане стойко сохранялись верования ее жителей, ничего общего не имевшие с исламом. Сохранялся авторитет жрецов, которых арабский писатель называл колдунами. Сохранялись и священные рощи, где находились изображения божеств. Все

это говорит о том, что в обществе были еще сильны родовые пережитки, что ислам, религия общества классового, очень слабо затронул коренное африканское население страны.

Нам становится ясно, что ни царь, ни ближайшее его окружение не были мусульманами. «Город царя» и «город мусульман» составляли два разных расположенных на значительном расстоянии квартала столицы. Мусульманами в городах Западной Африки в то время (XI в.) были главным образом выходцы из стран, лежавших на средиземноморском побережье Африки. И первое место среди них занимали купцы. А за купцами потянулись мусульманские законоведы — «факихи», священнослужители, просто разные авантюристы, привлеченные рассказами о богатствах «страны черных». Весь этот пестрый люд селился в особых кварталах, где строились для него дома по привычным ему образцам, жил своей особой жизнью, совсем другой, чем та, которой жило окружавшее его коренное население. Такие кварталы существовали и тогда, и много позже во всех крупных торговых центрах Западного Судана. Даже в Гао, где к этому времени царский род был уже мусульманским, продолжало сохраняться деление на «царский город» и мусульманские кварталы — об этом нам рассказывает тот же ал-Бекри.

При этом из рассказа ал-Бекри мы хорошо видим, насколько велик был мусульманский город в столице Ганы. Двенадцать мечетей — это значит, что в городе было примерно столько же кварталов. И все же мусульмане составляли меньшинство населения: на протяжении шести миль, т. е. около 12 км, разделявших город купцов-мусульман и царскую резиденцию, жили черные африканцы — коренные обитатели страны. К сожалению, жилые кварталы города африканцев почти не сохранились, при раскопках ученые смогли обследовать главным образом бывшие мусульманские кварталы. Но и это дало очень много интересного.

Не сразу удалось установить, где находилась столица Ганы. Руководствоваться приходилось главным образом теми расстояниями, которые приводят арабские географы, сообщая о путях через Сахару и прилегающие к ней области Западного Судана. И даже название столицы не было известно: арабы именовали ее просто «город Гана» или «город царя Ганы». Название «Кумби» впервые появляется в исторической хронике, написанной в XVI в., через несколько веков после окончательного падения первого

из великих государств Западной Африки. И до того как в начале нашего века с этой хроникой познакомились французские ученые, никто не смог бы определенно сказать, где же все-таки лежал этот легендарный «город Гана». Помещали его и к западу от Томбукту, и в районе современного города Уалаты, и южнее его, в окрестностях селения Нема. И только в 1913 г. французский исследователь Боннель де Мезьер обнаружил обширные развалины Кумби-Сале. Тогда он еще не решился поверить, что перед ним — столица древней Ганы. Только 11 лет спустя другой французский ученый, крупнейший специалист по истории и языкам Западного Судана Морис Делафос, сопоставил местоположение Кумби с теми маршрутами и расстояниями, которые сообщали средневековые географы. И это сопоставление позволило наконец Делафосу твердо сказать: да, развалины Кумби-Сале — это бывшая столица Ганы. Но понадобилось еще четверть века для того, чтобы на городище начались серьезные археологические работы.

Что же обнаружили во время этих раскопок проводившие их археологи Томассе и Мони? Прежде всего результатом их работы оказалось подтверждение тесных связей, существовавших когда-то между Ганой и Северной Африкой. Архитектура городских построек, их планировка, орнаменты, которыми они были украшены, — весь облик города удивительно схож с обликом нынешних сахарских городов, стоящих на древней караванной дороге — таких, как Тишит или Уалата. Материал, собранный на городище, оказался почти таким же, как тот, что обнаружили раскопки в городах и оазисах Северной и Центральной Сахары. И говорил он о том, что население сохранившихся частей города было по преимуществу арабо-берберским. Когда начали раскапывать кладбище, на нем не оказалось ни одного немусульманского захоронения. Все подтверждало, что некогда на этом месте стояло крупное поселение, в нем жили главным образом мусульмане, и родом они были из Северной Африки.

Но раскопки показали и другое. Вокруг центрального ядра, которое составили постройки из обожженного кирпича (только поэтому они и могли сохраниться), лежали обширные предместья. В древности они были застроены глинобитными или соломенными хижинами, поэтому судить о них можно только по таким сохранившимся предметам, которые смогли выдержать влагу нескольких сотен дождливых сезонов: черепкам, бусам, металлическим пред-

метам. Вероятно, предместья эти снабжали город продовольствием, т. е. носили сельскохозяйственный характер.

На городище не удалось обнаружить следов развитого ремесла; вероятно, его и не было. Но зато ученым попало в руки множество доказательств той огромной важности, которую имела для города торговля, особенно торговля золотом. Среди находок самыми, пожалуй, многочисленными оказались маленькие гирьки. Большинство из них были настолько мелки, что возникал вопрос: для чего можно было использовать эту мелочь, что взвешивали при их помощи? Ответ мог быть только один: гири служили для торговли золотом, для взвешивания драгоценного металла.

Раскопки на городище Кумби-Сале обнаружили еще одну любопытную подробность внешней торговли, которую Гана вела с Севером. Вы помните, как ал-Бекри рассказывал о пошлинах на медь, которую вывозили из Западного Судана? Так вот в Кумби-Сале были найдены тонкие медные палочки двух видов — одни вдвое больше других по длине и по весу. Что это такое, помогли понять, во-первых, сообщения гораздо более поздних арабских авторов, относящиеся уже к XIV в. Эти писатели рассказывали, что в местностях, прилегавших к полосе тропических лесов, очень высоко ценилась медь, которую добывали в Сахеле (о том, что ее отсюда вывозили, свидетельствовал и ал-Идриси). А во-вторых, еще в конце прошлого века в некоторых местностях Западной Африки такие пластинки использовались как платежное средство — об этом, собственно говоря, и писал один из арабов в XIV в.; его сведения относились к городу Такедда, что находился в гористой области Аир, к северо-востоку от излучины Нигера. Другими словами, перед учеными были древнейшие африканские медные деньги.

Но вернемся к рассказу ал-Бекри. В нем рядом со свидетельствами сохранения древних пережитков появляются и такие нотки, которые явно не смогли бы прозвучать, если бы в Гане родовое общество сохранялось в неприкосновенности. Одно упоминание царских тюрем говорит о том, что власть царя приходилось поддерживать уже и средствами принуждения. А то, что Абу Убейд рассказывает дальше, позволяет думать, что и имущественное неравенство в Гане зашло уже довольно далеко, да и сложение классов с противоположными интересами тоже заметно продвинулось.

«Переводчики царя, — говорит он, — из мусульман, так же как и его казначей и большинство везиров. В шитые

одеяния никто из людей не облачается, кроме царя и его наследника, то есть сына сестры царя. Прочие люди надевают хлопчатобумажные, шелковые или парчовые повязки, смотря по своим обстоятельствам...

Их царь украшает женскими украшениями шею и оба локтя, а на голову возлагает высокую и остроконечную позолоченную шапку, на которой укреплены тонкие пряди хлопка. Когда он дает людям аудиенцию для разбора несправедливостей, то находится в шатре; а около шатра привязаны десять лошадей в золоченых покрывалах. Позади царя стоят десять юношей, носящих кожаные щиты и мечи, украшенные золотом. Справа от царя находятся сыновья царей его страны; их волосы заплетены золотом, на них тонкие одежды. Правитель города сидит на земле перед царем, а вокруг него на земле сидят везиры. У входа в шатер находятся породистые собаки, которые почти не покидают место, где пребывает царь, охраняя его. На шеях собак золотые и серебряные ошейники, а на ошейниках — золотые и серебряные замки.

О царской аудиенции они возвещают барабаном, который называют «даба» (этот барабан — длинный полый кусок дерева), и люди собираются. Когда к царю приближаются люди его веры, они становятся перед ним на колени и сыплют пыль себе на голову: это их приветствие ему. Что же касается мусульман, то их приветствие царю заключается лишь в хлопании в ладоши».

Здесь уже много такого, что могло существовать только в классовом обществе. Пышность и великолепие, окружавшие особу царя; царская привилегия — носить сшитую одежду; сыновья правителей зависевших от Ганы областей, которых при царском дворе держали заложниками, — все это должно было выделить царя из окружавших его людей, противопоставить его простым смертным. На это же была направлена и рабская почтительность подданных. Здесь же ал-Бекри дает любопытную и живописную деталь — в какой-нибудь ближневосточной стране или мусульманской Испании она не представляла бы собой ничего необычного, а в условиях Западной Африки должна была особенно подчеркнуть богатство и могущество правителя. Речь идет о десятке лошадей, привязанных у царского шатра во время приемов.

Дело в том, что своих лошадей в огромных областях к югу от Сахары было очень мало — тяжелый климат и муха цеце, переносчик возбудителей страшной сонной болезни.

опустошавшей целые страны, никак не способствовали успехам коневодства. Поэтому хорошие лошади были очень дороги, представляли собой предмет роскоши. И расплачивались за них с североафриканскими поставщиками, как правило, живым товаром — рабами. Через четыреста лет после ал-Бекри португальские мореплаватели рассказывали, что, когда у какого-нибудь «сеньора» в прибрежных областях появлялось желание купить себе коня — просто, чтобы на нем покрасоваться, даже не для военной надобности, — он отправлялся в ближайшее селение, свое или чужое — безразлично, хватал, сколько ему было нужно, людей и продавал их за лошадей. А стоила одна лошадь, рассказывает другой европеец, «до четырнадцати голов негров-рабов, смотря по качеству и красоте лошадей». Поэтому царские лошади были как бы высшим доказательством могущества правителя: ведь и во времена расцвета Ганы их приходилось покупать у купцов по очень дорогой цене.

Расслоение общества на классы хорошо видно и в описании царского погребения: «Когда умирает их царь, они воздвигают для него большой купол из дерева платана и ставят его на месте будущей могилы царя. Затем приносят царя на троне с небольшим числом циновок и ковров и вносят его в это купольное сооружение. Вместе с царем кладут его украшения, его оружие и его посуду, из которой он раньше ел и пил, помещая в нее еду и питье. Вместе с царем вносят тела тех людей, что прислуживали ему при еде и питье. За царем закрывают дверь постройки, поверх купола кладут ткани и товары. Затем собираются люди и насыпают поверх купола землю, пока он не станет похож на большой холм. Потом выкапывают вокруг него ров, так что к этому возвышению можно проникнуть только в одном месте. Для своих покойников они убивают жертвенных животных и наливают им вина».

У сонинке и родственных им народов подобный обычай погребения правителей сохранялся много веков. В конце XV в. португальцы застали такие же погребальные обряды в прибрежных областях современной Гамбии. В конце прошлого и в начале нынешнего века французские этнографы описали обычай, которые почти не изменились, а их коллеги-археологи вскрыли такие же погребения как раз в местностях, прилегающих к среднему течению Нигера. И если ал-Бекри просто рассказал о царском погребении, хотя и приводя такие подробности, сами по себе очень

красноречивые, как убиение царских слуг, которые должны были последовать за господином в загробный мир, то более поздний арабский историк прямо говорит: хоронят только богатых и знатных, а трупы бедняков просто выбрасывают, так же как трупы домашних животных.

Впрочем, такое разграничение погребальных обрядов по имущественному положению умерших не раз встречалось у самых разных народов. Больше чем за двести лет до ал-Бекри арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан, который ехал через Среднюю Азию в составе посольства багдадского халифа ал-Муктадира к «царю славян», рассказывал почти слово в слово то же самое о погребальных обрядах у кочевников-огузов, предков современных туркменов. И дело здесь не в простом совпадении, а в том, что подобное разграничение погребальных обрядов соответствовало в разное время и в разных частях земного шара одной и той же стадии развития общества: началу перехода от доклассового общества к классовому.

Люди, писавшие отчеты, которые легли в основу рассказа ал-Бекри о Западной Африке, были наблюдательны и практичны. Они хорошо понимали: основа могущества царя Ганы — его богатства. А богатства во многом зависели от добычи золота и от получения царем своей доли в этой добыче. И распределение золота со всей ясностью показывает классовый принцип.

«Когда в любом из рудников страны этого царя находят золотой самородок, — говорит ал-Бекри, — царь его забирает, а людям оставляет от золота только тонкую пыль. Если бы не это, количество золота в руках людей возросло бы настолько, что оно бы обесценилось. Самородки бывают весом от унции до ритля³. И говорят, что у царя есть самородок, подобный большому камню».

Вот этот самородок в виде большого камня стал для арабских авторов как бы знаком царского достоинства в Гане и сменившем ее Мали. Через сто лет после ал-Бекри этот «камень» как самую первую из достопримечательностей Ганы описал ал-Идриси. «Во дворце у царя есть золотой кирпич из одного цельного куса золота, весом в 30 ритлей — это достоверно знают люди из ал-Магриба ал-

³ Р и т л ь — средневековая ближневосточная весовая единица: от 30 до 406 г, если держаться средних величин. Но размер ритля сильно изменялся в зависимости от места и времени — в некоторых случаях его величина могла превышать 3 кг.

Акса⁴ и разногласий относительно этого нет. Аллах создал его целым слитком, который не отливался в огне и не обрабатывался никаким орудием. В нем пробито отверстие, за которое привязывают лошадь царя. Этот слиток — диковина, которой нет ни у кого, кроме царя, и его исключительная привилегия. Царь гордится им перед прочими царями черных».

Трудно, конечно, сейчас сказать, какой величины был этот легендарный самородок. Но как бы то ни было, царская монополия на самородное золото имела очень ясный смысл: вместе с другими обычаями она говорила о появлении в Гане правящего класса, имевшего по сравнению с остальным населением немалые привилегии — и имущественные, и социальные.

И ал-Бекри, и ал-Идриси обратили внимание на еще одну отрасль хозяйства тогдашней Ганы и прилегавших к ней стран. Этой отраслью была торговля живым товаром — рабами. По своей древности она не уступала золотой и соляной торговле. Когда Геродот писал о гарамантах, ему уже известно было, что обладатели колесниц, запряженных четверней, охотились на эфиопов-троглодитов. И со временем эта торговля отнюдь не потеряла своего значения. Занимались ею обычно те же купцы, что осуществляли обмен соли на золото, а объектом их деятельности оказались негроидные жители областей, граничащих с саванной на юге.

Как раз о таких купцах, совмещавших коммерческие операции золотом с работорговлей и избравших местом своей деятельности районы северо-западной части нынешней Республики Мали, и рассказывает «Книга путей и государств» ал-Бекри: «Из Ярсаны люди неарабского происхождения, известные под названием нунгамарта, вывозят черных рабов. И они же — торговцы золотым песком в этой стране».

Не раз говорит о работорговле и ал-Идриси. Вот положение в верхнем течении Сенегала: «К югу от Барисы расположена земля Ламлам, до нее около 10 дней пути. Жители Барисы, Силлы, Текрура и Ганы совершают набеги на страну Ламлам, берут в плен ее жителей, приводят их в свою землю и продают приезжающим к ним купцам. Купцы же уводят их в другие страны».

⁴ Букв. «Дальний Запад». Так в арабской географической литературе называлось нынешнее Марокко.

Дальше следует рассказ о землях в междуречье Нигера и истоков Сенегала: «...по берегам ручья, из которого пьют воду, от его истока до впадения в Нил, живут многочисленные народы нагих черных... Жители соседних с ними стран с помощью разных хитростей постоянно захватывают их в плен, угоняют в свои страны и, связанных друг с другом, продают купцам. Большое число их ежегодно угоняют в ал-Магриб ал-Акса».

И наконец, описание областей в верхнем течении Сенегала, около нынешнего города Каеса: «Город Гийяра расположен на берегу Нила⁵. Он окружен рвом. Жители Гийяры многочисленны, они отважны и опыты. Они совершают набеги на страну Ламлам, берут в плен жителей, пригоняют их и продают ганским купцам. Между Гийярой и землей Ламлам — тринадцать переходов. Жители Гийяры запасаются водой и ночью выступают в путь на кровных верблюдах. Цели они достигают днем, захватывают добычу и возвращаются в свою страну с теми из жителей Ламлама, над кем им даровал победу Аллах».

Из всех этих рассказов видно не только то, как была распространена охота за рабами на продажу, но еще и то, что чернокожие жители Ганы и соседних стран принимали в ней живейшее участие, намного превосходя в этом отношении белых арабо-берберских купцов из Северной Африки.

Те из европейских исследователей, кто старался объяснить работорговлю в Западной Африке до появления в ней европейцев какой-то извечной враждой между белыми и черными африканцами, совершенно определенно оказались не в ладу с фактами. Дело было не во вражде между расами, а во влиянии, которое оказывали на общественное развитие западной части континента к югу от Сахары окончательно сложившиеся классовые общества Северной Африки: спрос на рабов порождал и предложение. И среди жителей Ганы появились люди, заинтересованные в том, чтобы этих рабов добыть и выгодно продать.

И работорговля, и торговля золотом оказывали очень сильное воздействие на развитие общества Ганы. Они ускоряли в этом обществе имущественное расслоение, усиливали его быстро богатеющую верхушку. В Гане к тому времени, когда о ней писал ал-Бекри и когда она находилась на вершине своего могущества, из прежней родовой

⁵ Здесь ал-Идриси считает Нилом уже Верхний Сенегал.

верхушки уже сложился господствующий эксплуататорский класс. Он вырос на караванной торговле через Сахару; через его руки проходили большие количества золота и рабов — ведь рабский труд в хозяйстве еще не нашел широкого применения, и почти все захваченные рабы шли на продажу. И поэтому интересы этого класса были направлены в первую очередь за пределы собственного общества — на увеличение дани с зависимых владетелей, на захват большего числа рабов, а не на ускорение хозяйственного, а значит, и общественного развития в самой Гане.

Мы даже не знаем, несло ли население какие-то повинности в пользу царской власти; т. е. повинности-то несомненно были (царская монополия на крупные находки золота — самая очевидная из них), но роль их в сравнении с внешней данью и с доходами от караванной торговли была очень невелика. И по отношению к своим соплеменникам господствующий класс носил характер скорее просто паразитический, чем эксплуататорский.

Так что же собой представляла Гана эпохи расцвета с точки зрения социально-экономической?

На этот вопрос трудно ответить сразу и категорически: уж слишком скудны наши источники, слишком иной раз противоречивы их сообщения. И можно только постараться в большей или меньшей мере приблизиться к истине, пока новые данные не позволят науке дать исчерпывающие ответы на все трудные вопросы.

Из сообщений арабских географов видно, что в Гане середины XI в. было немало признаков классового общества. К ним относится существование отдельного дворцового квартала, в котором находились не только резиденция царя, но и святилища и тюрьмы, существование отдельных царских кладбищ и характер царских захоронений. Сюда же надо отнести и содержание при царском дворе сыновей вассальных правителей в качестве заложников; царскую монополию на крупные находки золота и торговые пошлины, которые цари Ганы взимали в свою пользу с караванной торговли; и конечно же, широкое распространение работорговли и тесно с ней связанной охоты за рабами, благодаря чему можно уверенно сказать, что в средневековой Гане уже состоялось знакомство с рабским трудом, хотя и нет никаких прямых свидетельств его использования внутри страны.

Все это позволяет, казалось бы, ответить утвердительно

на вопрос: существовало ли в Гане классовое общество? Тем более что уже самое существование государства оправдывает такой ответ.

Но те же самые источники говорят и о сохранении множества пережиточных явлений — таких, которые свойственны были совсем не классовому обществу, а еще родовому строю. Первым из них оказывается сохранение счета родства по матери, что совершенно исключается в развитом классовом обществе. Затем ни единого слова не говорится о том, как же использовался труд простого люда — крестьян, земледельцев, рыбаков, охотников. Можно лишь сказать, судя по очень отрывочным сообщениям источников, что дело ограничивалось небольшими данями. И при этом производительные силы в сельском хозяйстве оставались на очень низком уровне. Например, техника земледелия была крайне примитивной, так что поливное рисоводство встречалось довольно редко.

Пожалуй, больше всего оснований наши источники дают для того, чтобы утверждать, что неразвитый характер общественного производства в Гане в конечном счете обусловил и сохранение более древних форм идеологии. Ислам к этому времени даже и поверхностно не слишком затронул ганское общество: цари и большинство их ближайших придворных чинов еще оставались, с точки зрения арабов-мусульман, идолопоклонниками. Но при особе царя уже находилась группа мусульман-советников. И к тому же существование в самой столице государства большой мусульманской колонии тоже создавало дополнительное удобство для проповеди новой веры: в ее носителях и проповедниках недостатка не было. Не хватало только одного — такого уровня развития противоречий в обществе, при котором смена господствующей формы идеологии стала бы необходимостью.

Подавляющее большинство жителей Западного Судана, точнее, той его части, что входила в сферу влияния царей Ганы, оставалось при своих прежних верованиях, хотя ислам сделал уже серьезные успехи на востоке — в Гао, и на западе, где он стал государственной религией Текрура, государства, основанного предками нынешнего народа тукулёр на Сенегале, где около современного городка Подора находился его центр.

Ал-Бекри очень подробно и точно описал один из местных культов в районе впадения в Сенегал его притока Колембине. Вот его описание. «Это группа черных, покло-

няющихся змее, похожей на большого дракона с гребнем и хвостом; ее голова похожа на голову двугорбого верблюда. Она живет в пещере в пустыне. У устья пещеры находятся решетчатая ограда, ступени и жилище людей, прислуживающих этой змее и воздающих ей почести⁶. Они прикрепляют свои дорогие одеяния и лучшее имущество к этой ограде. Змее ставят блюда с едой и кубки с молоком и другим питьем.

Когда они пожелают, чтобы змея вышла к решетке, они произносят речь, свистят определенным образом, и змея к ним выходит. Если погибает кто-нибудь из их правителей, то все, кто достоин царской власти и приближен к ней, собираются, произносят известные им слова, и змея к ним приближается. Она обнюхивает их одного за другим, пока не ткнет кого-нибудь из них носом; а когда ткнет, то возвращается в пещеру. Тот, кого она ткнула, следует за ней так быстро, как только может, чтобы выдернуть из хвоста змеи наибольшее количество волосков, какое сможет. И продолжительность его правления над этими людьми соответствует числу этих волосков: по году за каждый волос. По их словам, это их не обманывает».

Больше чем через сто лет после того, как написана была «Книга путей и государств», около 1283 г., известный испанский философ и проповедник Раймунд Луллий, один из самых оригинальных и ярких людей не только своего времени, но, пожалуй, и всего испанского средневековья, описал со слов какого-то католического монаха, будто бы побывавшего в Западной Африке, культ дракона, существовавший там. И его описание очень схоже с тем, что рассказывал ал-Бекри.

Итак, мы можем считать, что если в Гане времен ал-Бекри и сложилось уже классовое общество, то находилось оно на самой ранней ступени своего развития. Это было раннеклассовое общество, причем в его появлении на свет внешнее обстоятельство — транссахарская торговля — сыграло едва ли не большую роль, чем собственное экономическое развитие. Потому-то и придавали цари Ганы такое значение караванной торговле, что она была главной экономической основой существования великой державы на территории тогдашнего Западного Судана. Ведь кроме нее не было еще никаких хозяйственных связей, которые бы могли скрепить такую державу. И вся средневековая

⁶ Имеются в виду, очевидно, жрецы.

Гана являлась как бы огромной внешнеторговой надстройкой над обществом, где еще только начинали создаваться предпосылки для появления имущественного неравенства внутри родовой организации.

Настоящая эксплуатация существовала в X—XI вв., пожалуй, только по северной границе — в оазисах Сахары. Здесь довольно рано земледельческое негроидное население оказалось в полурабской-полукрепостной зависимости от туарегов, кочевавших в окружавшей оазисы пустыне. В истории человечества повсюду, где земледельческие области граничили с кочевой степью, с незапамятных времен существовала тесная связь между хозяйствами кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев. Обмен продуктами труда был жизненно необходим обеим сторонам. Но в Сахаре он порой (и надо сказать, довольно часто) приобретал немного своеобразный облик.

Мы встретились с городом Аудагостом, когда шла речь о Ибн Хаукале и о его оценке важности соляной торговли. Так вот Аудагост как раз и был прекрасным примером этой своеобразной формы взаимоотношений кочевого и оседлого населения. В «Книге стран», которую ал-Якуби окончил писать в 891 г., об этом оазисе было сказано только: «Это возделанная долина, в которой есть поселения. В ней живет царь санхаджа. У них нет ни веры, ни закона. Царь совершает набеги на страну черных, а их царства многочисленны». Другими словами, в конце IX в. хозяевами оазиса были санхаджа, одно из самых крупных и сильных кочевых племен Сахары. Но конечно, берберы-кочевники никогда бы не стали сами заниматься земледелием. Это оставалось делом коренного населения оазиса — чернокожих сонинке, того самого народа, который на несколько сот километров южнее создал великую Гану, а на самой границе пустыни и Сахеля оказался в зависимом и нещадно эксплуатируемом положении.

Когда в 1939 г. французские ученые предприняли раскопки на городище древнего Аудагоста, результаты этих раскопок полностью подтвердили такую точку зрения. Здесь, на плато Ркиз, в южной части Мавритании, оказались следы довольно развитого земледелия, а поселения очень четко разделялись на два типа: один — такой же, как в торговых городах Сахары, населенных арабо-берберами, а другой — как в поселениях чернокожего земледельческого населения Сахеля и саванны.

Величие и падение Ганы

Цари Ганы, так же как и сменившие их впоследствии правители Мали и Сонгай, старались как можно полнее подчинить себе торговлю через Сахару. Лишние посредники были в ней ни к чему. И после долгих столкновений с кочевниками ганские войска в самом конце X в. захватили Аудагост, продвинув границы Ганы далеко на север.

Это было время наивысшего расцвета могущества Ганы. На огромном пространстве от средней дельты Нигера до низовий Сенегала и от плато Тагант до Верхнего Нигера царь Ганы был признан высшим политическим авторитетом. Ал-Бекри утверждал, будто численность войска Ганы составляла двести тысяч человек. Конечно, средневековые авторы обычно склонны основательно преувеличивать численность армий, о которых пишут. И уменьшив цифру ал-Бекри раз в десять, мы окажемся гораздо ближе к истине, хотя, наверно, и такая цифра будет слишком велика. Но дело не в цифрах, а в том, что таким способом арабский географ и те люди, чьими рассказами он воспользовался, хотели показать силу и величие западноафриканской державы.

Еще более определенно сделал это ал-Идриси, хотя, как это нередко бывало в средневековой арабской географической литературе, его сведения имели уже столетнюю давность. «Все эти страны, о которых мы рассказали, — писал он, — находятся в повиновении у государя Ганы. Они выплачивают ему дань, а он их защищает».

Но в торговом характере политики Ганы таилась и постоянная опасность. Ведь из этой политики неизбежно вытекало стремление избавиться от посредников — у нас уже шла об этом речь. А на таком пути рано или поздно должно было произойти решительное столкновение с самым невыгодным и агрессивным из таких посредников — с сахарскими кочевниками.

Пока сильное и более или менее централизованное государство противостояло отдельным туарегским племенам, все шло хорошо. И даже оказывались возможными такие большие успехи, как завоевание Аудагоста. Но этим успехам немедленно пришел конец, как только в северной части Западной Сахары оформилась мощная «конфедерация» кочевых берберских племен группы санхаджа.

Идеологической базой этого союза племен послужила

реформаторская деятельность богослова Абдаллаха ибн Ясина из племени геззула. Как всякий средневековый религиозный реформатор, Абдаллах прежде всего призывал очистить «истинную веру» от недопустимых новшеств, требуя от своих приверженцев строгого соблюдения основных предписаний ислама, воздержанного и почти аскетического образа жизни. Сам он, впрочем, едва ли мог служить примером в этом отношении: «Абдаллах был женат на многих женщинах, — спокойно поясняет современник его, все тот же Абу Убейд ал-Бекри, — он женился на нескольких из них каждый месяц и разводился с ними. Неслыханно было, чтобы осталась красивая женщина, которую бы он не потребовал себе в жены. Подарки же его этим женщинам не превышали четырех мискалей золота».

Но для кочевой знати, мало интересовавшейся тонкостями догматики, да и для массы рядовых кочевников призывы к «священной войне» против «черных язычников» имели очень ясный и определенный практический смысл. Кочевники ничуть не хуже царей Ганы понимали, что, чем меньше посредников будет в торговле, тем бóльшие барыши достанутся им, хозяевам пустыни. И призыв к «джихаду» — «священной войне» — давал, казалось, возможность перераспределить в свою пользу доходы от сахарской торговли.

Успешное завоевание Марокко, правда, отвлекло на некоторое время внимание верхушки Алморавидов⁷ от сахарских проблем. Но только на некоторое время. А уже в 1076 г. войско кочевников захватило Кумби, столицу Ганы, и подвергло город страшному разгрому.

Однако военная победа над Ганой не принесла кочевникам желаемых экономических выгод. Прежде всего потому, что союз санхаджийских племен, сделавший возможной победу над Ганой, сам оказался настолько непрочен, что развалился всего через одиннадцать лет после взятия Кумби. А без такого сильного объединения нечего было и думать об увеличении своей доли в доходах с торговли.

Ал-Идриси в «Книге Рожера»⁸ показал те изменения, что произошли в Гане за столетие, протекшее между созда-

⁷ От араб. «ал-мурабитун» — «жители рибата», т. е. пограничной крепости на окраинах мусульманского мира, где собирались «борцы за веру». Алморавидами (европейская передача этого слова) стали называть последователей Абдаллаха ибн Ясина.

⁸ «Книга Рожера» («Китаб Руджжар») была написана ал-Идриси по поручению норманнского короля Сицилии Рожера II.

нием «Книги путей и государств» ал-Бекри и его собственных трудов. В основном эти изменения относились к распространению ислама в Западной Африке. Ведь единственным мало-мальски долговечным итогом победы Алморавидов в 1076 г. оказалось некоторое ускорение в продвижении ислама в Судан.

Да и здесь успехи были вовсе не так уж велики. Во всяком случае никак нельзя приписать Алморавидам всю заслугу введения ислама в Западной Африке (а так иногда делают даже сейчас). Нельзя хотя бы уже потому, что это был очень и очень длительный процесс — он до сих пор еще не завершился. И тем более невозможно поверить, что набег кочевников — пусть даже очень крупный, но не имевший тем не менее никаких серьезных политических последствий — смог разом опрокинуть древние верования, уходившие своими корнями в глубь веков, и утвердить на их месте новое и совершенно чуждое людям вероучение.

Гана продолжала существовать. Именно к периоду после алморавидского погрома относятся находки Томассе и Мони во время раскопок в Кумби-Сале в 1949—1951 гг. Торговля с Северной Африкой не прервалась. Но могущество государства быстро пошло на убыль. А это влекло за собой неприятные последствия в самом Западном Судане: прежние вассалы осмелели и стали пытаться проявлять самостоятельность — сначала робко, потом все смелее и увереннее.

К концу XII в. практически уже никто в Западном Судане не признавал гегемонию Ганы. Появилось сразу несколько соперничавших между собой государств. Во главе их стояли бывшие вассалы, а порой и просто бывшие наместники царя. К таким наместникам принадлежал, по преданию, и Сумаоро Канте, правитель государства Сосо (предание утверждает, что прежде он был даже рабом царя Ганы). На короткое время казалось даже, что это государство заменит Гану в роли гегемона западносуданской «большой политики». Этого, правда, не случилось, но в начале XIII в. бывший наместник взял Кумби. Так был нанесен решающий удар могуществу Ганы: после захвата столицы войском Сосо ее оставили купцы, переселившиеся в новый город — Уалату, расположенную в нескольких сотнях километров на север от Кумби. Соответственно туда переместился и торговый центр.

После этого Гана захирела уже окончательно. Правда, она продолжала свое существование как вассал новой боль-

шой суданской державы — Мали. Правитель Ганы, единственный из всех малийских вассалов, сохранил даже право именоваться царем. Но это было уже просто красивым жестом царя Мали — так сказать, свидетельством подчеркнутого уважения к давно миновавшим могуществу и славе. А реальной силой на предстоявшие почти два столетия становилось Мали, великая держава династии Кейта. К рассказу о ней мы сейчас и перейдем.

ЦАРСТВО СУНДЬЯТЫ

Люди саванны

Новое государство складывалось в верхнем течении Нигера, где невысокие скалистые холмы Мандингских гор отделяют Нигер от истоков другой большой реки — Сенегала. Уже очень давно жили здесь предки современного народа малинке, одного из самых известных и распространенных в Западной Африке. Как и сонинке, создатели Ганы, они принадлежали к большой семье народов, говорящих на языках манде; поэтому их иногда называют и мандингами. Но в этом имени — малинке — навсегда запечатлелось название государства, слава которого в XIV—XV вв. гремела по всему Средиземноморью: «малинке» означает «люди Мали».

Люди, жившие в междуречье Нигера и Сенегала, издавна занимались земледелием. До сих пор один из самых распространенных мотивов в устном поэтическом творчестве жителей этих мест — расчистка под посев участков леса или саванны. На таком участке растительность сначала вырубали, а потом срубленные растения сжигали. При посеве зола служила удобрением. Такая система земледелия носит название подсечно-огневой. Ее недостаток в том, что она требует частой смены обрабатываемых участков, так как почва под посевами истощается очень быстро. Но свободных земель в саваннах Западного Судана было очень много, так что этот недостаток не причинял земледельцам больших забот.

С незапамятных времен в этих местах сеяли дурру — она и служила основным пищевым злаком, сажали маниоку — травянистое растение с толстым мучнистым корнем, содержащим много крахмала. Довольно широко распространены были и посевы хлопка. Меньшее значение имело

скотоводство. Как и повсюду в Западном Судане, здесь существовало разделение труда между жителями земледельческих местностей и скотоводами-кочевниками, разводившими скот дальше к северу, в Сахеле. Кочевники обменивали свой скот на продукты земледельческого труда оседлых людей.

Большое место в жизни древних малинке занимала охота. И сейчас еще видно ее хозяйственное значение: охота служит заметным подспорьем и в современном хозяйстве народов этого района, а к тому же у них сохранилось множество древних легенд, верований и обрядов, связанных с духами охоты. И хотя сюда давно пришел ислам, он так и не смог вытеснить из народного сознания эти древние традиции.

Но все же основой хозяйственной жизни оставалось земледелие. Оно требовало очень больших затрат труда. Ведь до самого недавнего времени народы Западной Африки не знали плуга: вся обработка земли велась мотыгами. И хотя многовековой производственный опыт африканских земледельцев привел к созданию множества особых, очень специализированных видов мотыг, прекрасно приспособленных к самым разнообразным видам земледельческих работ, все же при такой технике обработки земли производительность труда земледельца оставалась очень низкой. В одиночку крестьянин не смог бы справиться и с расчисткой участка, и с рыхлением почвы, и с посевом или посадкой. И поэтому основой хозяйства мандингских народов, т. е. народов, говоривших на языках группы манде, мог быть только коллективный труд.

Первичной ячейкой организации общества у этих народов была большая семья. В нее входили не одни только кровные родственники: отличительной особенностью большой семьи в Западном Судане было то, что в нее включались люди, не связанные с нею узами родства — вольноотпущенники и рабы. Рабы составляли часть общей собственности семьи — такая собственность включала помимо них постройки, орудия труда и скот.

Но не нужно преувеличивать тяжесть положения рабов у малинке, да и у других родственных им народов. Дело в том, что настоящими рабами, такими, которые, по классификации римских юристов, считались бы «говорящим орудием», а не человеческим существом, были только те, которых захватывали для того, чтобы впоследствии продать. Их участь действительно была незавидной. Но

значительная часть пленников, особенно в ранний период, когда еще не вполне завершилось сложение у этих народов общества с антагонистическими классами, либо оказывалась посаженной на землю и работала на ту семью, в собственность которой попадала, либо же включалась в состав царского войска.

Очень важная особенность: рабство само по себе не считалось неизменным состоянием. Ребенок раба, рожденный в доме господина, уже пользовался некоторыми привилегиями по сравнению со своими родителями — его, в частности, уже ни при каких условиях нельзя было продать. А в четвертом поколении раб и вовсе переставал быть рабом, превращаясь в «дъонгорон» — вольноотпущенника. И как вольноотпущенник он продолжал считаться членом той большой семьи, к которой принадлежали его предки-рабы.

Хотя вольноотпущенник и не был вполне равноправен со свободными членами семьи, отличие его от низших категорий свободных — а сюда относились все ремесленники, которые образовывали касты, т. е. группы людей, наследственно занятых какой-нибудь одной профессией и могущих заключать браки лишь внутри своих групп, — почти не ощущалось. А уж когда речь шла о вольноотпущенниках царской семьи, их положение почти всегда оказывалось лучше положения рядовых свободных малинке. Из царских «дъонгорон» составлялись отборные части войска, вольноотпущенники, а зачастую и просто рабы правителей ставились наместниками городов и целых областей. И в конечном счете царь стремился к тому, чтобы все важнейшие должности в государстве оказывались заняты его рабами или бывшими рабами: ведь эти люди были связаны только с царем и его семьей, зависели только от них и только им были обязаны своим положением. А это на первое время давало некоторую гарантию, что «дъонгорон» и рабы будут верно служить своему господину.

Не нужно думать, что внутри большой семьи у мандингских народов не возникало противоречий. Это была патриархальная семья — она называлась «тун» или «тон». Во главе ее стоял самый влиятельный, обычно старейший, мужчина. Ему принадлежала очень большая власть над всеми остальными членами семьи — он распоряжался их трудом, он был их командиром в военных предприятиях, он же был и жрецом местного божества. Власть его, таким образом, имела и светский, и духовный характер. И потому уже на ранних стадиях развития у главы семьи появлялись

возможности эксплуатировать труд не только рабов «тун», но и свободных членов семьи — как полностью свободных и полноправных, так и не вполне полноправных: ремесленников и вольноотпущенников.

Среди неполноправных каст, в которые входили все ремесленники (свободный полноправный малинке мог быть только земледельцем или охотником); выделялись своим авторитетом и своей ролью в обществе гриоты. Это была каста певцов-сказителей, которые хранили народные предания, передавая их из поколения в поколение, от отца к сыну. Очень часто гриоты, в особенности царские (ведь каждая семья имела своих гриотов), занимали исключительно высокое положение в государственном аппарате.

Из нескольких больших патриархальных семей складывалась «дугу» — сельская община. Она распоряжалась землей, причем на практике эту функцию осуществлял глава той семьи, которая в данной местности поселилась первой. Внутри общины существовало уже несколько слоев. Выше всех стояли главы отдельных патриархальных семей; они пользовались преимущественным правом занимать высокие должности в войске и в управлении. За ними следовали рядовые свободные общинники; из них, особенно в раннее время, составлялось войско. Ниже стояли ремесленные касты, среди них тоже существовал определенный порядок старшинства: выше всех были кузнецы, дальше шли кожевники, ткачи и остальные ремесленники. Самой «младшей» из неполноправных каст считались гриоты, но и у них была градация: гриот кузнецов, например, оказывался выше гриота ткачей. И наконец, на нижней ступеньке общественной иерархии стояли «дьонгорон» и рабы.

Положение главы «дугу» — он назывался «дугу-тиго» — создавало еще большие возможности для накопления богатств в одних руках, чем положение главы отдельной большой патриархальной семьи. Он распределял земли между отдельными «тунами», и все, кто входил в их состав, обязаны были отдавать главе общины часть своего урожая. Точно так же облагался налогом любой доход, полученный во владениях общины с чего бы то ни было — от охоты, рубки леса или добычи полезных ископаемых. Считалось, что налог этот принадлежит всей общине и должен расходоваться на ее нужды по указаниям совета глав отдельных «тунов». Первоначально это так и делалось, но уже довольно скоро «дугу-тиго» стал распоряжаться налогом единолично, все меньше обращая внимания на совет.

Более того, глава общины имел возможность по своему усмотрению использовать и труд свободных людей, объединявшихся в так называемые возрастные классы. Эти объединения лиц одного возраста создавались первоначально для взаимной помощи в хозяйстве, в частности для обработки полей будущих или настоящих родственников жены каждого из входивших в такое объединение. Создание возрастных классов относилось к очень давнему времени, они составляли часть системы воспитания молодежи и ее подготовки к исполнению, так сказать, гражданских обязанностей. Но впоследствии труд возрастных классов стали использовать и верховная власть, и местные вожди для выполнения различных тяжелых работ, в особенности ирригационных. И труд этот фактически превращался в разновидность барщины.

Такими путями выделялся сильный в имущественном отношении слой вождей, так складывалась родовая аристократия.

Несколько общин объединялось в союз — этого требовали и интересы военной безопасности, и торговые дела. И в результате военных столкновений, под влиянием караванной торговли, которая способствовала накоплению богатств в руках знати «дугу», какой-нибудь из этих союзов начинал возвышаться. В конечном счете под его властью оказывалась более или менее обширная область, которую населяли не только разные союзы общин, но часто и разные народы.

Считалось, что входящие в союз люди происходят от некоего общего предка. Но союз «дугу», особенно осуществлявший главенство на более или менее значительной территории, включал не одних только кровных родственников; в него входили многочисленные категории зависимых свободных людей, вольноотпущенников и рабов. И все же представление о родственной связи сохранялось, хотя она уже давно была чисто условной. Такой союз носит в науке название «клан» — и так мы его и будем называть дальше.

Возвышение какого-нибудь клана прямо зависело от того, каким количеством рабов он распоряжался. Ведь их можно было использовать и как рабочую силу в земледелии, и как воинов. При этом очень часто разница между свободным общинником и рабом клана не только стиралась, но и обращалась не в пользу свободного. И поэтому нередко многие общинники добровольно становились рабами клана. Французский ученый Шарль Монтей имел все осно-

вания писать, что для свободного бедняка счастьем было попасть в число клановых рабов (особенно в более поздние времена, когда понятие «клановый раб» стало равнозначно понятию «царский раб»): с одной стороны, он таким способом избавлялся от произвола и вымогательств этих же самых рабов, занимавших в клане привилегированное положение, а с другой — сам приобретал их права и привилегии.

Опираясь на войско, составленное из рабов, глава правящего клана мог себя чувствовать более или менее независимым от старой родовой знати. К тому же караванная торговля давала в его руки немалые богатства, а они тоже помогали укреплению некоторой независимости правителя. Торговля заметно ускорила процесс сложения классов у малинке и родственных им народов: от нее основные выгоды доставались знати (мы уже видели это — в меньшей, правда, степени — в Гане). В руках главы клана — у малинке он носил титул «манса», т. е. «царь», — и его ближайшего окружения находилась основная масса товаров, которые больше всего интересовали купцов с другого «берега» Сахары, — золота и рабов. Эта же верхушка клана покупала и дорогие товары, которые везли в Судан из Северной Африки, — ткани, утварь, оружие, украшения. А рядовые общинники, не говоря уж о рабах, мало чем могли воспользоваться из египетских или североафриканских товаров. Их из статей «большой торговли» интересовала по существу одна только соль.

Так у малинке складывалось классовое общество. С одной стороны, была аристократия клана — родовая и новая, сложившаяся из царских и клановых рабов. С другой — рядовые общинники, ремесленники и посаженные на землю рабы, из которых постепенно образовывался единый общественный класс — зависимое крестьянство.

А вслед за классовым обществом появлялись и первые государства. Сейчас нельзя точно сказать, когда они сложились на Верхнем Нигере. Письменных сообщений о раннем Мали нет, а исторические предания народов Западного Судана не могут нам дать представления о времени: для гриота, сказителя, передававшего такие предания, разница в несколько сот лет не имела никакого значения. Только очень приблизительно можно установить, что первые княжества существовали здесь уже к IX в., если не раньше. Именно во второй половине IX в. арабский историк и географ ал-Якуби, с которым мы уже встречались,

впервые упомянул «царство Маллил», одно среди многих царств Западной Африки. Сам он никогда не выезжал южнее Верхнего Египта. И сообщение его отразило многолетний опыт египетских купцов, участников никогда не прекращавшейся древней торговли через пустыню.

Это Мали, самое раннее, состояло из двух областей. Одна из них лежала в верхнем течении реки Бакой, а другая — между нынешним городом Сигири и селением Каба, в северо-восточной части современной Гвинейской Республики. Первая называлась «До», вторая носила название «Кири». И слова «До ни Кири» — «До и Кири» — и поныне обозначают в малийских исторических преданиях древнейшее государство Мали.

Область До знали уже те, на чьих сведениях основывал ал-Бекри свою «Книгу путей и государств»: он называл До «большим царством» и даже отметил его протяженность: восемь дней пути. Ал-Идриси в XII в. тоже упомянул Мали — он описал столицу его и указал расстояние между нею и городом «Великая Гана». Это расстояние, по словам ал-Идриси, составляло двенадцать дневных переходов.

Сундьята, сын Соголон

Когда во второй половине XI в. нашествие Алморавидов подорвало могущество Ганы и бывшие вассалы ее стали понемногу освобождаться от зависимости, между ними сразу же вспыхнула упорная борьба за первенство. Победитель в этой борьбе определился далеко не сразу, и Мали пришлось еще раз испытать на себе все тяготы, которые мог возложить на своих вассалов могущественный сюзерен. На сей раз им оказался уже знакомый нам Сумаоро Канте, царь государства Сосо — тот самый, что нанес Гане окончательный удар.

Сосо занимало оба берега Нигера в районе нынешней столицы Республики Мали — Бамако, а столицей Сумаоро была Каньяга. Народ сусу, также один из народов группы манде, сейчас живет в Гвинейской Республике, в прибрежных ее областях; между прочим, столица Гвинеи — Конакри — стоит как раз в местности, населенной преимущественно сусу. Но пока наука не располагает данными, которые бы позволили отождествить современных сусу с народом, управляемым Сумаоро Канте. Скорее всего поддан-

ные царя Сосо были только одним из народов, которые после многих веков развития образовали в конце концов нынешний народ сусу.

Из нескольких кланов малинке, оспаривавших друг у друга верховную власть в древнем Мали, в конце XII — начале XIII в. выделился клан Кейта, занявший в течение второй половины XII в. господствующее положение. На долю правителей из клана Кейта, особенно же Сундьяты, национального героя народа малинке, а отчасти и родственного малинке народа бамбара, выпала трудная задача: освободиться от власти царей Сосо и создать крупное и могущественное малийское государство.

Мало кто из исторических деятелей средневековья, и западного и восточного, окружен таким количеством легенд, как Сундьята. Первоначальный вариант рассказа о подвигах великого воина и правителя оброс множеством подробностей; очень немногие из них могли появиться при жизни героя или даже хотя бы при жизни его ближайших преемников. Содержание рассказа при передаче из поколения в поколение профессиональными сказителями-гриотами неизбежно, хотя и очень медленно, изменялось, теряя одни детали и приобретая другие. Со временем сложилось несколько вариантов сказания о Сундьяте, и варианты эти порой очень отличаются друг от друга.

И тем не менее Сундьята Кейта — лицо несомненно историческое, реально существовавшее и действовавшее. И когда удастся очистить легенду от позднейших напластований, когда исчезают из нее пусть интересные и живописные, но, увы, совершенно сказочные подробности, в особенности подробности, связанные с разного рода магическими верованиями и обрядами, — тогда остается очень реальная фактическая основа: рассказ о подлинных исторических событиях, волновавших Западный Судан в начале XIII в.

Европейские и африканские исследователи приложили много сил и трудов, чтобы как можно полнее записать разные варианты сказания о Сундьяте. Лучше всего это удалось гвинейскому ученому Нианю: в 1960 г. он смог опубликовать перевод полной записи сказания, сделанной в селении Ка-ба, где издавна селились гриоты клана Кейта.

Сундьята, рассказывает легенда, был сыном Фа Магана Кейта, правителя Мали. После смерти отца совет старейшин клана отстранил Сундьяту от наследования престола и мансой стал сын Фа Магана от другой жены — Данкаран Туман Кейта. От рождения Сундьята был пара-

лизован и не мог ходить. Только в 17 лет он впервые встал на ноги, когда понадобилось защитить мать от насмешек соседок (по другому варианту, Сундьята смог подняться, как только прикоснулся к царскому жезлу своего отца). После этого он вместе со своим любимым братом Манде Бори занимался охотой, нисколько не заботясь о судьбах государства. Легенда наделила Сундьяту сверхъестественными способностями к охоте: он будто бы унаследовал их от матери, существа совершенно легендарного — полуженщины-полубуйвола. Здесь нашли свое отражение широко распространенные у малинке и родственных им народов представления об охотничьих божествах: Сундьяту считают посвященным в их таинства.

Однако Данкаран Туман и его мать боялись Сундьяты и замыслили от него избавиться. Сундьяте пришлось бежать из Мали вместе с матерью — Соголон, братом и сестрой. После долгих скитаний он добрался до государства Мема — на левом берегу Нигера, к западу от Томбукту, встретил там дружественный прием и занял высокое положение при дворе правителя — Мусы Тункара.

Тем временем Данкаран Туман после неудачной попытки оказать вооруженное сопротивление Сумаоро Канте, царю Сосо, бежал из Мали. Страна оказалась во власти Сумаоро, и Сундьяте предстояла тяжелая борьба за восстановление независимости своего государства.

Легенда изображает Сумаоро великим волшебником, обладателем многочисленных талисманов. Его не могло поразить простое оружие. Лишь хитростью удалось сестре Сундьяты, выданной за Сумаоро замуж, выведать у мужа его тайну: убить Сумаоро можно было только стрелой с наконечником из шпоры белого петуха.

Сундьята начал собирать силы для войны. Ему помогли войсками правители Мемы и Ганы, постепенно к нему присоединились, гласит предание, двенадцать вождей, в том числе вожди сильнейших кланов малинке — Траоре, Дабо, Сисоко. Когда войско было наконец собрано, Сундьяту избрали царем — мансой. После этого он выступил в поход и принялся подчинять себе прежние владения Мали, отпавшие от него после разгрома Данкаран Тумана войсками Сосо.

Сумаоро, сначала не обращавший на Сундьяту никакого внимания, теперь двинулся с войском ему навстречу. Противники несколько раз встретились, но никому не удавалось одержать решающей победы. Наконец, оба войска со-

шлись около селения Крина, недалеко от нынешнего города Куликоро. Исход боя долго оставался сомнительным. Но в конце концов Сундьята смог поразить Сумаоро стрелой с наконечником из шпоры белого петуха, и царь Сосо обратился в бегство. Спасаясь от преследовавшего его Сундьяты, Сумаоро скрылся в пещере и исчез. И сейчас еще около города Куликоро показывают огромную скалистую гору, одиноко стоящую посреди равнины, а в этой горе—пещеру, где, по преданию, скрылся Сумаоро.

Воины царя Сосо рассеялись, частью они были перебиты, а частью взяты в плен — после окончательной победы Сундьяты им суждено было стать рабами. Сосо перестало существовать.

Победой при Крине Сундьята заложил основы последующего могущества Мали. Но в 1235 г., когда битва произошла, Мали занимало все еще сравнительно небольшую территорию на Верхнем Нигере. После Крины Сундьята начал быстро и неуклонно расширять свои владения. Его ближайшими помощниками были талантливые полководцы. Предание сохранило нам имена самых выдающихся из их числа — Манде Бори (брата Сундьяты), Тирамаханна Кейта и Факоли Курумы. Они предводительствовали войсками, которые еще при жизни Сундьяты подчинили его власти не только земли по обоим берегам Нигера в его верховьях, но и такие области, как плато Фута-Джаллон в нынешней Гвинее, плато Фута-Торо в Сенегале, и многие другие. Малийские воины покорили Бамбук — одну из главных областей добычи золота в Западной Африке, лежащую между притоками Сенегала — Бафином и Фалеме. Другие отряды упорно продвигались вниз по течению Нигера.

Если взглянуть на карту, станет понятно, почему именно эти два направления сделались основными в завоевательной политике Сундьяты и его преемников. Наступая на юг и юго-запад от раннего центра государства, мандингские государи подчиняли своей власти главные области золотодобычи. А движение на север и на северо-восток позволяло овладеть важнейшими центрами большой караванной торговли с Северной Африкой и Египтом — торговыми городами Томбукту и Гао, а в более позднее время — и Дженне. Если бы удалось добиться успеха на обоих направлениях, во власти правителей Мали оказалась бы вся южная половина транссахарской торговли — от золотых россыпей до сухопутных «портов» на южной окраи-

не Сахары. Правители из клана Кейта не были новичками в этой торговле и хорошо понимали, какие огромные выгоды она может принести.

На вновь завоеванных землях обычно не происходило серьезных изменений в жизни населения. Признав верховную власть Мали, оно платило дань, но во внутреннюю его жизнь мандинги не вмешивались. Наместниками таких земель становились те военачальники, которые командовали покорившими их отрядами. Они собирали дань, часть ее отправляли мансе в столицу государства, а остальное становилось их собственностью — из этой второй части оплачивалось содержание воинов и личные нужды наместника и его семейства. Вероятнее всего, зависимость наместников от центральной власти и ограничивалась отсылкой мансе дани да предоставлением в его распоряжение воинских сил.

Но даже такая форма зависимости очень скоро показалась чрезмерной самым могущественным из наместников. Всего спустя год после Крины, говорит легенда, Сундьяте пришлось отобрать владения у одного из самых близких своих соратников — Факоли Курумы. Племянник Сумаоро-Курума, перешедший на сторону Сундьяты и оказавший ему очень важные услуги во время войны с Сосо, повел себя настолько независимо, что практически не приходилось говорить о признании им верховной власти мансы. Этот эпизод предвещал многие тяжелые потрясения в последующей истории Мали. Но в середине XIII в. он пока оставался только эпизодом — слишком силен был Сундьята, слишком велик был авторитет победителя Сумаоро.

Деятельность Сундьяты не ограничилась завоеваниями. Много внимания он уделял развитию сельского хозяйства, основы экономики своего государства. Сказание приписывает ему создание множества земледельческих поселков на вновь завоеванных территориях. Земли раздавались воинам для обработки. Часто вместо малийских воинов на таких землях селили пленников, обращенных в рабство; но этот способ расширения площади обработанных земель особенное распространение получил позднее, когда в середине XV в. Мали сменила сонгайская держава.

Сундьята перенес и столицу государства. До него столицей Мали было селение Дьелиба на правом берегу Нигера, там, где в него впадает река Санкарани. Но в середине XIII в., в последние годы правления Сундьяты, на Санкарани выше Дьелибы был основан новый город — Ниани. Этот город оставался столицей во все время существо-

вания великого малийского государства. Только три столетия спустя, в 1545 г., аския Дауд, правитель Сонгай, взял Ниани. После этого центром Мали довольно скоро стало селение Ка-ба, у слияния Нигера и Санкарани.

«Муса Мали — государь негров Гвинеи»

В 1250 г. Сундьята умер. Впрочем, по другим вариантам легенды, он погиб на охоте от случайной стрелы, и произошло это будто бы в 1255 г. Как бы то ни было, своему сыну и преемнику, которого великий арабский историк Ибн Халдун называл «манса Уле», а легенда — «Йерелинкон», он оставил сильное и процветающее государство с мощной армией и налаженной торговлей с Северной Африкой.

При мансе Уле завоевания продолжались. Их размах был настолько велик, что в правление этого государя были созданы три новых крупных наместничества. Как сообщает Ибн Халдун, Уле совершил паломничество — «хадж» — в Мекку. Отсюда видно, что новый государь Мали был уже мусульманином, тогда как Сундьята в исторических сказаниях народа малинке почти никогда и никак не связывался с исламом.

В 1270 г. мансу Уле сменил на престоле другой сын Сундьяты — манса Уати. Но уже через пять лет он был свергнут своим братом Халифой. Однако Халифе суждено было продержаться у власти еще меньше: через несколько месяцев командиры гвардии, составленной из рабов клана Кейта, сместили его и убили. Так выступила на сцену новая политическая сила — рабская гвардия и ее начальники. Этой силе предстояло сыграть важнейшую роль во всей последующей истории Мали. В конечном счете она совершенно оттеснила от власти старую родо-племенную аристократию, причем произошло это очень быстро. Между первым вмешательством гвардии в политику и захватом верховной власти в государстве одним из ее руководителей прошло всего десять лет: в 1275 г. рабы решили судьбу мансы Халифы, а уже в 1285 г., после смерти мансы Манде Бори, брата Сундьяты, царем провозглашен был некий Сакура — «клиент», или вольноотпущенник, клана Кейта.

При этом правителе завершился территориальный рост Мали. Сакура окончательно подчинил себе главный центр караванной торговли с Египтом — Гао. Этот город был столицей полунезависимого княжества, население которого

составлял народ сонгаев, и сейчас живущий по обоим берегам Нигера вдоль всей средней дельты его и ниже по течению. Сонгаи были покорены уже в правление мансы Уле. Однако во время смут, которыми сопровождалось свержение Халифы в 1275 г., двум сонгайским царевичам — Али Колену и его брату Слиман Нару — удалось бежать из Ниани, где они содержались заложниками при малийском дворе. Они восстановили независимость Гао, но продлилась эта независимость недолго. Уже через пятнадцать лет войско Сакуры вновь подчинило правителям Мали и город Гао, и прилегавшие к нему сонгайские земли — на сей раз на полтора столетия, до конца XIV в.

В правление Сакуры очень вырос и укрепился международный авторитет молодого государства. Ибн Халдун рассказывал, что как раз в это время в Мали стало прибывать множество купцов из Магриба и Ифрикии, т. е. из Северной Африки. Это свидетельствовало об успехе внешней политики малийских царей в главном — стремлении взять в свои руки главные торговые пути и города Западной Африки.

Сакура погиб в 1300 г., возвращаясь из хаджа в Мекку. К этому времени владения Мали простирались от Гао до побережья Атлантического океана, от Уалаты до тропических лесов, прилегающих к Гвинейскому заливу. Бывший вольноотпущенник оказался крупным и талантливым государственным деятелем и полководцем, его царствование подготовило ту славу Мали, которая широко распространилась после поездки в Египет мансы Мусы I, одного из ближайших преемников Сакуры.

Муса вступил на престол в 1312 г. Он был внучатым племянником Сундьяты, внуком его брата Манде Бори. Манса Муса, или Канку Муса, как его называли по имени матери, получил наибольшую известность из всех государей клана Кейта, если не считать Сундьяту. Впрочем, между славой этих двух царей существует довольно интересное различие: хотя оба они считаются национальными героями малинке и некоторых родственных народов, все же мусульмане особенно выделяют Мусу, тогда как немусульмане предпочитают Сундьяту.

Именно Мусе посвящены наиболее подробные рассказы арабских авторов, именно его изображения помещены на самых ранних европейских картах Западной Африки. Между тем славой своей Муса I обязан был вовсе не военной или административной деятельности, а главным образом

пышности, которой был обставлен его хадж в 1324 г. и которая произвела в Египте совершенно ошеломляющее впечатление.

К этому времени трудами таких предшественников Мусы I, как Сундьята, Уле и Сакура, Мали достигло апогея своего могущества. И следует отдать мансе Мусе должное: он с большим достоинством представлял свое государство в сношениях с другими правителями, в частности с султанами Египта. В тогдашних исторических условиях самый хадж царя превращался в важнейшую внешнеполитическую акцию — он демонстрировал устойчивость и могущество государства. С этой задачей Муса справился превосходно, проявив незаурядные дипломатические способности.

Он выступил из Ниани во главе огромной свиты: кроме восьми тысяч воинов его сопровождало от восьми до девяти тысяч рабов. Манса вез с собой сто вьюков золота весом по три кинтара¹ каждый. Помимо того что пышность свиты должна была поддержать авторитет Мали в далеких странах, численность ее определяли и другие мотивы — более близкие и практические. Маршрут мансы проходил через восточную часть малийских владений, в частности через Гао. Сонгайские вассалы никогда не внушали государям из клана Кейта особого доверия, и такая демонстрация военной силы должна была лишний раз воззвать к их благоразумию. Да и путь на север через пустыню был далеко не безопасен: кочевники фактически ничьей власти не признавали, и мансе, рассказывает арабский историк ал-Омари, младший современник этих событий, приходилось раздавать немалые суммы тем племенам, через земли которых ему пришлось проходить во время движения по Сахаре.

Ибн Фадлаллаху ал-Омари, крупному египетскому чиновнику, бывшему одно время начальником финансового ведомства в Сирии, мы обязаны подробным описанием пребывания мансы Мусы в Каире. Но ал-Омари не ограничился этим. От людей, проживших в Мали долгое время и хорошо знавших это государство, от тех, кому по должности пришлось часто встречаться и беседовать с мансой в Египте, он узнал множество сведений о Мали. Его сухой

¹ К и н т а р — весовая единица. При взвешивании золота был равен в среднем 42,33 кг. Всего, следовательно, Муса вез с собой почти 13 миллионов рублей золотом (если исходить из современного золотого паритета рубля).

и бесстрастный рассказ содержит массу интересных подробностей, освещающих самые разные, иногда очень неожиданные, стороны жизни средневекового Мали. Здесь есть и перечисление главных земледельческих культур, и политическая характеристика страны, и описание церемониала приемов при дворе мансы, и конечно же многочисленные детали золотой торговли и добычи драгоценного металла, вплоть до сообщения о золотоносных растениях.

Именно с добычи золота начал свой рассказ первый из тех, к кому обращался ал-Омари за сведениями, — мусульманский богослов шейх Абу Саид Осман ад-Дуккали. И рассказ этот вполне заслуживает того, чтобы его привести здесь полностью — настолько хорошо в нем отразилась своеобразная обстановка, веками существовавшая на границах золотоносных областей Западной Африки в средние века. «Султан этого царства, — рассказывал шейх, — имеет в своем подчинении страну пустынь самородного золота. Жители ее — дикие язычники, и если бы султан пожелал, то он бы их покóрил. Однако правители этого царства узнали по опыту, что, когда кто-нибудь из них завоевывает один из золотых городов, утверждает там ислам и велит огласить там призыв к молитве, сбор золота падает и сходит на нет, в то же время возрастая и увеличиваясь в соседних языческих областях. Когда опыт подтвердил это наблюдение, они оставили страну золота во власти ее обитателей-язычников и удовольствовались тем, что обеспечили себе их повиновение и получение дани, которую они наложили на тех».

Такая система отношений сохранялась на всем протяжении средневековой истории Западного Судана. Ни одно из великих государств этого времени не имело своих наместников в золотоносных районах на границе с тропическим лесом. Каждый год после окончания дождей из важных торговых городов и из столицы государства отправлялись на юг и юго-запад большие караваны. Сотни рабов несли на головах драгоценный груз — сахарскую соль. Когда такой караван достигал местности, где добывалось золото, соль обменивали на металл, и караван отправлялся в обратный путь. Купцы, хозяева такого каравана, выполняли во время этих торговых экспедиций роль царских сборщиков дани. Ведь все полученное золото они были обязаны сдавать мансе: в Мали порядки были строже, чем в Гане, — даже золотая пыль считалась монопольной собственностью государя.

Этот порядок вполне устраивал обе стороны. В самом деле, мирные торговые караваны были куда приятнее военных экспедиций, а купцы гораздо лучше справлялись со сбором дани, чем это бы смогли сделать наместники-генералы. Не случайно Муса рассказывал своим каирским собеседникам, что на западной и юго-западной границах его державы царит вечный мир.

Но так было не везде. Сам же манса Муса говорил одному из принимавших его сановников египетского султана, что у малийцев был злейший враг: народ, который для них то же, что татары для египтян. Сомнительно, чтобы малийский государь слышал что-нибудь о татарах; скорее всего сравнение принадлежало самому собеседнику мансы — эмиру Ибн Амир Хаджибу. Ведь за несколько десятков лет до хаджа Мусы египетским султанам пришлось столкнуться в Сирии с полчищами монголо-татарских завоевателей. Египтяне, правда, сумели отразить их натиск, но самое название татар надолго закрепилось в памяти современников столкновения и их сыновей как обозначение опасного и сильного врага, постоянной угрозы египетским владениям в Азии: ведь столкновения между войсками каирских султанов и монгольских ильханов, властителей Ирана и Месопотамии, продолжались многие годы. А манса Муса имел в виду, вероятно, воинственный народ моси, который и ныне живет на территории Республики Верхняя Вольта. В средние века Моси не раз совершали успешные набеги на владения Мали и Сонгай, и нам еще не раз придется с ними встретиться на страницах этой книги.

Канку Муса держал себя в Каире как правитель могущественного, ни от кого не зависящего и никому ничем не обязанного государства. Он старался это подчеркнуть на каждом шагу. Арабский ученый XV в. Таки ад-дин Ахмед ал-Макризи в одном из своих исторических сочинений рассказал, как мансе было предложено поцеловать землю при представлении его египетскому султану ал-Малику ан-Насиру. Это было обязательное требование церемониала во время приемов при дворе мамлюкских султанов². Но малийский государь наотрез отказался выполнить это требование протокола. «Я мусульманин-маликит³, — гордо

² С середины XIII в. султаны Египта избирались из числа командиров войска, укомплектованного купленными рабами — «мамлюками».

³ М а л и к и т ы — один из четырех толков сунитского ислама (ханифитов, маликитов, шафиитов и ханбалитов).

ответил он, — и падаю ниц только перед Аллахом!» Придворным чином ал-Малика ан-Насира пришлось уступить.

На каждом шагу подчеркивал манса и свое мусульманское благочестие: ведь этим он тоже утверждал свое равенство с любым другим властителем мусульманского мира. Ал-Омари рассказывал даже, будто манса Муса поднес султану трактат о приличиях, написанный по-арабски специально для этого случая по его, Мусы, повелению.

Этой же цели служила и баснословная щедрость, с которой манса тратил привезенное с собой золото. Все, с кем пришлось беседовать ал-Омари, наперебой восхищались широтой натуры малийского высокого гостя. Манса не торгуясь платил любую цену, которую с него запрашивали. Он раздавал огромные суммы просто как милостыню: ведь раздача милостыни бедным — это одна из основных обязанностей благочестивого мусульманина. Немало золота оставил Муса и в Мекке, пожертвовав его на «дела веры». В итоге нескольких месяцев пребывания малийского царского каравана в Каире курс золота в городе резко упал — так много драгоценного металла выбросил на рынок манса Канку Муса, сын мансы Бубакара. Так укреплял он репутацию своей державы.

Надо сказать, что каирские купцы и ростовщики неплохо нажились на мандингском государе и его придворных. Используя доверчивость гостей, их незнакомство со многими товарами, они сплошь и рядом продавали им втридорога самые ходовые и дешевые вещи. И как ни велики были запасы, привезенные мансой, но и их в конце концов не хватило: на обратном пути из Мекки Мусе пришлось взять у каирских купцов много золота взаймы, притом под огромные проценты. Все тот же Ибн Амир Хаджиб рассказывал, что многие из купцов получили за триста динаров ссуды до семисот динаров чистой прибыли. А ведь уже при отправлении в хадж пришлось обложить особой данью все население государства, так как царская казна не могла обеспечить мансу достаточным количеством золота, для того чтобы достойно представлять Мали за его рубежами. Что и говорить, поддержание международного престижа государства всегда обходилось дорого...

Впрочем, Муса мог рассчитывать не только на уже накопленные сокровища. Беседуя с сановниками каирского двора, он рассказал им историю, которая хоть и не была, мягко говоря, чистой правдой, но все же показывала, на

какие экономические возможности могли опираться правители Мали в пору расцвета своей державы. Мусу спросили, как он пришел к власти. И он ответил на этот вопрос так: «Мы приходим из дома, где власть передается по наследству. Мой предшественник не хотел поверить, что невозможно достигнуть конца Окружающего моря⁴. Он желал его достичь и упорствовал в своем намерении. Он велел снарядить двести судов, полных людьми, и другие, в таком же количестве, — наполненные золотом, водой и съестными припасами, которых бы хватило на годы. Тем, кто командовал судами, он повелел: „Возвращайтесь лишь тогда, когда израсходуете продовольствие и воду!“ Они отправились, прошло долгое время, но ни один из них не возвращался. Наконец один корабль появился, и мы спросили капитана о их приключениях. „Царь, — ответил он, — мы плыли долго, пока не встретили в открытом море как бы реку с сильным течением. Мой корабль шел последним. Другие продвигались вперед, но как только какой-нибудь из них достигал этого места, он исчезал и больше не появлялся. Мы не знали, что с ними случилось, и я возвратился обратно — я в это течение не входил вовсе...“ Но правитель ему не поверил. Он снарядил две тысячи судов: тысячу — для себя и для людей, что его сопровождали, и тысячу — для воды и съестных припасов. Он передал мне власть и отправился в море со своими товарищами. То был последний раз, что мы видели его и остальных. И я остался неограниченным государем...».

В этом рассказе — на его основании некоторые ученые пытались доказывать, что подданные средневекового Мали будто бы открыли Америку за триста лет до Колумба, — поражает число «две тысячи». Чтобы построить такое количество судов, нужен был сравнительно высокий уровень развития судостроительного ремесла на берегах Нигера и на океанском побережье. Ведь позднейшие европейские мореплаватели — такие, например, как венецианец на португальской службе Альвизе да Мосто, возглавлявший морскую экспедицию к побережью Западной Африки в 1455—1457 гг., — рассказывали о пирогах, не уступавших по длине португальским каравеллам и вмещавших до 30 человек. Правда, к тому времени на побережье, у устья

⁴ Арабские географы средневековья исходили из предположения, что сушу со всех сторон окружает мировой океан — «Окружающее море». В данном случае имеется в виду Атлантика.

реки Казаманс, где видел такие суда венецианец, давно уже не признавали власти царей Мали. Но в начале XIV в. здешние правители беспрекословно подчинялись повелениям мансы и аккуратно выплачивали ему дань. И при всей неправдоподобности рассказа мансы Мусы — а он наверняка преувеличил число судов второй экспедиции раз в десять — нужно согласиться, что и двести больших пирос были бы неплохим доказательством экономической мощи Мали.

В правление Мусы I оживленные и дружественные отношения поддерживались не только с Египтом. Ибн Халдун подробно рассказал о том, как Муса обменивался посольствами с Абу-л-Хасаном — султаном Марокко из династии Меринидов. Когда 1 мая 1337 г. Абу-л-Хасан одержал победу возле города Тлемсена, у нынешней алжиромарокканской границы, манса направил ему свои сердечные поздравления. Нет сомнения, что в Ниани постоянно и внимательно следили за событиями, происходившими на другой стороне пустыни.

Да и в самой Сахаре кочевникам приходилось действовать с оглядкой на силу малийских гарнизонов в пограничных пунктах. Племена, кочевавшие вдоль северной границы державы Кейта, вынуждены были признать верховную власть мансы. Ход истории изменчив: в число этих новых вассалов мандингских царей входили как раз потомки тех грозных племен, которые двумя с половиной веками раньше сокрушили могущество Ганы. Авторитет правителей Мали был настолько высок, что к мансе Мусе I обратился за помощью один из многочисленных мелких вождей, что непрестанно дрались между собой на северных окраинах Сахары. Этот авантюрист почтительно просил мансу дать ему отряд малийских воинов для сведения счетов со своими противниками.

Если царствование Канку Мусы и не богато было громкими военными победами и завоевательными походами, то, пожалуй, никто из малийских правителей не сделал больше его для укрепления международного авторитета государства. Упорно и последовательно развивал он дружественные отношения с соседями, добившись блестящих успехов. «Он оставил после себя, — говорит современный английский исследователь, — империю, примечательную в истории чисто африканских государств своим богатством и протяженностью, равно как и впечатляющим примером способности африканца к политической организации».

Свидетельством полного успеха внешней политики Мусы I стали и те сведения о средневековой великой державе Кейта, которые очень ярко и недвусмысленно отразились в трудах европейских картографов того времени. Сведения эти распространились очень быстро — конечно, по тогдашним понятиям.

Муса совершил свой знаменитый хадж в 1324 г. Спустя 13 лет этот хадж описал по рассказам очевидцев и по документам правительственных канцелярий Каира Ибн Фадлаллах ал-Омари. А еще через два года, в 1339 г., на карте мира, составителем которой был житель острова Майорки на Средиземном море Анжелино Дульсерт, в середине Сахары был изображен «Rex Melli» — «Король Мелли», облаченный в царские одежды и корону, со скипетром в руке. Дульсерт не ограничился показом местоположения Мали, как оно ему представлялось, но и обозначил путь, ведущий в Мали: на его карте Атласские горы рассекает «долина Сус, ведущая к королю черных».

Понятно, что своими представлениями о географии Западного Судана картографы обязаны были главным образом купцам. Это, естественно, отразилось и в их трудах. Через 28 лет после Дульсерта венецианец Пиццигани нашел нужным пометить на своей карте возле той же дороги, что по ней «проходят товары, идущие от короля Мали».

И наконец, в 1375 г. другой житель Майорки — Авраам Крескес, старший в знаменитой семье картографов, — изобразил в центре великой пустыни правителя Мали с золотым самородком в руке; ниже его был показан «город Мали». А около фигуры правителя Крескес дал следующее пояснение: «Этого государя зовут Мусой Мали, государем негров Гвинеи. Золото, находимое в его землях, столь обильно, что он — богатейший и самый знатный король во всей стране». Пожалуй, более убедительного доказательства того, что цель всей внешнеполитической деятельности Мусы Кейта — Канку Мусы, мансы Мусы I — была блестяще достигнута, быть не может.

Рассказы Ибн Баттуты

После смерти Мусы в 1337 г. на престол вступил его сын Маган. Царствование его было коротким — всего четыре года, и славы Мали оно не прибавило. Скорее даже наоборот: сразу же после смерти мансы Мусы, в том же

самом 1337 г., войско моси, предводительствуемое вождем Насеге, выбило малийский гарнизон из Томбукту, разграбило город и сожгло его. Правда, моси и не помышляли о том, чтобы укрепиться в Томбукту; сразу же после своего неожиданного и блестящего успеха они ушли. И все же этот набег был уж очень неприятным симптомом начинавшегося ослабления державы Кейта.

Впрочем, когда в 1341 г. Магана сменил последний из крупных правителей средневекового Мали — Сулейман, ему удалось на время задержать этот опасный процесс. Но даже самое восшествие Сулеймана на престол произошло при условиях, которые свидетельствовали о неблагополучии внутри правящего клана.

Сулейман был братом Мусы, и к власти он пришел в обход сыновей своего племянника Магана. По всей видимости, не обошлось без применения силы: нараставшее могущество рабской гвардии обеспечивало ей последнее слово в вопросах престолонаследия. И тот, кому удавалось привлечь на свою сторону «начальников рабов», мог рассчитывать на успех своих честолюбивых замыслов, даже не имея, казалось бы, прав на малийский престол. После смерти мансы Сулеймана в этом пришлось убедиться на собственном опыте его сыну и преемнику, продержавшемуся на престоле всего девять месяцев, а затем свергнутому сыном Магана I при поддержке гвардии и ее командиров.

Но первое время после прихода к власти Сулейман сумел восстановить спокойствие в стране. Манса отстроил разрушенный Томбукту и смог установить мирные отношения с южным, самым опасным соседом. Во всяком случае в его правление моси на малийские владения не нападали. Так царствование Сулеймана оказалось последним этапом расцвета Мали; после него наступил стремительный упадок.

В 1352 г. меринидский султан Марокко Абу Инан, сын султана Абу-л-Хасана, с которым обменивался посольствами манса Муса I, послал в Мали с официальным дипломатическим поручением одного из самых интересных людей восточного средневековья — знаменитого путешественника Мухаммеда ибн Абдаллаха ал-Лавати ат-Танджи, больше известного под именем Ибн Баттута. Этот человек уже успел к тому времени объездить всю восточную половину тогдашнего мусульманского мира, но оставался, несмотря на немолодые уже годы, в душе молодым и любознательным, живо воспринимая все новое. Ибн Баттута преодолел

с караваном Сахару, проехал до Ниани и прожил в столице Сулеймана несколько месяцев. Записки Ибн Баттуты, продиктованные им на склоне лет, — не только ценнейший источник для исследователя, но и очень занятный человеческий документ. И притом единственный в своем роде: ни один человек, кроме Ибн Баттуты, не оставил нам свидетельств очевидца о Мали начала 50-х годов XIV в.

Выехав из Сиджилмасы, Ибн Баттута направился с караваном в Тегаззу. В этом захудалом поселке внимание его привлекли соляные разработки. Он так описал соляную торговлю, которой жила Тегазза, ради которой она, собственно, и существовала: «Черные приезжают из своей страны и увозят из Тегаззы соль. Соль из Тегаззы продается в Уалате по цене от 8 до 10 мискалей за вьюк, а в городе Мали⁵ — от 20 до 30 мискалей, часто же доходит и до 40. Соль служит черным средством обмена, как служат средствами обмена золото и серебро. Черные режут соль на куски и торгуют ею. И, несмотря на ничтожность селения Тегазза, в нем продают и покупают много кинтаров золотого песка». Наблюдательный Ибн Баттута верно определил главную особенность совершавшегося на его глазах обмена: для африканцев золото не было деньгами. Это был товар, очень нужный и полезный товар — ведь он обменивался на столь необходимую соль! — но все же только товар.

Ибн Баттута подробно рассказал о своем пути через пустыню. Когда караван из Марокко достиг селения Тасарахла, он там задержался на несколько дней для отдыха. А вперед, в Уалату, выслали гонца — «такшиф». Так поступали всегда, и делалось это не просто из вежливости. На долгий и трудный путь через Сахару требовалось столько воды, сколько не мог взять с собой никакой караван — если бы, конечно, он не вез воду в качестве единственного полезного груза. Поэтому и отправляли вестника, который должен был позаботиться, чтобы из Уалаты выслали навстречу путникам воду. Случалось, такшиф запаздывал; и тогда к многочисленным костям, рассеянными вдоль всего великого торгового пути через Сахару, добавлялись новые — в таких случаях помощи ждать было неоткуда.

Понятно, что купцы не жалели золота на оплату услуг гонцов. Тому, который шел с караваном Ибн Баттуты,

⁵ Имеется в виду столица Мали — Ниани.

заплатили 100 мискалей золота — больше 400 рублей на наши деньги. Эти люди настолько хорошо знали дорогу, что даже слепота не мешала некоторым из них продолжать водить караваны: через полтора года после Ибн Баттуты такой слепой проводник спас заблудившийся караван, определяя его местонахождение по запаху песка, который ему давали понюхать через каждую милю пути. Но у Ибн Баттуты все обошлось благополучно: через два месяца после выхода из Сиджилмасы он оказался в Уалате, малийском форпосте в Сахаре.

После нескольких дней отдыха он двинулся дальше, в столицу Мали. На сей раз можно было не ждать, пока соберется караван. «Когда я решился на путешествие в Мали, — рассказывает Ибн Баттута, — а между этим городом и Уалатой 24 дня пути для едущего быстро, то нанял только проводника из племени мессуфа, так как из-за безопасности этой дороги нет нужды путешествовать большим караваном». Именно безопасность дороги больше всего заинтересовала Ибн Баттуту, достаточно насмотревшегося за свои странствования по восточной части мусульманского мира на разного рода дорожные неприятности. Спокойный путь, богатые селения вдоль дороги, где можно было закупить все необходимое путешественнику продовольствие, — такое не столь уж часто можно было встретить в первой половине XIV в. где-нибудь в Иране или мусульманской Индии.

Манса Сулейман прилагал большие старания к тому, чтобы торговля с Северной Африкой развивалась спокойно и беспрепятственно. А безопасность главных караванных дорог — Ибн Баттута двигался как раз по одной из них — была для этого жизненно необходима. Мало того, малийское правительство внимательно следило, чтобы никто не чинил притеснений приезжим купцам. Этим поддерживалась высокая деловая репутация царей Мали, сложившаяся при предшественниках Сулеймана и особенно окрепшая в царствование все того же Мусы I.

«Однажды в пятницу я присутствовал на проповеди, — рассказывал Ибн Баттута, — как вдруг один купец из числа ученых мессуфа, которого звали Абу Хафс, встал и сказал: „О присутствующие в мечети! Призываю вас в свидетели моей жалобы на мансу Сулеймана...“ Когда он это сказал, из-за загородки, за которой сидел султан, вышли несколько человек и сказали ему: „Кто твой обидчик? И кто у тебя что взял?“ Купец ответил: „Манса-дъон Уа-

латы — то есть ее правитель — взял у меня ценностей на 600 мискалей, а заплатить за все хочет 100!“ Султан сразу же послал за правителем. Через несколько дней тот явился, и государь отправил их обоих к судье. Последний подтвердил правоту купца и взятие у него ценностей. И после этого султан сместил правителя с его должности».

Из этого рассказа Ибн Баттуты очень хорошо видно, как заботился Сулейман об интересах транссахарской торговли. Терпеть в таком важном пункте, как Уалата, самоуправство и вымогательство наместника — значило поставить под угрозу хорошие отношения с богатым и влиятельным североафриканским купечеством. И Сулейман без колебаний пожертвовал своим доверенным рабом⁶.

А экономические возможности и влияние купцов, ведших караванную торговлю, и в самом деле были огромны. В такой торговле, требовавшей колоссальных затрат на снаряжение караванов и транспортировку товара, только очень богатые люди могли принимать участие. За многие столетия, предшествовавшие правлению Сулеймана, сложились настоящие купеческие династии, чьим главным занятием была торговля между Северной и Западной Африкой. Эти династии в конце концов молчаливо поделили между собой весь великий торговый путь от торгово-ремесленных городов Марокко или Египта до глухих углов на границе саванны и тропического леса, путь, по которому двигался непрерывный поток: соль и ремесленные изделия — на юг, золото и рабы — на север.

Могут возразить: но какое значение имела эта торговля для простых земледельцев или охотников Мали и подчиненных ему княжеств? Ведь все выгоды от торговли золотом получали крупные купцы и знать.

Верно, конечно, что от золота огромное большинство жителей страны никакой непосредственной пользы получить не могло. Но нельзя отделять в этом товарообороте золото от соли — в ней нуждались все без исключения, а получить соль в достаточном количестве можно было только в обмен на золото. Торговый поток был единым целым, так что разрывать его невозможно.

Северную половину торгового пути обслуживали североафриканские купцы. Они доставляли ремесленные изделия и соль в города Судана — Гао, Томбукту, Дженне. Здесь грузы переваливали на речные суда или на головы

⁶ Малинское «манса-дъон» означает «царский раб».

рабов-носильщиков, и торговля переходила уже в руки местных, суданских купцов. Чаще всего это были «диула» — так в Западной Африке и сейчас еще называют малинке, занятых торговлей. Это были те самые «вангара», или «ванджарата», с которыми мы уже встречались в древней Гане. Именно они возглавляли сбор золота. И именно они собирали и дань с подданных государей из династии Кейта, о чем недавно у нас шла речь.

Крупный филолог XVII в. Ахмед ибн Мухаммед ал-Маккари рассказывал, что его старшие родственники, пятеро братьев ал-Маккари, занимали видное место в транссахарской торговле. Двое жили в Тлемсене, где получали европейские или марокканские товары. Эти товары они отправляли двум другим братьям, сидевшим в Уалате. Те обменивали их на золото и слоновую кость и переправляли полученные в обмен ценности на север. А старший брат, глава всего этого крупного торгового дома, поселился в Сиджилмасае — она оставалась важнейшим центром и рынком караванной торговли, и отсюда удобнее всего было следить за движением цен и давать необходимые инструкции остальным участникам дела.

В Мали североафриканские купцы занимали очень видное положение. Им принадлежали особые кварталы в главных городах страны, и в пределах этих кварталов пришельцы с севера пользовались полнейшим самоуправлением — старая традиция сохранялась. Вес купцов в общественной иерархии столицы государства был настолько велик, что манса Сулейман выдал свою племянницу за сына одного из старейшин североафриканской торговой колонии в Ниани.

И все же главной силой в Ниани были не мусульманские купцы, как ни велико было их влияние. Первое место среди окружения мансы Сулеймана занимали командиры гвардейских отрядов, сформированных из рабов клана Кейта. Ибн Баттута называл всех этих «начальников рабов» тем словом, которое ему было более привычно: «эмир».

И весь его рассказ подтверждает, насколько выросла сила этой новой аристократии. И мансе она причиняла немалое беспокойство.

Среди сановников малийского двора самой видной фигурой был человек, которого Ибн Баттута называл «дуга»; сам он разъяснял, что это слово означает «переводчик». На самом же деле это был личный гриот мансы. Дело в

том, что старинный обычай не позволял мансе непосредственно общаться с подданными. Тот, кто желал испросить у повелителя какую-нибудь милость или же подать ему жалобу, должен был обратиться к гриоту; только тот мог говорить с государем. И когда манса желал обратиться с речью к своим подданным, то гриот его выслушивал, а затем громким голосом повторял его слова присутствующим. Ибо «манса не кричит, как глашатай», поясняет сказание о Сундьяте. Высокое положение царского гриота было у малинке твердо устоявшейся традицией. В сказании о Сундьяте видное место занял верный гриот героя, его наставник и советник Балла Фасеке. Не раз этот умный и проныцательный певец выручал своего господина из беды. Это он возглавлял посольство к Сумаоро и, сбежав от царя Сосо, который пожелал сделать его своим гриотом, неизменно сопровождал Сундьяту в его походах. А после окончательной победы Сундьята назначил Баллу руководителем всех обрядов, так сказать, «начальником протокола» при своем дворе.

Вот как раз в этой роли и видим мы «переводчика» при мансе Сулеймане. Только влияние его еще больше возросло по сравнению с временами Сундьяты. И теперь уже манса должен был делать подношения своему гриоту. Ибн Баттута рассказывал, что в дни больших торжеств «дуга» оказывался центральной фигурой. Он, правда, как настоящий гриот пел хвалебный гимн, превознося доблести мансы и его славные деяния. Зато после этого он получал от мансы кошель с двумястами мискалями золота. Но поток милостей на этом не кончался: на следующий же день после этого пожалования все высшие сановники обязаны были сделать гриоту подарки — «в меру своих возможностей», поясняет Ибн Баттута. Другими словами, могущественного советника царя приходилось задабривать всем — сам манса тоже не избежал этой малоприятной обязанности. По всей видимости, ему приходилось задабривать не одного только своего гриота. Еще ал-Омари сообщал со слов своих собеседников, бывавших в Мали при Мусе I, что тот жаловал своих особо отличившихся военачальников золотыми браслетами или почетными одеяниями — чем выше была степень заслуг, тем шире должно было быть одеяние. А Ибн Баттута уже по собственным впечатлениям сообщал, что приближенные мансы Сулеймана попросту требовали от него признания их заслуг и вознаграждения.

Но полного спокойствия Сулейману не могли уже обеспечить даже богатые подачки знати. Удовлетворить всех недовольных было невозможно, а опасность они представляли немалую. Ибн Баттута оказался свидетелем довольно любопытного заговора, который пыталась организовать против мансы его жена и соправительница. Такие соправительницы существовали во многих африканских государствах до колониального раздела Африки; с ними могли встретиться европейские ученые даже в начале нашего века. Обычно такая жена была одновременно и сестрой царя; она считалась повелительницей всех женщин страны, имела свой царский двор и располагала большой властью. В некоторых случаях эта власть равна была власти ее мужа.

С такой вот соправительницей и оказался связан заговор, о котором нам на страницах своих записок повествует знаменитый путешественник. Вот его рассказ.

«Случилось так, что в дни моего пребывания в Мали султан разгневался на свою главную жену, дочь своего дяди по отцу, именуемую Каса („каса“ обозначает у них „царица“). По обычаю черных, она — его соправительница в делах верховной власти, и имя ее упоминают в молитве вместе с именем царя... Каждый день Каса выезжала верхом со своими невольницами и рабами; их головы посыпаны были прахом. Она останавливалась перед помещением совета, а лицо ее было закрыто покрывалом и невидимо. Эмиры много говорили о ее деле. Но султан собрал их в помещении совета, и дуга сказал им от имени султана: „Вот вы много говорите о деле Касы. Но ведь она совершила великий грех!“ Затем привели одну из невольниц царицы со связанными ногами и с колодкой на шее и сказали ей: „Говори, что у тебя!“ И невольница рассказала, что Каса послала ее к Дьяте, сыну дяди султана по отцу, бежавшему от государя... что она призывала Дьяту свергнуть султана с престола и говорила ему: „Я и все войска покорны твоему приказу!“ Когда эмиры услышали это, они заявили: „Это великое преступление, и за него она заслуживает смерти!“. Каса испугалась этого и укрылась в доме хатиба⁷: обычай черных таков, что они ищут убежища в мечети, а если это невозможно, то в доме хатиба».

На сей раз Сулейману удалось заблаговременно раскрыть заговор и предотвратить покушение на свою власть. И однако же именно этот самый Дьята, о котором шла

⁷ Х а т и б (араб.) — проповедник в мечети.

речь при допросе, все-таки впоследствии сверг с престола сына Сулеймана и воцарился в 1361 г. под именем Мари Дьяты II.

И все же время визита Ибн Баттуты в Мали было относительно спокойным. Наверное, поэтому он так высоко оценил достоинства жителей Мали. В записках его целая глава посвящена тому, «что он одобрил из поступков черных», и тому, «что ему у них не понравилось». Нужно сразу сказать, что достоинств оказалось намного больше.

«К их добрым качествам относится малое число несправедливостей. Они самый далекий от несправедливости народ, ее их султан никому не прощает! — говорит Ибн Баттута. — К добрым качествам относится и полная безопасность в их стране: ни путешественник, ни оседлый житель в ней не боится ни вора, ни притеснителя...».

Среди прочих достоинств жителей Мали Ибн Баттуту больше всего восхитило их благочестие, их усердие в отправлении обрядов и исполнении предписаний ислама. Собственно говоря, первыми сообщениями об исламе в Мали мы обязаны еще ал-Бекри. По его рассказу, обращение царя этого государства в ислам произошло таким образом: «Их царь известен под именем ал-муслимани. Называется он так потому только, что его страна год от года страдала от голода. Жители просили о дожде, принося в жертву коров, так что почти их уничтожили, но неурожай и несчастья только множились.

У царя жил гость-мусульманин, читавший Коран и знавший сунну⁸. Царь ему пожаловался на их несчастья, а тот ему ответил: „Царь, если бы ты уверовал в Аллаха всевышнего... признал бы книгу Аллаха и твердо усвоил бы все предписания ислама, то я просил бы Аллаха утешить тебя и разрешить твои затруднения, чтобы на народ твоей страны снизошла милость и чтобы завидовали тебе враждебные тебе и удаленные от тебя!“ Он продолжал это говорить, пока царь не принял ислам и не очистил свои помыслы».

Эти события произошли, по-видимому, в первой половине XI в., и, таким образом, ислам мог ко времени Ибн Баттуты быть хорошо известен и распространен в Мали.

⁸ Сунна (араб., букв. «поведение», «обычай») — священные книги мусульман-суннитов (в дополнение к Корану), содержанием которых служат различные поступки или суждения, приписываемые пророку Мухаммеду; один из источников мусульманского права.

Но Ибн Баттута одновременно многое и не одобрил. Очень не понравились ему ни свобода, которой пользовались африканские женщины, ни, еще того хуже, обряды, которые ему довелось видеть во время мусульманских праздников при дворе мансы Сулеймана. Относительно этих обрядов Ибн Баттута, который мог себя считать не только правоверным, но и достаточно образованным мусульманином — во время путешествия по Индии ему даже пришлось одно время исполнять в Гуджерате функции мусульманского судьи, кадия, — ограничился несколько пренебрежительным недоумением. Он назвал их «смешными обстоятельствами». Но так ли это было на самом деле?

Действительно, многое в рассказе марокканского путешественника как будто создает впечатление, что в правление мансы Сулеймана Мали было такой же мусульманской страной, как, скажем, Марокко или Египет. Ибн Баттута много говорит о пятничных молитвах, называет имена многочисленных мусульманских законоведов и проповедников. Он, например, с большим уважением поминает некоего кадия Абдаррахмана — черного африканца по происхождению, человека, по его словам, очень достойного и преисполненного добрых качеств. Манса Сулейман устроил поминальный пир по меринидскому султану Абу-л-Хасану, и на этом пиру был целиком прочтен Коран.

Но как только дело доходит до описания церемониала торжеств или до рассказа о жене-соправительнице мансы, сразу же оказывается, что распространен ислам был вовсе не так широко, да и в самом исламе при малийском дворе много было такого, что в сознании Ибн Баттуты никак не вязалось с его представлениями о том, каким должен быть настоящий ислам.

Объяснение этого несоответствия заключалось в том, что Ибн Баттута в Мали имел дело с очень ограниченным кругом людей — точнее сказать, довольно широким количественно, но очень ограниченным социально. Он встречался главным образом, или даже почти исключительно, с верхушкой малийского общества — сановниками двора мансы, его заместителями в провинции, крупными купцами, мусульманскими богословами и законоведами. А с основной массой населения великой державы Кейта он в общем-то и не сталкивался. Между тем как раз оно-то, это население, и служило фоном для нарисованной путешественником картины процветания мусульманства в Мали. Причем фон имел с картиной крайне мало общего...

Даже несколько сот лет спустя после пребывания Ибн Баттуты в Западной Африке население того района, где некогда находилась столица великой державы Кейта — Ниани, оставалось при своих прежних верованиях и в ислам обратилось не раньше XVIII в. По выражению французского ученого Шарля Монтея, посвятившего всю жизнь изучению истории и культуры народов, живущих на территории средневекового Мали, это произошло потому, что «мусульманская организация в Мали не превышала своим размером двора мансы».

И даже при дворе сохранялись очень многочисленные следы старых верований и обычаев. Только задолго до ислама в условиях, когда еще сильны были пережитки родового строя, могла появиться фигура жены-соправительницы царя, совершенно немыслимая в «обычном» мусульманском государстве. Предание упорно сохраняет древние охотничьи прозвища царей, восходящие в конечном счете тоже к верованиям родового общества. Танцы, которые видел Ибн Баттута и которые он посчитал смешными, — это танцы масок тайных союзов. А такие союзы (их задачей была подготовка молодежи к исполнению обязанностей взрослых членов общества) также сложились внутри родового общества, задолго до того, как появился ислам. Европейские авторы начала XVI в. рассказывают о сохранении древних трудовых обрядов — и эти обряды тоже восходят еще к той эпохе, когда глава большой семьи или общины принимал участие в коллективном труде вместе с рядовыми общинниками.

Все это сохранялось при дворе мансы, где и сам правитель и его ближайшее окружение уже считались мусульманами. А вдалеке от столицы и от больших торговых городов крестьяне продолжали верить в тех же самых духов, которым поклонялись их предки задолго до появления в Западном Судане первых мусульман. И главными представителями новой религии были для этих крестьян не законоведы и богословы, а все те же купцы-вангара, приходившие обменивать соль на золото и слоновую кость, а иногда и прихватить рабов. Конечно, и эти торговые экспедиции не проходили бесследно — отдельные люди могли принять новую религию и объявить себя мусульманами. Но, во-первых, делалось это очень медленно и ни о каком массовом обращении населения Мали в ислам ко времени Ибн Баттуты не могло быть и речи. А во-вторых, даже если кто-то из крестьян-малинке и объявлял себя мусульманином, то

его ислам непременно оказывался «разбавлен» огромным количеством верований и обрядов, обычаев и суеверий, уходящих своими корнями в очень и очень отдаленные времена.

И дело было здесь совсем не в том, что вновь обращенные плохо представляли себе основы мусульманского вероучения. Нет, причины были гораздо проще — и в то же время гораздо глубже. Сравнительно просто было произнести мусульманский символ веры: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник его!». Но ведь и потом, когда эти слова, достаточные для того, чтобы иметь право считаться мусульманином, были произнесены, человек оставался в своей общине — «дугу». Он просто не мог из нее уйти: вести хозяйство в одиночку ему было не под силу. А раз оставалась община, значит, оставались и все связанные с ней и освященные многовековой традицией обычаи и порядки. Человек мог себя считать мусульманином, но для его соседей земля по-прежнему оставалась собственностью духа — покровителя местности. И перед духом представлял общину, а значит, и каждого из ее членов все тот же дугу-тиго — следовательно, и землей распоряжался он. И значит, все обряды, нужные, чтобы духа умилоствить, ты обязан выполнить — а ведь обряды-то эти никакого отношения к исламу не имеют. Подавляющее большинство новообращенных простых земледельцев и охотников выходило из этого затруднения просто: считая себя мусульманами, люди продолжали исправно выполнять все свои общинные обязанности, связанные с прежними верованиями. И так как традиционный порядок ведения хозяйства не нарушался, соседи не протестовали против таких новообращенных мусульман — в конечном счете принятие ислама оставалось их частным делом.

Не мог не считаться с устойчивостью общины и нарождавшийся в Мали феодальный класс. В самой системе управления кланом оставалось очень много традиционного, так что дань в пользу мансы и его наместников во многом сохраняла и характер, и форму старых общинных повинностей, и потому обычно отдельные дугу выплачивали их беспрекословно. До поры до времени такое положение устраивало и верхушку малийского общества. Она не видела нужды вводить насильственно новую религию среди своих подданных, хотя сама по большей части уже стала мусульманской.

Торговля золотом и солью, пронизывавшая всю жизнь

западноафриканских государств средневековья, и здесь сыграла очень важную роль. Она давала в руки верхушки правящего клана Кейта и связанных с ним аристократических кланов огромные по тем временам количества золота. Ведь в главных золотоносных районах, откуда металл поступал в Мали, средняя годовая добыча, по очень осторожным подсчетам французского ученого Рэймона Мони, составляла от 4,5 до 5 т. Это золото позволяло знати получать все необходимые ей товары (главным образом предметы роскоши), не прибегая к усиленному нажиму на данников-земледельцев. Царские сборщики дани довольствовались сравнительно немногим.

А раз так — у общинников не возникало необходимости добиваться того, чтобы их хозяйство стало более производительным. И поэтому экономика оставалась почти на одном и том же уровне, внутренний обмен развивался очень слабо — ведь внутри каждой дуги ремесленники производили все самое нужное. Единственным предметом торговли, который очень требовался общине, была соль. Но в основном хозяйство почти всей огромной территории от Гао до Атлантики оставалось натуральным, и никаких внутренних экономических связей внутри государства между разными его частями практически не существовало. И может показаться парадоксом, но, к сожалению, совершенно несомненно: богатство Мали золотом принесло государству больше вреда, чем пользы, так как золото стало одной из главных причин хозяйственного застоя.

И все же принятие ислама большинством правящей верхушки было свидетельством того, что в малийском обществе происходят определенные изменения. Конечно, мансе и его приближенным было бы гораздо выгоднее взимать дань с подданных по нормам, предусматривавшимся мусульманским правом: эти нормы были выше, намного выше, чем традиционные. Но поскольку в то время у правящего класса еще не было достаточно сил для того, чтобы резко усилить эксплуатацию крестьянства, не опасаясь его сопротивления, и о широком распространении новой религии, которая могла бы послужить идеологическим оправданием такого усиления, речи еще не было, вся малийская знать — и старая, родовая, и новая, вышедшая из рабов, — стремилась на первых порах использовать новую религию во вполне определенных внешнеполитических целях.

Это очень хорошо продемонстрировал манса Муса, стараясь везде, где только можно, подчеркнуть свое правове-

рие. Речь шла об укреплении международного престижа Мали — о том, чтобы показать соседям, что они имеют перед собой не каких-то там дикарей, а могущественную мусульманскую страну, которая им ни в чем не уступает, а по богатству намного превосходит.

Поэтому и появились пышные царские титулы, относящиеся к правлению Мусы I. Ал-Омари рассказывал, что малийский государь называл себя «Опорой повелителя верующих», — правда, сам повелитель верующих, номинальный духовный глава всех правоверных мусульман, был к этому моменту всего лишь марионеткой, которую мамлюкские султаны для придания своей светской власти большего авторитета содержали на иждивении.

Эти титулы включали и упоминание золотоносных растений, которые будто бы существовали в Мали.

Принятие ислама обеспечивало малийской верхушке преимущества и в торговле с североафриканцами: дела велись между двумя равными партнерами. Малийские государи пошли даже на то, чтобы вести разбор дел между малийскими подданными и североафриканскими купцами не по обычному праву малинке, а по мусульманским правовым нормам. И среди иностранцев-мусульман первое место по численности после купцов занимали кадии.

Впрочем, как это нередко бывало, законоведы, призванные блюсти чистоту нравов и следить за честным характером торговых сделок, иногда сами оказывались отъявленными мошенниками. Мы встречались уже с шейхом ад-Дуккали, прожившим в Мали 35 лет и поведавшим ал-Омари множество подробных сведений о Мали, его жителях, их обычаях и занятиях. Но едва ли он рассказал историю о неприятном происшествии, в котором ему, шейху ад-Дуккали, пришлось сыграть не самую почетную и благовидную роль. Однако через четверть века после этого Ибн Баттута простодушно изложил эту историю в своих записках.

Как рассказал Ибн Баттуте один из малийских наместников в восточной части государства, ад-Дуккали получил в подарок от мансы Мусы I четыре тысячи мискалей золота. Когда караван мансы прибыл в Мему, шейх пожаловался государю, что золото у него украли. Муса повелел наместнику Мемы под страхом смертной казни найти и доставить к нему вора.

Расследование долго не давало никакого результата. Ибн Баттута поясняет: «Эмир искал укравшего, но никого

не нашел, ибо в той стране нет ни одного вора... Наконец, допросив слуг кадия, наместник дознался, что их хозяин попросту зарыл свое золото, рассчитывая, несомненно, получить от Мусы возмещение мнимой потери: щедрость мансы по отношению к мусульманским законоведам была хорошо известна, а из-за четырех тысяч мискалей золота можно было и рискнуть. Когда золото было извлечено из тайника и доставлено мансе, тот разгневался и изгнал кадия из пределов Мали, как говорит Ибн Баттута, «в страну неверных, которые едят людей». В изгнании ад-Дуккали провел четыре года, потом Муса его простил. При этом Ибн Баттута добавляет совершенно серьезно: «Черные же не съели кадия только из-за белого цвета его кожи, ибо они говорят, что поедать белого вредно, так как он не созрел».

Закат державы

В 1360 г. умер манса Сулейман. И снова вопрос о том, кому стать мансой, решала гвардия — это уже превращалось в традицию. Камба, сын Сулеймана, почему-то не устраивал ее командиров. И Дьята, претендент на престол, о заговоре в пользу которого рассказывал Ибн Баттута, получив поддержку рабской знати, выступил против мансы. Камба погиб в бою, и Дьята стал мансой под именем Мари Дьяты. Обычно его называют вторым, так как в некоторых преданиях и у части арабских историков именем Мари Дьята обозначается основатель державы — Сундьята Кейта.

Мари Дьята пробыл на престоле четырнадцать лет — с 1361 до 1375 г. За эти годы упадок Мали стал уже совершенно очевиден. Конечно, отблески прежней славы еще падали время от времени на царствование Мари Дьяты II. Например, в 1366 г. мансу посетил претендент на марокканский престол Абд ал-Халим, потерпевший неудачу в борьбе с соперниками. Он, вероятно, надеялся получить от мансы помощь для дальнейшей борьбы. Но тот уже не располагал для этого никакими возможностями.

Историк Ибн Халдун очень резко отозвался о правлении Мари Дьяты II: он-де был извергом и тираном, он промотал сокровища, накопленные предшественниками. Что этот манса был не слишком симпатичной личностью, вполне возможно. Но дело, конечно, было не в этом. Просто

ко времени его правления многие внутренние пороки политической и общественной организации Мали, не выступавшие прежде на поверхность, проявились с полной силой. И это было вполне закономерно. А залезать в казну мансе приходилось потому, что доходы резко уменьшились: данники начинали отпадать от Мали.

Главной причиной все ускорявшегося упадка государства было то, что крупные сановники и отдельные вассальные правители упорно старались освободиться от зависимости, стремились превратиться в самостоятельных государей. Основы этого заложил еще Сундьята, хотя, конечно, он не мог предвидеть такого развития событий. Предание рассказывает, что после победы над Сумаоро Сундьята на общем сборе всего своего войска роздал целые области своим ближайшим сподвижникам, обязав их только платить дань и выставлять по требованию мансы вспомогательные военные отряды. К чему это повело почти немедленно, мы видели на примере Факоли Курумы, которого пришлось лишиться владения всего через год.

Но пока продолжался территориальный рост государства, у высшей малийской знати (да и у военных чинами поменьше) не было особых причин выступать против центральной власти. Ведь сильная центральная власть была необходима для успешного осуществления широкой завоевательной программы. А завоевания увеличивали фонд свободных земель, и за счет этого фонда мансы жаловали своим воинам земельные участки, население которых обязано было платить дань уже не казне, а новому владельцу. Здесь, в Западной Африке, на краю тогдашнего цивилизованного мира, историческое развитие шло тем же путем, как, скажем, в Египте или в Европе. Оставались, конечно, местные особенности — ими были прежде всего многочисленные следы родового, доклассового общества, которых давно уже не оставалось ни в Западной Европе, ни у большинства народов Ближнего Востока. Особенности эти замедляли развитие, часто они маскировали совершенно новые явления, прикрывали их древними формами общественной и хозяйственной организации. Но смысл развития оставался тот же: возникало, росло и крепло классовое, феодальное по своей сущности общество. И внутри него действовали те же законы, что и в любом другом феодальном обществе.

Одной из таких закономерностей и было стремление отдельных владетелей обособиться, раздробить единое госу-

дарство на множество мелких княжеств. И как только прекратились завоевания, отпала надобность в существовании единого государства и центробежные стремления аристократии немедленно проявились во всей их полноте. А завоевывать было больше нечего: на юге захват золотоносных областей сулил прямые невыгоды из-за сокращения добычи металла, а кроме того, Мали и в лучшие-то времена бесильно было справиться с моси; на севере и на востоке соседей надежно прикрывала от малийских войск пустыня, да к тому же как раз в конце XIII и в XIV в. очень усилился восточный сосед — государство Канем-Борну, центр которого лежал на западном берегу озера Чад.

Раздача земель военачальникам еще больше увеличивала влияние верхушки клановых рабов: они превращались в настоящих феодальных владетелей. А став ими, «начальники рабов» стремились сделаться самостоятельными ничуть не меньше, чем, скажем, родня мансы. И в итоге власть царя делалась все более и более призрачной, а сам он понемногу превращался в игрушку в руках дравшихся между собой группировок знати.

И когда Мари Дьята II умер, его сын и преемник Муса II оказался фактически пленником одного из своих военачальников, которого тоже звали Мари Дьята. Манса находился под стражей и ни к какому участию в делах государства не привлекался — Мари Дьята вершил все дела один. Вероятно, его вдохновлял при этом пример почти столетней давности — Сакура. Так, он, следуя примеру своего предшественника, попытался вновь подчинить малийской власти отпавшие было владения на востоке. Увы! Времена были уже не те: Мали очень ослабло, войска было недостаточно, да и боевые качества его резко упали. И попытка вернуть под власть номинального мансы медные рудники в Такедде, к северо-востоку от Гао, закончилась полным провалом. А ведь еще при Ибн Баттуте вывоз меди составлял важную статью доходов казны!

Но Муса II оставался мансой хотя бы по видимости. А вот его преемнику, Магану II, повезло гораздо меньше: на престол он вступил в 1387 г., а всего через год некий Сандиги, которого Ибн Халдун называл арабским словом «везир», т. е. «помощник, министр», сверг мансу с престола и сам занял его место. Здесь интересно вот что: «Сандиги» — не собственное имя, как полагал Ибн Халдун, а название должности. Малинское слово «сантиго» означает «начальник» — в данном случае «начальник рабов».

Как видите, пример Сакуры продолжал вдохновлять честолюбцев из числа командиров рабской гвардии — они по-прежнему рвались к царской власти. Но у узурпатора оказалось много соперников: продержаться у власти он смог всего несколько месяцев. По истечении этого срока его убил какой-то «человек из числа родных Мари Дьяты», сообщает Ибн Халдун, причем так и остается неясным: то ли идет речь о мансе Мари Дьяте, то ли о временщике Мусы II. Однако после этого убийства прошло не меньше года, прежде чем на престоле Мали оказался манса Маган III — династия Кейта была восстановлена (Ибн Халдун считал Магана потомком Сундьяты). Но для достижения такого благого результата понадобился год или даже полтора. И в течение всего этого времени «начальники рабов» клана Кейта дрались между собой: каждый надеялся захватить царскую власть.

Несмотря на упадок авторитета и военно-политического могущества Мали, к началу XV в. в составе государства еще сохранялись почти все важнейшие его области. Даже беспокойные сонгайские вассалы еще считали себя номинально зависимыми от Ниани, хотя на самом деле давно уже были вполне самостоятельны. Но малийское государство уже не в состоянии было удержать под своей властью все эти земли.

С начала XV в. Мали начало терять одну область за другой. Вновь оживились моси: в 1400 г. район озера Дебо подвергся их опустошительному набегу. Сонгайские правители Гао теперь сами перешли в наступление. Почти одновременно с моси предводитель сонгаев Мухаммед Дао совершил набег на малийские владения. Несколько лет спустя другой сонгайский царь, Сулейман Дама, разоряет область Мема. Наконец, в 1433 г. туареги, которых уже не сдерживала больше угроза малийских карательных экспедиций, захватывают Уалату, Араван и Томбукту — это означало, что участию Мали в транссахарской торговле приходит конец. А окончательно вытеснил Мали из этой торговли сонганский царь — сонни⁹ Али Бер, с которым мы не раз еще встретимся в дальнейшем. Через 35 лет, в 1468 г., его отряды овладели Дженне и Томбукту. В руках сонгаев оказался весь торговый центр Западного Судана: ведь Ниани имел торговое значение лишь пока был столицей великой державы, которой подчинялся весь Западный Судан.

⁹ Сонни — значит «вождь, царь».

Теперь уже мало кому из местных правителей могло прийти в голову соблюдать верность ослабевшим мансам, неспособным ни защитить от опасных соседей, ни наказать за попытку отделиться. Один из более поздних западноафриканских историков рассказывал о довольно любопытной фигуре: некоем Мухаммеде Надди. Этот человек управлял важнейшим торговым и культурным центром — городом Томбукту. Сначала он это делал от имени мансы Мали. Потом, когда туарегский вождь Акил аг-Малвал выгнал из города малийский гарнизон, Мухаммед Надди остался правителем, но уже от имени Акила. Это не помешало ему впоследствии обратиться к сонгайскому сонни Али с предложением передать последнему город при условии, что он, Мухаммед Надди, останется его наместником. И, рассказав об этом, автор хроники совершенно спокойно, как будто речь идет о чем-то само собой разумеющемся, пояснил: «А при перемене державы менялся его титул».

С начала XV в. Мали упоминают чаще всего как цель походов сонгайских царей или их полководцев. Правда, на западе, в прибрежных местностях, куда не могли пойти сонгайские отряды, авторитет Мали более или менее сохранялся. Ранние европейские мореплаватели получали от жителей побережья такие сведения, как те, которые передает нам в своей записке уже знакомый да Мосто. О жителях местностей, что прилегали к реке Гамбия, венецианец писал: «Их главный синьор — форофанголь. Этот форофанголь подчинен императору Мелли, который и есть великий император черных...». Но даже в этих областях власть Мали заметно ослабла. Европейцы отметили, что многие из местных вождей, с которыми им приходилось иметь дело, носили во второй половине XV в. титул «манса». Веком раньше этот титул принадлежал исключительно верховному владыке Мали и никто из мелких вассальных владетелей и помыслить не мог о том, чтобы его принять. Но теперь все изменилось. И распад великой державы Кейта проявился в ее западных областях прежде всего в такой форме.

Со второй половины XV в. набеги моси и сонгаев участились. Оказывать им сопротивление не было сил. И в 1483 г. Мали спас от набега моси другой его враг — все тот же сонгайский сонни Али. Столкнувшись во время набега с сонгаями, моси потерпели жестокое поражение и были обращены в паническое бегство.

Мали приходилось искать союзников. В Западной Аф-

рике это было бы бесполезно: здесь в тот момент не было силы, которая бы посмела попытаться противостоять победоносным армиям сонни Али и его соратников. Сонгайская держава уверенно шла к зениту могущества. И в Ниани, видимо, не без интереса присматривались к тому, как внедрялись на побережье Гвинейского залива португальцы. Со своей стороны и португальцы не прочь были завязать непосредственные сношения с таким могущественным государем, каким представлялся им манса Мали по рассказам прибрежных жителей.

И вот в 1481 г. португальский король Жуан II отправил посольство к «королю Мандиманса» — к этому времени название «Мали» все чаще начало вытесняться словом «Мандинг» или «Мандинга». Об этом посольстве мы знаем по рассказу португальского чиновника Жуана де Барруша, который в 30-х годах XVI в. был королевским уполномоченным в главной португальской фактории на берегу Гвинейского залива — Сан-Жоржи-да-Мина. Эта фактория, которую чаще называли просто Эльминой, находилась в районе современного города Аккры — столицы Республики Гана.

Послы благополучно прибыли к «королю», по имени «Махамед бен Манзугул», т. е. Мухаммед, сын мансы Уле. Этот государь выразил послам свое удивление по поводу такой невиданной вещи, как посольство от христианского короля. Держался манса весьма независимо и всячески старался показать древность своей династии и ее могущество: по его словам, до него царствовали из нее 4404 правителя! Помощи у португальцев он не просил: к этому времени становилось уже ясно, что столкновение между моси и сонгаями неизбежно, а для Мали это на какое-то время означало передышку.

Но зато, когда в 30-х годах XVI в. народы фульбе и тукулёр двинулись вверх по Сенегалу в область Бамбука и при этом вытеснили, а частично и перебили мандингское население, жившее вдоль течения реки Фалеме, манса Мамаду, внук того государя, что впервые принял португальское посольство, сам обратился к Баррушу за помощью. С ответным посольством Барруш отправил одного из своих подчиненных — Перу Фернандиша. Тот прибыл к малийскому двору; во время переговоров выяснилось, что в Ниани помнили о предыдущем посольстве и даже выразили удовлетворение по случаю возобновления связей. Конечно, португальцы были бы не в состоянии оказать реаль-

ную военную помощь, но к этому времени обстановка на западных окраинах Мали немного разрядилась: в 1535 г. тукулёры и фульбе ушли за Фалеме и нашествие прекратилось.

Весь XVI в. продолжались опустошительные походы сонгайских царей на Мали. Они сопровождались жестоким разграблением страны и угоном в рабство многочисленных пленных. Единственной передышкой было время между 1509 и 1545 гг. Обстановка тогда была настолько спокойная, что малийское правительство даже могло себе позволить предоставлять убежище свергнутым правителям Сонгай. Но зато с 1545 г. страна подверглась нескольким нападениям подряд. Не раз сонгаи брали столицу и разоряли ее. А в 1558 г. победитель, аския Дауд, женился на дочери царя Мали и тем закрепил свои права на малийский престол. Ведь хотя власть в Мали передавалась от отца к сыну, но родство и здесь считалось по матери, и даже такого благочестивого мусульманина, как Муса I, называли «Канку Муса», по имени его матери — местный обычай оказался сильнее норм мусульманского права, для которого просто немислим материнский счет родства.

К концу XVI в. Мали уже окончательно превратилось в третьестепенное государство. Ему не могло принести пользы даже и нашествие марокканцев, разгромивших Сонгай, — не было сил для того, чтобы воспользоваться удобной обстановкой. Правда, манса Мамаду III попытался было захватить часть сонгайского наследства и даже на очень короткое время занял Дженне. Но возвратились марокканские войска, и мансе пришлось со всей возможной поспешностью оставить город. В 1598 г. Мамаду попытался в союзе с правителем Масины овладеть районом Томбукту — и снова безуспешно. И наконец, в 1599 г. марокканцы и жители Дженне нанесли малийским войскам жесточайшее поражение около этого города.

Так плачевно завершились последние попытки возродить великодержавную политику династии Кейта. Причиной неудачи, не говоря уж о неблагоприятной общей обстановке, было в немалой степени то же самое обстоятельство, которое вызвало еще в предшествующие столетия фактический распад Мали на множество мелких феодальных владений. Из трех наместников важнейших областей государства только один откликнулся на требование мансы явиться к нему на помощь с войсками. Двое остальных даже не сочли нужным хотя бы как-то ответить мансе. Фео-

дальное раздробление бывшей великой западноафриканской державы завершилось.

В руках правителей из клана Кейта остался только район селения Ка-ба. Здесь власть правителей из этого клана просуществовала до начала нашего века. А на месте центральных областей средневекового Мали в 40-х годах XVIII в. сложились два сильных государства народа бамбара, родственного малинке. В новых исторических условиях и на измененной этнической основе продолжалось развитие тех традиций государственности, ярким выражением которых стала великая держава Кейта в XIII—XIV вв.

ДЕРЖАВА АСКИЕВ

Сонгай — наследник Мали

К середине XV в. в Западном Судане существовало несколько более или менее независимых княжеств. Пришло в упадок могущество Мали, территория его сократилась очень заметно: в северо-западной части бывших малийских владений возникло сильное государство народа диавара с центром в городе Диаре. В прибрежных областях множество мелких местных вождей с трудом соглашались признавать хотя бы номинальную зависимость от царей Ниани. Туареги подчинили себе важнейшие торговые центры — Томбукту и Уалату, а третий торговый город — Дженне, прикрытый от любого противника бесчисленными протоками и островами средней дельты Нигера, давно уже считал себя независимым. Через 200 лет автор одной из исторических хроник Западного Судана писал об этом печальном периоде в истории Мали: «Каждый на своем клочке земли со своим отрядом считал себя султаном...». А на востоке вырастал новый страшный противник — сонгайское государство со столицей в Гао.

На страницах этой книги мы не раз уже встречались с названиями почти всех этих городов. На протяжении столетий оставались они важнейшими пунктами обмена между Западной и Северной Африкой и все время были как бы опорными точками целой сети торговых маршрутов. В средние века, так же, впрочем, как и много позднее — в некоторых местах до начала нашего века, — по всему огромному пространству Западного Судана существовало много местных рынков. Каждый такой рынок обслуживал селения в радиусе примерно 20 км от него — так, чтобы можно было за один день сходить на рынок и вернуться домой. Между отдельными рынками почти не существовало связи, пото-

му что натуральное хозяйство тысяч замкнутых общин не испытывало надобности в широком обмене продуктами, а ремесленники, входившие в состав таких общин, могли их обеспечить всеми необходимыми изделиями.

Единственным исключением из этого общего правила была, как мы видели, соль. В ней нуждались все, и именно соль сделала все эти рынки «исходной точкой целой цепи обменов», по выражению современного французского исследователя. А большие торговые города как раз и были главнейшими узловыми точками этой цепи.

Если взглянуть на карту, становится ясно, почему именно в этих городах сосредоточилась вся внешняя торговля средневекового Западного Судана. Дженне служил тем центром, в который стекались отдельные ручейки золота — того золота, что добывали в обмен на соль в глубинных районах купцы-вангара. Пока Ниани был столицей великой державы, он мог соперничать с Дженне в этом отношении. Но как только наступил упадок Мали, Ниани еще быстрее потерял торговое значение. И скоро Дженне остался без конкурентов. Тем более что географически он расположен гораздо удобнее: ближе к северным «портам» Судана — Томбукту и Гао.

А эти два города были главными соляными рынками Западной Африки, и через них проходила вся торговля со странами Средиземноморья. Из Томбукту караваны шли через Уалату на север, в Марокко; из Гао — в Египет или Триполитанию через Такедду или Тадмекку.

Все ранние европейские источники, с которыми приходится иметь дело исследователю этой эпохи, в один голос твердят об огромном значении торговых городов Западного Судана. Наш старый знакомый Барруш рассказывает, что торговля первых португальских факторий на Гвинейском побережье во многом зависела от положения дел на рынках Дженне и Томбукту. Другой наш знакомый, венецианец на португальской службе Альвизе да Мосто, а также португальский офицер Диогу Гомиш, плававший к берегам Западной Африки в начале 60-х годов XV в., и чех (или моравский немец) Валентин Фердинанд, известный больше под именем Валентин Фернандиш, — один из интереснейших людей португальского Возрождения, собравший в начале XVI в. рассказы португальских моряков о их плаваниях к побережью Гвинейского залива, — все они восхваляли богатства Дженне, Томбукту и Гао, их роль в экспортной торговле.

Сами жители Западного Судана того времени рассматривали эти города прежде всего как торговые центры. Именно во всемерном развитии торговли видели они основу их процветания и единственно верную политику для их правителей. Историческая хроника «Тарих ас-Судан», написанная в Томбукту в середине XVII в., передает нам легенду о том, как после принятия ислама султан Конборо, правитель Дженне, собрал у себя всех мусульманских законоведов города и предложил им обратиться к Аллаху с молитвой о даровании Дженне благоденствия. И вот просьбы, с которыми они обратились к Аллаху, настолько любопытны, что стоит, пожалуй, их привести здесь целиком. Вот они: «Чтобы каждому, кто бежит со своей родины в Дженне из-за бедности и нищеты, Аллах их заменил достатком и богатством, так, чтобы тот человек забыл свою родину. Чтобы кроме коренных жителей города в нем жило бы приезжих больше, чем этих коренных горожан. И чтобы Аллах отнял терпение у приезжающих в Дженне для торговли тем, что они имеют, дабы эти люди быстро уезжали из города и продавали бы свои товары его жителям по низкой цене, а жители бы получали от этого прибыль!». Яснее, кажется, сказать трудно...

Все рассказы португальских моряков и купцов основывались на сведениях, относившихся к самой середине XV в. К этому времени гегемония Мали давно уже была в прошлом, а сонгайская держава еще не достигла полного расцвета. Торговые города как будто не пострадали от распада государства Кейта: торговля продолжалась, традиционные хозяйственные связи сохранились. И все же у купеческой верхушки этих городов были достаточные основания для недовольства политической обстановкой, для того, чтобы желать решительного ее изменения.

Да, конечно, торговля продолжалась: ведь она была жизненной необходимостью для всех ее участников. Но после того как исчезла устрашающая мощь малийского войска, трудности и опасности торговли намного увеличились, а прибыли крупного купечества заметно упали. Ведь когда Ибн Баттута восхищался безопасностью дорог в Мали, он отлично понимал: это возможно только потому, что Сулейман, так же как и его предшественники из династии Кейта, считает важнейшей задачей царской власти поддержание и охрану интересов торговли. А о какой безопасности можно было говорить в условиях непрерывных столкновений между десятками мелких вождей? И к тому же каждый из

них требовал свою долю за «обеспечение» этой самой безопасности... Действительно, первое время городá не пострадали; как и в былые времена, они принимали и отправляли десятки караванов в обоих направлениях. Но когда из городов ушли малийские военные гарнизоны, сразу же ожились воинственные соседи-кочевники. Они совсем не прочь были подчинить себе богатые торговые города, так же как подчинили земледельческие оазисы пустыни. И после признания верховной власти туарегского вождя Акила аг-Малвала над Томбукту городской верхушке довольно скоро пришлось убедиться, что аппетиты новых хозяев города непрерывно растут и что туареги все меньше и меньше проявляют желания делиться доходами.

Многовековой опыт научил купцов непреложной истине: торговля требует для своего процветания сильного и более или менее централизованного государства. Так было везде: и в Африке, и в Азии, и в Европе. В хаосе великого множества дравшихся между собой мелких владений только сильная царская или королевская власть могла обеспечить купцам спокойную торговлю и высокие прибыли. И поэтому, когда в Гао пришел к власти сонни Али Бер и начал одно за другим подчинять себе мелкие княжества вдоль среднего течения Нигера, он определенно мог рассчитывать на поддержку крупного купечества: новое политическое объединение становилось экономической необходимостью. А обстановка в Западном Судане к этому времени тоже благоприятствовала сонгайским завоеваниям — разрозненные противники, неспособные объединиться против общего врага, не представляли серьезной угрозы широким завоевательным планам нового сонгайского правителя. Так с 1465 г. началась новая страница истории областей по среднему и верхнему течению Нигера — их объединение в составе сонгайской державы, которая во второй половине XV в. и до последнего десятилетия XVI стала господствующей политической силой в Западном Судане.

На протяжении всего среднего течения Нигера по обоим его берегам с незапамятных времен живет народ сонгаев. Первоначально сонгаи населяли район Денди, уже после поворота течения реки на юго-восток, немного выше порогов возле нынешнего городка Буса, а затем распространились вверх по течению, так что сейчас сонгайские селения в большом количестве встречаются в районе озер Дебо и Фагибин, к западу от Томбукту.

Вдоль обоих берегов реки лежат заливные луга, покры-

тые водяной травой «боргу» — прекрасным кормом для скота. На землях, которые река заливает в половодье, прекрасно растет рис; всегда он был главной продовольственной культурой, которую разводили сонгаи. Как раз поливное рисоводство и рыбная ловля и были основными отраслями хозяйства сонгаев. Гораздо меньшее значение для хозяйства имело скотоводство: ведь за пределами заливных земель по обеим сторонам реки простирается пустыня, где кочуют туареги со своими стадами. Обычное разделение труда между кочевниками и земледельцами действовало и здесь: туареги пригоняли в прибрежные районы скот и получали за него от сонгаев зерно и рыбу. Конечно, не всегда отношения носили такой идиллически мирный характер. Случалось туарегам и нападать на незащищенные сонгайские селения и угонять в рабство их жителей. Но и туареги не в состоянии были установить прочное господство на берегах Нигера: здесь очень много было протоков, травяных зарослей и островов, а к передвижению по ним кочевники совершенно не были приспособлены. Поэтому набегги оставались неприятными эпизодами, а господствующей формой взаимоотношений всегда был обмен продуктами скотоводства и земледелия.

Условия, в которых жила основная часть сонгаев, сильно отличались от тех, что определяли формы общественной организации у малинке и родственных им народов. Все хозяйство сонгаев связано было с рекой, от нее одинаково зависели и рисоводы, и рыбаки. Подсечно-огневая система земледелия почти не применялась в местностях, населенных сонгаями. Поэтому не было особой нужды в существовании более крупных объединений, чем большая патриархальная семья, похожая на ту, с которой мы встречались у малинке. И делились сонгаи на две большие группы соответственно двум главным отраслям хозяйства: рыбаки носили название «сорко», а земледельцы — «габиби». А внутри этих двух групп существовали многочисленные патриархальные семьи.

В самом центре сонгайских областей, чуть ниже излучины Нигера, к реке выходит долина Тилемси. По ней проходила главная караванная дорога на север — к Гадамесу и Кайруану. И совершенно естественно, что у выхода Тилемси к Нигеру возник большой торговый город — самый старый из западносуданских городов. Это был Гао, с которым мы встречались уже не раз. И как мы видели, в 70-х годах IX в. ал-Якуби уже называл Гао столицей большого и могущественного царства.

Точно сказать, когда это государство возникло, мы, конечно, не можем. Если верить рассказу хрониста, то до принятия ислама царем сонгаев (а это произошло в 1010 г.) на престоле сменилось 14 правителей. Считая продолжительность жизни одного поколения в 25—30 лет, можно предположить, что первый сонгайский царь правил примерно в первой половине VII в. (а такой подсчет возможен потому, что у сонгаев сын наследовал отцу). Конечно, этот подсчет очень и очень приблизителен. Но во всяком случае можно с уверенностью сказать, что в конце VIII в. мусульманские купцы, принадлежавшие к секте ибадитов, о которой у нас уже шла речь, торговали с Гао.

Едва ли можно довериться хронистам в том, что касается происхождения первой сонгайской династии. Дело в том, что, после того как ислам утвердился в Западной Африке, многие местные правители принялись создавать себе родословные, возводившие их либо прямо к пророку Мухаммеду, либо к его ближайшему окружению, либо, уж на худой конец, просто к арабам, наооду, давшему миру основателя мусульманской религии. Легенды эти сложились довольно поздно, никак не раньше XVI—XVII вв., а затем их просто прибавили к устному историческому преданию наоодов Западного Судана. Так и получилось, что династию Кейта в Мали позднейшие сказители стали возводить к некоему Билалю, любимому черному рабу Мухаммеда, а первого сонгайского царя хронист объявил пришельцем из Южной Аравии — из Йемена. Конечно же, принять такие легенды всерьез нельзя. Поэтому некоторые исследователи, стремясь найти в них «рациональное зерно», решили, что основой для таких преданий послужило якобы северное, берберское происхождение первых сонгайских царей. В конечном счете дело опять-таки сводилось к попытке объявить создателями государства «белых» африканцев, а не негроидное население Судана. И только сравнительно недавно французский ученый Жан Руш неопровержимо доказал, что сонгайское государство создали сами сонгаи, а вовсе не пришельцы с севера.

В Гао, пожалуй, раньше, чем в других местах Западного Судана, занял прочные позиции ислам. Вероятно, первыми, кто принес сюда новую религию, были купцы-ибадиты. И эта новая религия довольно долго просуществовала в Гао в своей сектантской форме. Любопытно, что во время раскопок в Гао обнаружили надгробные плиты с надписями на арабском языке, относящиеся к XI—XII вв. Причем

тексты надписей удивительно похожи на те, что хорошо известны науке по мусульманским погребениям Испании. Очень могло быть, что и изготовляли такие надгробные плиты для Судана сначала в Испании и только позднее их изготовление перешло в руки местных мастеров. На одной из царских могильных плит был выбит пышный титул: «защитник веры господней». Это достаточно ярко русиет и размах международных связей Гао, и претензии сонгайских царей еще задолго до появления на исторической арене великого сонгайского государства, созданного трудами сонни Али и его преемника, основателя второй сонгайской династии, цари из которой носили титул «аския», — ал-Хадж Мухаммеда I.

Но до того как это государство было создано, сонгаям пришлось пройти через стадию вассального государства, подчиненного мансам Мали. В конце XIII в., после неудачной попытки царя Али Колена освободиться от мандингского владычества, войско Сакуры, тогдашнего правителя Мали, надолго привело царей Гао к покорности. Правда, попытки проявить независимость бывали и после этого — не случайно мансе Мусе пришлось пройти через Гао с большим войском на обратном пути из Египта. Но до наступления периода смут в Мали в последней четверти XIV в. сонгаям все же приходилось считаться с волей правителей Ниани. Зато когда это смутное время настало, сонгаи довольно быстро и безболезненно избавились от необходимости признавать малийскую верховную власть. Уже в последние годы XIV в. Гао окончательно стал фактически независимым владением. А став самостоятельными, сонгайские цари немедленно принялись опустошать своими набегами восточные владения Мали. С этого момента начался неудержимый рост военной мощи сонгайского государства. Для его соседей наступало мрачное время.

Хроники Сонгай

Прежде чем приступить к подробному разговору о правлении сонни Али, нам, пожалуй, будет полезно познакомиться с теми источниками, которые позволят нам получить о государстве Сонгай гораздо больше интересных сведений, чем мы имели до этого, когда говорили о Гане и о Мали. Полезно еще и потому, что это покажет, насколько высок был уровень культуры в главных центрах Западного

Судана и какую большую роль играли местные уроженцы.

Речь идет о двух исторических хрониках, написанных в XVI и XVII вв. Первая из них носит довольно обычное для средневековой поздней арабской литературы пышное название: «История искателя сообщений о странах, армиях и знатнейших людях». Ее автора звали Махмуд Кати. Этот первый известный нам западноафриканский историк принадлежал к народу сонинке и родился в знатной семье в 1468 г. Знатное происхождение открыло перед молодым человеком широкие возможности. Он получил превосходное по тому времени и тем условиям образование и еще очень молодым занял один из самых важных по значению постов в сонгайской администрации — пост кадия, мусульманского судьи, в Томбукту. Но и помимо этого Махмуду могли позавидовать многие: он вошел в число ближайших советников аскии ал-Хадж Мухаммеда I и сохранил это положение и при его преемниках.

Махмуд Кати прожил очень долгую жизнь — он умер в 1593 г. в возрасте 125 лет. За эти годы перед его глазами прошла вся история головокружительно быстрого подъема и такого же падения сонгайской державы. И по своей должности, и по своим обширнейшим личным связям он превосходно знал жизнь тех областей Западной Африки, которые входили в состав государства Сонгай. А то, что в судейской своей практике Кати сталкивался непосредственно и ближе всего с имущественными отношениями, делает его хроника совершенно бесценным источником: немного найдется в средневековой арабской исторической литературе трудов, которые бы содержали такое количество подробностей жизни и положения настоящих творцов истории — крестьян, ремесленников, рабов, — как «История искателя».

Писать книгу Махмуд начал в 1519 г. На протяжении всей остальной своей жизни он неустанно собирал все новые и новые дополнения. В конце концов ему удалось написать полностью только первые главы — жизнеописание своего покровителя — аскии ал-Хадж Мухаммеда I. Остальную часть хроники дописал уже в XVII в. один из его внуков по материалам, которые собрал дед. Внук этот оказался настолько скромным, что даже не оставил нам своего имени, как бы подчеркнув этим: вся заслуга принадлежит Махмуду Кати.

Автор второй хроники, носящей очень краткое и простое название: «История Судана», родился и жил уже в

совсем другое время, в другой исторической обстановке, чем Махмуд Кати. Его звали Абдаррахман ас-Сади, и родился он уже после покорения Западного Судана марокканцами — в 1596 г. в Томбукту. На его личной судьбе смена правителей Судана не слишком отразилась. Он был родом из знатной фульбской или мандингской семьи, и это ему обеспечило должность имама — настоятеля мечети — сначала в Дженне, потом в Томбукту. А с 1629 г. ас-Сади стал одним из главных чинов в административном аппарате марокканского наместника Томбукту. В этой должности он и умер в 1655 г.

И все же благополучная личная судьба, высокое служебное положение при марокканцах не вытравили из души Абдаррахмана ас-Сади патриотических чувств. Весь текст хроники пронизан гордостью за великую сонгайскую державу, за крупнейших ее государей. С любовью рассказывал хронист о своем родном городе Томбукту, о его высокой культуре, о выдающихся и прославленных ученых, живших в этом городе. Недаром мог сказать об этой книге первый ее европейский издатель: «Этот народ, которому пытались отказать во всякой инициативе в деле прогресса, имел собственную культуру, не навязанную ему народом другой расы... Хроника связывает со всеобщей историей человечества целую группу народов, которые до сего времени были почти совершенно от этой истории отстранены».

Положение ас-Сади в марокканской администрации все же сказалось на его книге. Она, наверно, и задумана была благодаря тем возможностям, которые предоставляло автору исторического труда место активного участника «большой политики» Западного Судана во второй четверти XVII в. Именно политической стороной событий ас-Сади интересовался в первую очередь, здесь он широко пользовался и собственными наблюдениями, и какими-то не дошедшими до нашего времени документами.

«Великий колдун»

Имея в своем распоряжении эти две хроники, мы можем теперь возвратиться к правлению первого из великих сонгайских царей — сонни Али Бера, «Али Великого». Впрочем, и Махмуд Кати, и Абдаррахман ас-Сади, хоть и признавали Али видным полководцем и крупным правителем, никаких теплых чувств к нему не питали. «Притеснителем, лжецом, проклятым» именуется его Кати. «Был он притесни-

телем, порочным, несправедливым, кровожадным тираном», — поддерживает его ас-Сади. Оба они рассказывают разные ужасы о преступлениях, которые якобы совершались по повелению Али. «Он приказывал бросать дитя в ступку, а матери — толочь его. И мать толкла ребенка живьем, и его скармливали лошадям», — рассказывает Кати. Особенное неудовольствие у обоих хронистов вызывало враждебное отношение Али к мусульманским законооведам и богословам. Они так и кипят благородным негодованием, когда речь доходит до бесчинств, действительных или мнимых, которые совершались по приказанию сонни Али и были направлены против благочестивых ученых. В чем же все-таки было дело? И действительно ли сонни Али был таким страшным извергом? Попробуем в этом разобраться.

Что касается жестокости правителя, то нам, право же, трудно судить, насколько правы или неправы авторы хроник. Не надо забывать, что речь идет о второй половине XV в. — времени, когда представления о гуманности довольно основательно отличались от нынешних. Очень может быть, что сонни Али и впрямь виноват был во многом из того, что ему приписывали. И все же, если бы дело заключалось только в личных качествах Али, едва ли Кати и ас-Сади обратили бы на них такое большое внимание. Ведь в конце концов аския ал-Хадж Мухаммед I, которого оба они описывали с почтительным восхищением, тоже не отличался чрезмерной мягкостью и перед пролитием крови противников не останавливался, когда это бывало необходимо.

Нет, главная причина враждебности хронистов к сонни Али заключалась именно в его неприязни к богословам и юристам. Оба они принадлежали как раз к этой социальной группе. А Кати был к тому же еще и приближенным аския ал-Хадж Мухаммеда I, который отнял престол у законного наследника — сына сонни Али. И положение его обязывало...

Было и еще одно обстоятельство, которому Али был обязан ненавистью к себе факихов¹. Обе хроники старательно подчеркивают: ислам сонни Али был-де очень поверхностен. Он исполнял многие обряды, связанные с прежними, домусульманскими культами; ас-Сади даже назвал его «великим колдуном». Но даже и в этом не было ничего необычного: ведь так по всему Западнему Судану посту-

¹ Факих (араб.) — буквально «законовед». В более широком смысле так называли и юристов, и богословов.

пало великое множество новообращенных мусульман, и мы уже говорили об этом. Но говорили и о том, что первыми проповедниками ислама в Судане были сектанты-ибадиты, а Гао стал главным центром сектантства в Западной Африке. И вот как раз хариджитские симпатии первой сонгайской династии и возбуждали непримиримую ненависть у правоверных мусульман Дженне и Томбукту, а отсюда и ответные репрессии, направленные в особенности против Томбукту — признанного центра мусульманского правоверия в Западной Африке.

И все же за сонни Али нельзя было не признать многих достоинств. Кати рассказывает: «Был он победоносен и разорял любую страну, к которой обращал лицо. Войско, при котором он находился, никогда не бывало разбито: это был победитель, а не побежденный». Ас-Сади добавляет к этому отзыву: «Он располагал великой мощью и большой твердостью». всю свою жизнь Али провел в походах. За 27 лет ему пришлось померяться силами со многими противниками. Первыми среди них оказались моси — опасный южный сосед, против которого в свое время были бессильны армии государей Мали. Вскоре после своего вступления на престол сонни Али встретился в поле с царем моси Комдао, разбил и обратил в бегство его войско. Так началась целая серия походов на южных соседей, которая в конечном счете привела к полному спокойствию на южных рубежах Сонгай.

Но успехи в борьбе с моси имели лишь второстепенное значение. Главное внимание сонни Али и главные его усилия были обращены на запад и юго-запад: во второй половине XV в. сонгайский царь стремился к тому же, что за 200 лет до него удалось Сундьяте и его ближайшим преемникам, — объединить под одной властью весь торгово-ремесленный центр тогдашнего Судана, лежавший вдоль среднего течения Нигера. Только на сей раз завоевание шло в обратном направлении — вверх по реке.

В 1468 г. правитель Томбукту призвал сонгайские войска в свой город. За 35 лет своего владычества туареги, возглавляемые Акилом аг-Малвалем, сумели достаточно убедительно продемонстрировать жителям все неудобства, которые влекло за собой господство кочевников над большим торговым городом. При этом они не делали особого различия между простым народом и городской знатью. И поэтому именно верхушка города — правитель и окружавшие его крупные купцы и факихи — проявила инициа-

тиву, призвав сонгайского царя принять город под свою высокую руку.

Вот как рассказывал об этом ас-Сади: «В конце своего правления туареги проявляли несправедливость, творили многочисленные жестокости и притеснения. Они распространяли в стране разложение, силой выгоняли людей из домов и насиловали их жен. Акил запретил жителям выплачивать томбукту-кою² обычные дары (из всего, что поступало в качестве дани, томбукту-кою, по обычаю, принадлежала треть; когда султан приходил с кочевий и вступал в город, он из этих средств наделял своих людей, кормил их и оплачивал все свои щедроты; а две трети он распределял между своими верными слугами).

Однажды к султану поступили три тысячи мискалей золота, и он палкой, что была у него в руке, разделил их на три части для своих людей (их обычай — не касаться золота руками). И сказал султан: „Это — доля ваших одежд, это — доля ваших бичей, а это — вам в подарок!“ Они ответили ему: „Но ведь это, по обычаю, принадлежит томбукту-кою...“ Султан возразил: „А кто такой томбукту-кой? Что он значит? И в чем его преимущество? Унесите это — оно ваше!“».

Это было уже слишком. Стерпеть — значило навсегда лишиться всех огромных выгод, с которыми связано было положение верхушки томбуктского купечества. И вот, продолжает ас-Сади, правитель города «тайком послал к сонни Али, дабы тот пришел, а он-де сдаст ему Томбукту, и сонни будет им править. Он описал ему слабость Акила во всем — слабость его власти и его тела. И в доказательство своей правдивости послал сонни сандалию Акила — ведь Акил был человеком очень маленьким и щуплым. А сонни ответил ему согласием».

В конце января 1469 г. сонни Али вступил в Томбукту. Туареги не оказали сонгаям никакого сопротивления. Больше того: узнав о приближении войска сонгаев, Акил заблаговременно пригнал множество верблюдов и вывез из города виднейших мусульманских богословов. Ушли многие: отношение сонни Али к этой категории людей было достаточно хорошо известно. И в самом деле, войдя в город, Али довольно круто обошелся со многими из оставшихся там факихов. И все-таки эти преследования навер-

² Т о м б у к т у - к о й — правитель Томбукту. Сонгайское слово «кой» означает вообще «правитель, вождь, царь».

няка не были так ужасны, как потом расписали их хронисты. Во-первых, сонгайский царь обвинял факихов, в значительной части выходцев из североафриканских городов, в пособничестве туарегам, традиционным нарушителям порядка и тишины в караванной торговле. А поведение мусульманской верхушки Томбукту во время туарегского владычества давало к такому обвинению предостаточно оснований. Во-вторых, довольно скоро после эвакуации в Уалату очень многие из беглецов проделали этот же путь в обратном направлении и спокойно водворились на прежних местах, не испытав со стороны сонгаев никаких притеснений. В-третьих, те из факихов, кто честно сотрудничал с новым хозяином Томбукту, и вовсе не имели оснований жаловаться на его дурное отношение. И вообще ас-Сади, не связанный придворным положением, как Махмуд Кати, добросовестно описав жестокости, которые будто бы чинил сонни Али, вдруг совершенно неожиданно заявил: «Но при всех несчастьях, что причинил он ученым, сонни Али признавал их превосходство и говаривал: „Если бы не ученые, жизнь не была бы ни сладка, ни приятна!“. Иным из них он оказывал благодеяния и почитал их. А когда выступил против фульбе племени санфатир, то послал много своих женщин в подарок старейшинам Томбукту и некоторым ученым и праведникам». Кстати, сам ас-Сади был правнуком одной из этих женщин.

Так мало-помалу объективная оценка деятельности последнего сонгайского государя из династии ши³ пробивала себе дорогу через густой туман предубеждения. При всей нелюбви купеческо-мусульманской верхушки Томбукту к сонни Али она не могла не признать, что, подчиняя себе среднее течение Нигера, этот, по выражению Махмуда Кати, «могущественный султан, жестокий сердцем», делал нужное ей дело.

Вслед за Томбукту наступила очередь Дженне. Этот город имел то преимущество, что стоял в самом центре средней дельты, среди бесчисленных рукавов реки Бани, озер и болот. Обилие воды облегчало доступ в город купцам и надежно прикрывало его от врагов. Хотя во времена расцвета Мали царь Дженне — «дженне-вере» — и считался вассалом даже не самого мансы, а его жены, которой и платил дань, но хроники утверждают, что жители Дженне выдержали 99 осад! Цифра, конечно, совершенно невероятная,

³ Ши — сонгайский титул, равнозначный сонни — «царь».

но в таком предании очень хорошо отразилось уважение к богатому и самостоятельному городу, которое испытывал даже такой патриот Томбукту, как автор «Истории Судана».

Надо сказать, что ас-Сади вообще описал Дженне очень подробно и красочно. «Дженне, — говорит он, — крупный рынок мусульман. В нем встречаются обладатели соли из рудников Тегаззы и хозяева золота из рудника Биту. Эти благословенные рудники не имеют себе равных во всем этом мире. Люди находят в торговле в этом городе большую выгоду; в нем сложились крупные состояния, которые может счесть только Аллах.

Из этого благословенного города в Томбукту прибывают караваны со всех сторон света — с востока и запада, с юга и севера... Дженне окружен стенами, а в них было одиннадцать ворот; впоследствии трое ворот заложили и их осталось всего восемь. Когда ты находишься вне города и в отдалении от него, он тебе кажется всего лишь рощей из-заобилия в нем деревьев. Но когда войдешь в город, то кажется, будто в нем нет ни единого дерева...⁴

Земля Дженне плодородна и возделана; она полна рынками во все дни недели. Говорят, в этой земле имеется семь тысяч семьдесят семь селений, прилегающих одно к другому. Чтобы доказать тебе их близость, достаточно сказать, что когда султану понадобится присутствие какого-либо человека, что живет в селении близ озера Дебо, то посланный выходит к воротам в стене и зовет того, чьего присутствия желает государь. Люди передают призыв от селения к селению — он достигает нужного человека в течение часа, и тот является».

Человек своего времени и своего круга, ас-Сади твердо усвоил, что Дженне и Томбукту составляли две половины единого торгового центра всего Западного Судана, что, следовательно, благоденствие одного из них было неразрывно связано с богатством и процветанием другого.

Но не хуже ас-Сади в середине XVII в. понимал эту истину и сонни Али во второй половине XV в. И в начале 70-х годов сонгайское войско подступило к стенам Дженне. Осада тянулась долго, и осажденные и осаждающие испытывали жестокую нужду в продовольствии. А взять город приступом сонгаи не могли: мешала вода, окружавшая город со всех сторон. Наконец, истощенные защитники горо-

⁴ То есть настолько густо город застроен.

да сдались — это произошло в 1473 г. Победитель обошелся с Дженне в высшей степени милостиво: оказал почтение правителю города (ас-Сади объяснял: «Это и есть причина того, что до сего времени султан Сонгай и султан Дженне сидят на одном ковре») и женился на его матери — вдове прежнего дженне-вере, умершего во время осады. Этим Али закрепил за собой права на верховную власть над городом и прилегающими местностями. После этого он мог спокойно возвратиться в коренные сонгайские владения.

Взятием Дженне сонни Али завершил воссоединение экономического центра Западного Судана под верховной властью царей Гао. Вместо власти мелких царьков установилась сильная, централизованная и обладавшая поддержкой крупного купечества власть сонгаев. Это и было результатом всей деятельности последнего ши, этим важнейшим достижением и заслужил он ту высокую оценку, которую неохотно, так сказать сквозь зубы, дал ему даже Махмуд Кати: «Он не оставил ни одной области, ни одного города, ни одного селения, куда бы он ни пришел со своей конницей, воюя с жителями этих местностей и совершая нападения на них».

Теперь, когда сонгайское государство заняло на политической арене Западного Судана то место, которое перед этим почти два века занимала держава Кейта, произошло передвижение к северо-востоку центра всей караванной торговли. С падением Мали пришел в упадок и экономический центр, сложившийся вокруг Ниани, когда этот город был политической столицей страны. А так как возник этот новый узел торговых путей на искусственной основе, без прочных хозяйственных предпосылок, то совершенно закономерным оказалось и последующее возвращение торгового центра Судана в те места, где его существование было оправдано и географией торговых путей, и древними устойчивыми хозяйственными связями: в треугольник, который образуют на карте три города — Гао, Дженне и Томбукту.

Неукротимый воитель, сонни Али и умер в походе. В ноябре 1492 г., возвращаясь из победоносной военной экспедиции в область Гурма, на правом берегу Нигера выше Гао (в языке сонгай слово «Гурма» и сейчас обозначает правый берег Нигера, так же как слово «Хауса» — левый), он утонул в одном из рукавов реки. Многочисленные его недоброжелатели, конечно, сразу же объявили такую смерть карой Аллаха за недостаточно почтительное отношение к мусульманскому духовенству.

Ко времени смерти сонни Али сонгаям подчинялась вся долина Нигера, от Денди до озер Дебо и Фагибин. Всем было ясно, что в Западном Судане складывается новая великая держава. И завершить работу сонни Али досталось другому великому правителю — ал-Хадж Мухаммеду I, основателю новой династии.

После кончины Али престол перешел к его сыну Бубакару, по прозвищу «ши Баро». Войско, сопровождавшее Али в его последнем походе, провозгласило Бубакара царем. Но ему пришлось царствовать всего четыре месяца — даже добраться до столицы государства новый ши не успел.

Создатель династии

Среди ближайшего окружения сонни Али выделялся своими военными и дипломатическими способностями некий Мухаммед Туре. Сонинке по происхождению, он выдвинулся во время непрерывных походов сонни Али и достиг высшего военного звания в сонгайском государстве — «аский». Он и возглавил заговор против ши Баро.

Хронисты всячески превозносят личные достоинства Мухаммеда. Его называют счастливейшим, праведнейшим, ведомым прямым путем и многими другими эпитетами такого же характера. Несомненно, это был незаурядный человек, опытный и смелый военачальник и не менее опытный и ловкий придворный. Как деликатно рассказывает ас-Сади, аския «в глубине души замыслил добиться халифской власти и ради того прибегнул ко многим хитростям. А когда завершил укрепление веревки тех хитростей, то выступил вместе со своими приближенными против Бубакара Дао и напал на него...». Если учесть, что между смертью сонни Али и открытым выступлением аския против преемника Али прошло всего два месяца, то придется признать, что интриганом новый претендент на сонгайский престол был выдающимся.

Первое нападение окончилось неудачно: ши Баро, правда, обратился в бегство, но захватить его не удалось. Теперь нужно было собрать войско и решать спор о власти в большом сражении. И тут вдруг обнаружилось, что силы претендента совсем не так уж велики, чтобы можно было быть уверенным в победе. Почти все вассальные князья остались верны сыну Али, а с претендентом пошел

только один из них: наместник области Бара, который носил сразу два титула: сонгайский — «бара-кой» и мандингский — «манса».

В этой сложной обстановке и проявились политические таланты Мухаммеда Туре. Он сумел привлечь на свою сторону очень сильного союзника — мусульманскую верхушку торговых центров страны. При войске Мухаммеда находились многие видные факихи, они входили в состав его совета, им пришлось выполнять сложные дипломатические поручения аскии. Формальной причиной оттяжки решающего сражения были неоднократные посольства от претендента к ши Баро. Таким путем аския достигал сразу трех целей: во-первых, оттягивая время столкновения, занимался подготовкой своего войска; во-вторых, демонстрировал свое миролюбие; в-третьих, доказывал свое мусульманское благочестие. Ведь главным предложением, которое он делал своему законному государю, было: «Прими ислам и подчинись!». По всей вероятности, ши Баро продолжал держаться отцовской линии в делах веры, а это играло на руку Мухаммеду.

Одним из послов Мухаммеда к сыну сонни Али во время этого почти двухмесячного стояния обеих армий друг против друга неподалеку от Гао стал автор «Истории искаателя» Махмуд Кати, несмотря на свою молодость — ему тогда было всего 25 лет. Он довольно красочно описал свое посольство: «И аския послал меня к нему — меня, то есть нуждающегося бедняка альфу⁵ Кати. Я отправился к ши и нашел его в местности Анфао, а это поблизости от Гао. Я передал ему послание повелителя верующих, аскии, и обратил к нему речи, сколь я мог красноречивые, как приказал повелитель верующих аския ал-Хадж Мухаммед. Я был с ним любезен, страстно желая, чтобы повел его Аллах благим путем. Но ши отказался наотрез, разгневался и приказал в тот же момент ударить в барабан, начав собирать войско. Он грозил и метал молнии, чтобы запугать меня. А я к себе самому прилагал слова поэта: „И погибну сегодня, побеждая людей креста и его почитателей!“». Факихи из окружения аскии отлично понимали, что победа претендента обеспечит им небывалые до того привилегии в государстве, и старались не за страх, а за совесть.

Как и следовало ожидать, переговоры не привели ни к какому результату: слишком крупной была ставка в той

⁵ А л ь ф а — суданское произношение слова «ал-факих».

игре, которую вели оба противника. И 12 апреля 1493 г. произошло решительное столкновение. Ши Баро был разбит наголову, обращен в бегство и больше не предпринимал никаких попыток вернуть себе отцовское наследие. Аския Мухаммед стал неограниченным повелителем сонгайского государства.

За 37 лет своего царствования аския Мухаммед совершил не меньше походов, чем сонни Али. Его военачальники небывало расширили пределы государства: власть сонгаев пришлось признать городам нынешней Северной Нигерии. брат и ближайший помощник аския Амар Комдиаго положил начало заселению сонгаями областей к юго-западу от Томбукту, на западе сонгайские генералы со своими отрядами доходили до плоскогорья Фута-Джаллон. И все же не это оказалось главной заслугой первого царя из династии аскиев (прежнее высшее военное звание Мухаммед сделал царским титулом) перед государством. В отличие от великого воителя сонни Али аския Мухаммед I может считаться великим строителем сонгайской державы. Именно ему она была обязана своим государственным строем в пору наивысшего расцвета.

Одним из первых законодательных актов нового правителя Сонгай было разделение народа на две категории: на «подданных и войско», рассказывает хроника. Так определилась одна из главных особенностей, отличавших Сонгай от его предшественника Мали. В государстве аскиев войско состояло преимущественно из свободных сонгаев; рабы в его состав не включались (особенно в первое время), их использовали либо для продажи, либо сажали на землю. А это имело и дальнейшие последствия, причем немаловажные: раз не было рабского войска, значит, не могло быть и рабской аристократии, сыгравшей такую грустную роль в истории Мали.

Аския Мухаммед I создал и систему управления государством. Конечно, многое в ней досталось сонгаям в наследство от Мали. И конечно же, у всех предшественников аския, у всех царей, носивших титул «ши», тоже был какой-то административный аппарат. Но настоящую продуманную и централизованную администрацию создал только Мухаммед.

Обе хроники — и «История искателя» и «История Судана» — полны названий должностей — государственных и придворных. Причем эти должности охватывали самые разнообразные области жизни государства. Здесь были и

«канфари», или «курмина-фари», — высший сановник державы, наместник ее западных областей; и следующий за ним по значению «балама» — начальник управления и армии в центральной части государства; и «хи-кой» — начальник царских кораблей; и «уандо» — начальник дворцовой полиции; и великое множество наместников отдельных областей и городов с самыми разными титулами. Среди этих названий часть составляли сонгайские, часть — мандингские, и это вполне понятно. Многие местности, до того как попасть под власть сонгаев, были провинциями Мали, и правители Гао, точно так же как и их предшественники, старались не разрушать, а использовать прежнюю систему управления новыми владениями. К тому же новая династия — у нас уже была об этом речь — происходила из народа сонинке, относящегося к той же группе, что и малинке. И при дворе аскии не слишком задумывались над происхождением того или иного титула или звания; в этом отношении там не страдали национальной ограниченностью.

Участие мусульманского духовенства в борьбе аскии Мухаммеда против ши Баро заставило нового правителя подчеркнуто демонстрировать свою почтительность в отношении факихов. Но одними внешними знаками почтения дело не обошлось. Одним из первых шагов, которые аския предпринял, придя к власти, стало назначение кадиев, мусульманских судей, во все мало-мальски заметные города страны, не говоря уж о таких центрах, как Дженне или Томбукту. А кадии пользовались многими преимуществами, имели очень реальную власть в своих городах. Правда, аския и в этом случае проявил себя трезвым и практичным политиком. Большинство привилегий дано было в начале его царствования, а впоследствии он их мало-помалу отобрал. Махмуд Кати, человек, чья осведомленность не вызывает ни малейшего сомнения, так же как и его преданность аскии, очень хорошо понял смысл этого. «Все это было, — рассказывал он, — в начале его деятельности ради согласия сердец его народа. Когда же его власть укрепилась и государство утвердилось, аския от всего этого отступил». Но все-таки если отнять ту или иную привилегию в церемониале было несложно, то гораздо труднее было отобрать у факихов реальную их власть там, где они ее получили.

Вот как обстояли, например, дела в Томбукту. Здесь кадий Махмуд ибн Омар возымел такую силу, что аскии пришлось специально приехать к нему для выяснения животрепещущего вопроса: кто же все-таки хозяин в городе?

Махмуд Кати очень живо рассказал, как аския, помянув своих предшественников и предшественников кадия, спрашивал: «Разве же эти кадии препятствовали государям свободно распоряжаться в Томбукту и делать в нем то, что им хотелось: повелевать, запрещать, взимать дань?!». Махмуд ибн Омар хладнокровно отвечивал: нет, не препятствовали. «Так почему же ты, — возмутился аския, — мешаешь мне, отталкиваешь мою руку, выгоняешь моих посланцев, которых я отправлял по своим делам, бьешь их и велишь гнать из города?!». В ответ кадий сослался на то, что в начале своего правления аския попросил у него, Махмуда ибн Омара, духовного покровительства и заступничества, дабы спасти его от адского пламени.

Интереснее всего то, что, хотя произвольный характер такого расширенного толкования просьбы аския был совершенно очевиден, Мухаммеду пришлось уступить: он сделал вид, что вполне удовлетворен объяснениями кадия, и уехал. Даже на вершине своего могущества он не мог себе позволить вступить в открытую борьбу с городской знатью Томбукту, которую представлял кадий Махмуд.

Через четыре с половиной года после своего вступления на престол, в октябре 1496 г., аския Мухаммед I отправился в хадж. В истории средневековых западносуданских государств такое путешествие всегда было важнейшей внешнеполитической акцией — мы видели это на примере хаджа Мусы I. Для аския же совершить хадж значило, кроме того, еще и подтвердить ту репутацию борца за мусульманское правоверие, которой он добился во время войны против «безбожной» династии ши.

Оформление хаджа на сей раз было несравненно более скромным, чем во времена мансы Мусы. Аския сопровождали всего полторы тысячи воинов — пятьсот конных и тысяча пеших. И ни о каких ста вьюках золота не было и речи: караван вез всего триста тысяч мискалей, которые в свое время оставил сонни Али на хранение хатибу мечети в Томбукту. Конечно, и это были немалые средства: на треть этой суммы аския смог купить в Медине большие участки земли, которые затем пожаловал в пользу мусульман-паломников из Западной Африки. Но все же экономические возможности Мухаммеда Туре оказались меньше возможностей Мусы Кейта. Западный Судан, разоренный беспрерывными войнами на протяжении всего XV в., не мог обеспечить первого аския такими же богатствами, как его прославленного предшественника.

Как и следовало ожидать, и Кати, и ас-Сади много рассказывают об образцовом благочестии аскии Мухаммеда, о его многочисленных беседах с богословами и потомками пророка в Каире, Мекке и Медине. Во всех этих рассказах почти неизменно присутствуют два ближайших советника аскии — факихи Салих Диавара и Мухаммед Туле. Много в рассказах о пребывании Мухаммеда — откровенная легенда, так же, как и в сообщениях о чудесных встречах его приближенных со сверхъестественными существами — джиннами. И причина здесь одна (не говоря уж, конечно, об обычном стремлении хронистов приукрасить личность и заслуги любимого героя): не было ничего более существенного, о чем стоило бы рассказывать. Хадж сонгайского государя не вызвал на тогдашнем Переднем Востоке почти никакого отклика. На этот район надвигалась страшная турецкая угроза, и в Дамаске или в Каире было попросту не до хаджа царя далекой страны, лежавшей где-то позади великой пустыни.

Единственным существенным результатом паломничества аскии оказалось то, что он был провозглашен халифом, т. е. не только светским, но и духовным главой мусульман Западной Африки. Никто из его предшественников этого титула не имел. Впрочем, внешнеполитического значения этот акт не имел никакого, никто не собирался считаться с мнением мекканского шерифа⁶. Зато внутри своей державы Мухаммед мог надеяться извлечь из нового титула некоторую пользу: титул делал его более независимым от мусульманской верхушки Западного Судана, позволял как-то ограничить ее постоянно растущие аппетиты.

В августе 1498 г. аския Мухаммед — теперь уже ал-Хадж Мухаммед — возвратился в Гао. И сразу же отправился в поход на моси. А на следующий год последовал второй поход — на запад, в Тендирму, а за ним другие с редкими перерывами. Государство росло, и хлопот у аскии не убавлялось. То один, то другой «мятежник» выступал против сонгайской власти. Большинство из них терпело жестокие поражения от самого Мухаммеда или от его генералов. Но одному все же удалось освободиться от зависимости, отразив все сонгайские карательные экспедиции. Случай этот заслуживает того, чтобы о нем рассказать поподробнее.

⁶ Ш е р и ф (араб.) — букв. «благородный», так называют действительных или мнимых потомков пророка Мухаммеда.

В 1516 г. аския возвращался из похода на Агадес; в походе этом его сопровождал правитель города Кебби, расположенного на севере современной Нигерии. Этот правитель, носивший титул «канта», выставил вспомогательный отряд и по окончании похода рассчитывал получить свою долю добычи. Время шло, но никто не торопился выделять союзнику его долю. Тогда канта обратился к «денди-фари», наместнику провинции Денди, которая граничила с его владениями, но тот ответил ему грубой насмешкой. Между тем войско царя Кебби взволновалось, угрожая мятежом. Но и на повторную просьбу канты денди-фари ответил отказом. И тогда жители Кебби открыто выступили против сонгайского владычества.

Наместник Денди попытался справиться с восстанием своими силами, но это не привело ни к какому результату. Не больше успеха выпало и на долю самого аския Мухаммеда, явившегося на следующий год на выручку своему наместнику. Жители Кебби успешно отразили все приступы сонгаев и отстаивали свою независимость — «до конца державы Сонгай», как пояснял ас-Сади.

Но поражение в Кебби осталось пока что единственным темным пятном на блестящем общем фоне, какой представляло собой царствование ал-Хадж Мухаммеда I.

«Описание Африки, третьей части света»

Между 1511 и 1515 гг. Западный Судан дважды посетил молодой араб, по имени ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан аз-Зайяти. Даже для богатого интересными человеческими судьбами времени Возрождения его жизнь оказалась на редкость своеобразной, можно даже сказать — удивительной.

Он родился в Гранаде в 1493 или 1494 г., через год-два после падения последнего мусульманского княжества в Испании. Вскоре после его появления на свет родители увезли мальчика в Фес. В столице султанов Марокко — сначала из династии Бану Ваттас, а потом шерифов-саадитов — ал-Хасан получил блестящее образование и рано начал успешную карьеру при дворе. В Западную Африку он ездил вместе с отцом в составе официальных марокканских миссий султана Мулай Ахмеда ал-Касима. Затем ал-Хасан отправился в хадж и несколько лет провел на Востоке. И когда в 1520 г. он возвращался из этого путешествия, его судно было захвачено сицилийскими пиратами у по-

бережья Туниса. Молодой образованный араб, превосходно говоривший по-испански — ведь это был его второй родной язык! — произвел на морских разбойников такое большое впечатление, что, вместо того чтобы продать его на невольничьем рынке где-нибудь в Генуе или в Пизе, они подарили его папе Льву X вместе с таким диковинным зверем, как жирафа. Папа, сын известного покровителя гуманистов Лоренцо Медичи, прозванного Великолепным, сумел оценить подарок по достоинству. По его поручению пленник, получивший при крещении имя Джованни Леоне, преподавал арабский язык в Риме и Болонье. В 1526 г. он закончил свой самый известный труд: «Описание Африки, третьей части света, и примечательных вещей, какие там есть». Как автор этого «Описания» он и приобрел мировую славу под именем Льва Африканского. Около 1528 г. ему удалось вернуться в Северную Африку, там он снова принял ислам и спокойно закончил свои дни в Тунисе в 1552 г.

Рассказ Льва Африканского о Западной Африке был создан в пору самого расцвета сонгайского государства. И поэтому в нем нарисована, по словам современного английского исследователя, «картина одной из величайших политических организаций, какую когда-либо создавали негры». Но надо сказать, что экономическая сторона увиденного гораздо больше интересовала автора «Описания Африки», чем политика. Он впитал в себя многовековую традицию, рассматривавшую страны по южную сторону Сахары как постоянных торговых контрагентов купцов Северной Африки. В начале XVI в. эта традиция была ничуть не менее живой, чем в середине XIV в., когда о Западном Судане писал Ибн Баттута.

Подробнее всего описал Лев Африканский великие торговые города — Гао и Томбукту. Однако он обратил внимание и на Ниани, где тоже побывал. И его описание малийской столицы очень выразительно показывает, насколько упало могущество правителей из династии Кейта к этому времени, хотя хозяйство Мали все еще сохраняло достаточно высокий уровень развития. Вот это описание.

«В этой стране есть крупное поселение, где находится почти шесть тысяч очагов. И по этому селению Мелли названа остальная часть королевства. В том селении живут король и его двор.

Страна изобилует зерном, мясом и хлопком. В селении Мелли есть множество ремесленников и купцов — туземцев и иноземных; но иностранцы гораздо более любезны

королю. Жители богаты от торговли, которую они ведут, снабжая многими вещами Гвинею и Томбутто. У них есть много храмов и священников, а также преподавателей, читающих в храмах, ибо коллегий они не имеют.

Именно эти люди — те, кто более всего культурен, более всего разумен и более всего прославлен из всех черных, тем более что они первыми примкнули к вере Махумета. С того времени они находились под владычеством великого государя... И власть оставалась у его потомков до времени Аскии, который их сделал данниками, так что ныне этому сеньору⁷ нечем прокормить свое семейство из-за тягот, которые на него возложены».

Лев Африканский был объективным и трезвым наблюдателем. Блеск победоносной сонгайской державы и жалкое состояние, к какому сведен был в эту пору авторитет государей Мали, не могли скрыть от него той роли, которую сыграли малинке и родственные им народы в политической и культурной истории Западной Африки.

Гораздо мажорнее звучит описание Томбукту — города, который к этому времени переживал самый расцвет, хозяйственный и культурный. И Лев при рассказе об этом городе не пожалел ярких красок.

«В этом городе, — говорит он, — много лавок ремесленников, купцов и в особенности ткачей, изготавливающих хлопчатобумажные ткани. Попадают также европейские ткани, привозимые берберийскими купцами... Жители очень богаты, особенно чужестранцы, что здесь поселились. Так что нынешний король выдал двух своих дочерей за двух братьев-купцов из-за богатства последних.

В упомянутом городе есть много колодцев с пресной водой, хотя, когда Нигер разливается, вода доходит до города по нескольким каналам. Имеется величайшее изобилие зерна и скота, поэтому жители потребляют много молока и масла. Однако очень не хватает соли, так как она доставляется из Тегазы, отстоящей от Томбутто примерно на пятьсот миль. И один раз, когда я оказался в Томбутто, вьюк соли стоил восемьдесят дукатов.

Королю принадлежит большое богатство в пиастрах и золотых слитках, один из которых весит тысячу триста фунтов. Двор короля хорошо устроен и великолепен. Когда король отправляется со своими придворными из одного города в другой, то едет верхом на верблюде, а лошадей ко-

⁷ Имеется в виду «король Мелли».

нюхи ведут под уздцы. Если же приходится сражаться, то конюхи стреноживают верблюдов, и все солдаты садятся на лошадей.

Всякий раз, как кто-либо хочет говорить с этим королем, он становится перед ним на колени, берет горсть земли и сыплет ее себе на голову и на плечи: это знак почтения. Но его требуют лишь от тех, кто не говорил с королем раньше, или же от послов.

Король содержит около трех тысяч всадников и бесчисленных пехотинцев, которые вооружены луками... и обычно стреляют отравленными стрелами. Король часто воюет с недружественными соседями и с теми, кто не желает ему платить дань. Одержав победу, он приказывает продать в Томбутто всех взятых с боя, вплоть до детей.

В этой стране не водятся лошади, исключая некоторых мелких иноходцев — на них ездят в своих путешествиях купцы, а также некоторые придворные в городах. Хорошие же лошади доставляются из Берберии. Как только они приходят с берберийским караваном, король приказывает записать их количество. Проходит двенадцать дней, он выбирает ту, которая ему больше нравится, и оплачивает достаточно честно...

В этом городе есть много судей, ученых и священников. Все они получают хорошее жалованье от короля. Король весьма почитает людей ученых. В городе продаются также многие рукописные книги, которые приходят из Берберии. И они дают больше дохода, чем остальные товары.

Вместо монеты они обычно используют куски чистого, без примесей золота, а для мелких покупок — привозимые из Персии раковины, четыре сотни которых оцениваются в дукат. Шесть и две трети их дуката составляют римскую унцию⁸.

Эти жители — люди приятного нрава. Они имеют обыкновение проводить время с десяти часов вечера до часу ночи, почти непрерывно играя на музыкальных инструментах и танцуя по всему городу. Горожане держат в услужении много рабынь и рабов...».

И уж совсем восторженным гимном западноафриканской торговле звучит рассказ о рынках Гао: «Здесь есть исключительно богатые купцы, и сюда постоянно приезжает большое количество черных, которые здесь покупают ткани, привезенные из Берберии и из Европы... Здесь есть также

⁸ Римская унция равнялась $\frac{1}{12}$ фунта.

определенное место, где должны продаваться рабы, особенно в такие дни, когда обыкновенно собираются купцы. И молодой раб в возрасте пятнадцати лет продается за шесть дукатов; так же продают и детей...

Удивительно видеть, какое множество товара доставляется сюда ежедневно и сколь дороги и великолепны все предметы. Лошади, купленные в Европе за десять дукатов, перепродаются по сорока, а иной раз и по пятидесяти дукатов за штуку. Нет такой грубой европейской ткани, которую бы здесь не продали по четыре дуката за локоть. А если бывает что-нибудь тонкое, они дадут за локоть и пятнадцать дукатов. Локоть же венецианского пурпура или турецкой ткани стоит здесь тридцать дукатов. Меч здесь оценивают в три или четыре кроны, равно как и шпоры, уздечки и прочие подобные товары. Пряности тоже продаются по высоким ценам. Но из всех других товаров наиболее, до крайности, дорога соль».

И вот, когда читаешь эти отзывы умного и наблюдательного современника аскии Мухаммеда, все настойчивее возникает желание спросить: так что же лежало в основе всего этого великолепия? На чем держалась в конечном счете вся держава аскиев? Проще говоря, что служило экономической базой сонгайского государства в период недолгого его расцвета — практически меньше ста лет, с середины 90-х годов XV в. до того страшного мартовского дня 1591 г., когда разгром марокканцами отборных сил аскии Исхака II при Тондиби решил судьбу Сонгай?

И здесь нам приходится снова обратиться к хроникам Махмуда Кати и Абдаррахмана ас-Сади. Очень многое становится понятным при чтении отдельных рассказов, которые сами-то хронисты считали в лучшем случае просто юридическими казусами.

Крестьяне и рабы

В начале этой главы нам уже привелось говорить, что поливное рисоводство и рыболовство были основой хозяйства народа сонгай еще в очень отдаленные времена. Так было и в течение XV—XVI вв., то же остается и в наши дни. Говорили мы и о том, что при поливном земледелии не было надобности в таких многочисленных по своему составу объединениях людей, каких неизбежно требовала подсечно-огневая система обработки земли, господствовавшая в сред-

невековом Мали. К тому же поливное земледелие вообще, а рисоводство в особенности гораздо более продуктивная форма хозяйства, чем подсека, и дает оно гораздо большие урожаи. Но зато и требует оно намного больше труда, как всякая вообще интенсивная форма хозяйства. И поэтому в сонгайских селениях никогда не бывало излишка рабочих рук.

В течение всего XV в. сонгайские цари, от ши Мухаммеда Дао до сонни Али Бера, вели непрерывные войны. До правления аския ал-Хадж Мухаммеда I военнообязанным считалось все мужское население царства. Это несомненно очень тяжело отзывалось на состоянии земледелия, так же как и всех остальных отраслей хозяйства: народ сонгай немногочислен, даже сейчас, в 60-х годах XX в., он насчитывает всего около 800 тысяч.

А 500 лет назад эта цифра была намного меньше.

Поэтому, когда аския Мухаммед разделил народ на «войско» и «подданных», обязав подданных заниматься крестьянским трудом, он руководствовался прежде всего хозяйственной необходимостью: войны требовали людей, способных сражаться, но людей этих надо было кормить. А для этого требовалось поддерживать на каком-то минимальном уровне сельское хозяйство.

Впрочем, можно предположить, что не только эти соображения заставили основателя новой династии осуществить такую капитальную реформу общественного устройства сонгаев. В XV в. войны стали не только традиционным занятием правителей, знати и войска, но и огромным источником доходов для них всех. Ведь вся добыча подлежала разделу. А отсюда следовало простое рассуждение: в таком случае правящей верхушке выгоднее содержать сравнительно немногочисленное профессиональное войско, так сказать, военное сословие, чем созывать ополчение для каждого набега, — выше военные качества солдат и меньше недобровольных при разделе добычи. Тем более что реформа ал-Хадж Мухаммеда I отстраняла от военной службы беднейшие, самые беспокойные и потенциально самые «опасные» слои сонгайского населения.

Но даже реформа ал-Хаджа не могла бы обеспечить быстрый подъем разоренного хозяйства. Рабочих рук не хватало. Выход же из этого затруднения был один, давно уже известный и довольно широко применявшийся в Мали — а для сонгаев Мали всегда служило образцом. Речь идет о сажании на землю рабов, захваченных в походах.

И с правления аскии ал-Хадж Мухаммеда I начинается стремительное увеличение числа рабских поселков на территории Сонгай.

Суданские хроники, особенно «История искателя» Махмуда Кати, полны рассказами о таких поселениях. Жителей их хронисты обычно называли «зинджами». У этого названия довольно любопытная история. В классической арабской литературе домонгольского времени, т. е. до середины XIII в., слово «аз-зиндж» обозначало чернокожих коренных жителей восточного побережья Африки, население же Западной Африки арабы называли просто «черными» — «ас-судан». А кроме того, «зинджами» называли и африканских рабов: их в большом количестве вывозили из Восточной Африки в Южный Ирак и там использовали на самых тяжелых оросительных работах. В XVI и XVII вв. это слово в первоначальном значении уже почти никто не применял. Но зато в лексикон западноафриканских чиновников и хронистов вошло вторичное, уже переосмысленное значение слова «аз-зиндж». И называли им любую из очень многочисленных зависимых и неполноправных групп населения Западного Судана.

Сам первый аския во время своих походов захватил у сонни Али 24 «племена» рабов⁹, которых Али отобрал у царей Мали; ал-Хадж рассматривал эти «племена» как свое законное наследство. Каждая из этих рабских групп несла определенные повинности: часть из них должна была поставлять установленное количество зерна с каждой супружеской пары, часть изготовляла оружие для царского войска — это были кузнецы, некоторых использовали как личных слуг аскии и его родни или же в качестве прислуги при царских лошадях.

Повинности могли изменяться. Так, во времена правителей Мали с тех, кто обязан был поставлять зерно, брали урожай с 40 локтей обработанной земли. Во времена сонни Али было приказано объединять рабов в «бригады» по 100 человек каждая — такие бригады работали в поле под наблюдением надсмотрщиков с барабанщиками и флейтистами, а весь урожай уходил на прокормление воинов сонни. Когда же эти люди перешли в собственность аскии ал-Хаджа, он установил для них подать зерном, причем раз-

⁹ Слово «племя», употребленное Кати, мало подходит для обозначения групп рабов, о которых идет речь. Это скорее были касты, т. е. объединения людей, замкнутые профессионально и заключающие браки только в своей среде (эндогамные).

мер ее не мог превысить 30 мер. По сравнению с предыдущим периодом это могло показаться облегчением. Так бы оно и было, если бы аския одновременно не наложил на рабов гораздо более тяжкую дань. «И брал аския Мухаммед некоторых из их детей, обращая их в цену лошадей»¹⁰, — спокойно поясняет Кати. Он оставался человеком своей эпохи и своего круга, и такие вещи были для него совершенно обыденным явлением.

Но помимо тех рабов, что достались аския ал-Хадж Мухаммеду, так сказать, по наследству от прежней династии, он и сам в своих походах угонял в полон многие тысячи людей. Когда в 1495 г. его войско завоевало город Диагу, аския, рассказывает хроника, «захватил в ней 500 строителей и 400 увел в Гао, дабы использовать их для себя... вместе с их строительным инструментом. Брату же своему, Амару Комдиаго, он пожаловал оставшуюся сотню». Амар в эту пору строил город Тендирму, будущую резиденцию наместника западных областей — «канфари», и опытные строители ему были очень кстати. При этом, когда захваченных людей перегоняли в назначенные им для жительства местности, им приходилось проходить зачастую не одну сотню километров: одну из местностей возле Тендирмы заселили моси, угнанными аския после одного из походов на их страну, а в то же время царские земли, находившиеся в затопляемой части Масины, обрабатывали люди, которых захватили в области Галам, на верхнем течении Сенегала.

Основой политики аския ал-Хадж Мухаммеда I в этом отношении было создание развитой сети рабских поселков, принадлежавших короне и размещенных по всему пространству Сонгай. Если отметить на карте земледельческие рабские поселки, принадлежавшие самому крупному из преемников ал-Хаджа — аския Дауду (1549—1583), то они разместятся от Денди почти до Ниоро. «Во всех подчинявшихся ему землях, от Эрей-Денди... до окончания гаваней озера Дебо, были у аския возделанные участки. В иные годы ему поступало продовольствия более 400 тысяч сунну¹¹. Не было ни одного селения среди поселков, что мы называли, где бы у аския не было рабов и начальника над ними. Под началом некоторых из них возделывали землю до 100 рабов, а у других—50, 60, 40 и 20». Так рассказал об

¹⁰ То есть «продавал их, чтобы купить лошадей».

¹¹ Сунну — мера объема: кожаный мешок емкостью до 250 л.

этом Махмуд Кати. Но главная масса этих поселений находилась в средней дельте Нигера — рисовой житнице Сонгай, самой плодородной области государства. И это лишний раз показывает прямую связь между рисоводством и использованием рабского труда в сельском хозяйстве.

Широко распространено было обыкновение дарить рабов; делалось это как на вывод (если употребить русское выражение крепостного времени), так и вместе с селениями, где эти рабы жили. И делали это аскии не скупясь. Ал-Хадж Мухаммед I пожаловал одному из многочисленных шерифов своего окружения, по одному рассказу, 1700, а по другому — 2700 рабов за один раз. Уже знакомые нам факхи Салих Диавара и Мухаммед Туле получили в 1501—1502 гг. целых шесть «племен» рабов — по три на каждого. В 1581 г. еще один шериф получил сразу три поселка с рабами в дар от аскии Дауда. Не оставался обиженным и автор «Истории искателя»: тот же Дауд подарил ему поместье с рабами. В поместье, правда, числилось всего 13 рабов, но надо полагать, что был не единственный подарок такого рода, полученный нашим знакомцем за время его долгой и преданной службы династии.

Но мало было обратить людей в рабство и посадить их на землю. Нужно было еще и закрепить их в этом состоянии: ведь никому из хозяев таких рабских деревень не хотелось терять рабочие руки. Для этого существовала целая система ограничений, которой подчинялись все без исключения рабы. В основе системы лежало запрещение людям рабского состояния заключать браки вне своих «племен». Другими словами, все такие объединения зависимых людей были строго эндогамны.

Что это значило на практике? Просто-напросто то, что свободный человек не мог жениться или выйти замуж за члена рабского «племени», не обрекая себя самого совершенно автоматически на потерю свободы. Правда, существовало заметное различие между положением мужчины и положением женщины. Дело в том, что счет родства по линии матери — мы с этим встречались и в Гане, и в Мали — очень устойчиво держался и у сонгаев. В отдельных случаях счет родства по отцу уже сам по себе означал принадлежность человека к той или иной группе рабов. Особенно часто это случалось в кастах кузнецов — так было, например, с теми пятью «племенами» оружейников, которые унаследовал от сонни Али аския ал-Хадж Мухаммед I. Свободные же люди считали родство только по матери,

хотя наследование имущества шло уже по отцовской линии (что свидетельствует о сравнительной давности сложения классового общества).

По всем этим причинам решающее значение имело социальное положение матери или жены. Сонгайские правители обеих династий строго следили за соблюдением соответствующих правил. При этом важную роль играло, конечно, желание обеспечить сохранение за собственником возможно большего количества рабов. Мужчинам из все тех же унаследованных ал-Хаджем 24 «племен» еще в ту пору, когда они были собственностью царей Мали, было строгойше предписано: жениться на свободных женщинах они могут только в тех случаях, когда внесут семье невесты большой выкуп. «Из опасения, как бы женщина или ее дети не потребовали себе свободы, и желая, чтобы они со своими детьми оставались в собственности мали-коя», — так разъяснил смысл запрета Махмуд Кати. Другими словами, зависимому разрешалась женитьба на свободной женщине только при условии, что родня этой женщины попросту согласится продать в рабство ее, а значит, и ее детей.

Аския ал-Хадж Мухаммед I после консультации с факихами внес изменение в форму запрета. По установленному им порядку при свободном отце и матери-рабыне ребенок безоговорочно признавался рабом; а при отце-рабе и свободной матери он считался рабом, только если оставался в семье отца и продолжал заниматься тем же, чем занимался отец. Уйдя в семью матери, он получал свободу. Легко заметить, что, несколько изменив правило в пользу хозяина раба, ал-Хадж все-таки вынужден был сохранить его основной смысл: социальное положение человека определено социальным положением его матери. Мусульманской правовой теории пришлось и здесь отступить перед древним обычаем.

«История искателя» включает довольно любопытный рассказ, в котором очень хорошо видно отношение и самого ал-Хаджа, и его преемников к соблюдению таких запретов. В местности Анганда, к востоку от озера Дебо, рассказывает хронист, некогда обитало смешанное население, состоявшее из свободных сонгаев, «зинджей» и диам-кириа (так называлась одна из каст). Сонни Али завоевал Анганду, сонгаев перебил, а части «зинджей» и кузнецов сохранил жизнь. Когда воцарился ал-Хадж Мухаммед I, уцелевшие мужчины этой местности обратились к нему с покорнейшей просьбой: дать им жен. Аския выполнил эту:

просьбу, но довольно своеобразно. В жены они получили женщин, тоже принадлежавших к «зинджам», а кроме того, новобрачным предписано было сохранять эндогамию внутри потомства каждой пары.

Что интересно в этой истории? Во-первых, то, что аския согласился на смешение разных зависимых групп только при условии, что сохранится их зависимое положение. А во-вторых, создав новые неполноправные группы, он сразу же постарался их сделать еще более замкнутыми.

Но на этом дело не кончилось. Очень много лет спустя, когда аский ал-Хадж Мухаммеда I давно не было в живых, к его внучатному племяннику, аский Исхаку II, обратились трое мужчин, прося его принять их в свое владение. Исхак поначалу обошелся с просителями милостиво, но когда узнал, что все трое родом из Анганды, то не только возвратил зависимых — «зинджа» и кузнеца — хозяину Анганды, но и объявил его собственностью также третьего просителя. А тот был свободный сонгай, имевший неосторожность взять в жены женщину из Анганды. И при этом в обоснование своего решения Исхак сослался на указ ал-Хаджа I.

Большое число поселений такого типа сильно расширяло экономическую основу центральной власти. Изобилие продуктов, которое поразило на западносуданских рынках Льва Африканского, во многом именно этим и объяснялось. Ведь помимо посаженных на землю рабов в сонгайской державе существовало и свободное крестьянство. И рабы сильно облегчали его положение. Их эксплуатировали гораздо сильнее, чем это делалось в Мали; и свободные благодаря усилению эксплуатации рабов имели возможность сохранить большую долю плодов своего труда, которую иначе постаралась бы у них отобрать «своя» же сонгайская знать.

И все же, даже если учесть усиленное использование рабского труда, положение тех, кого мы на всем протяжении этой главы называем рабами, очень сильно отличалось от того, что мы привыкли видеть в классических, если так можно сказать, странах рабовладения — Древней Греции и Древнем Риме. В сущности, так же как и в Мали, рабы в сонгайском государстве были скорее полурабамиполукрепостными. Они сохраняли какое-то собственное хозяйство. Настоящая барщина (единственную попытку ввести ее предпринял сонни Али) просуществовала очень недолго: просто не по силам было царской администрации обеспе-

читать тот жесткий контроль, который один только и мог сделать успешной такую форму использования труда зависимого населения. Но кое-что и отличало полурабов-полукрепостных времен аскиев от их малийских предшественников: прежде всего то, что они были ближе к крепостному, чем к рабу. Зато в сонгайской державе не существовало тех довольно широких рамок, в которых могло меняться положение раба в Мали, хотя и признавалось, что рабы, рожденные в доме господина, имеют преимущества перед «новенькими». Но в целом все здесь было намного жестче, сословное неравенство между свободным и несвободным сохранялось гораздо строже, а следов рабства патриархального, домашнего, оставалось куда меньше!

Хроника Махмуда Кати содержит очень любопытный рассказ, из которого хорошо видно, насколько различались взгляды на положение раба в Мали и в Сонгай. Один из начальников рабских поселков сумел накопить немалые богатства, так что не только покрыл за счет своих запасов риса от предыдущего урожая взнос следующего года, но и роздал в виде благочестивой милостыни тысячу сунну зерна. Аскии Дауду это очень не понравилось. «Этот раб при его положении, бедности и ничтожестве, — сказал аския своим советникам, — дает милостыню тысячу сунну! А что же буду раздавать милостыней я?! И чего он этим добивается, как не прославления своего имени?». Но советники успокоили Дауда. «Все рабы одинаковы, — пренебрежительно ответили они, — ни один из них не возвысится иначе, как через возвышение своего господина, а его достоинство — собственность его господина. Ведь когда царь, подобный тебе... возгордится тем, что раб, который ему принадлежит, подарил-де то-то и то-то, ему отвечают: „Раб аския подарил бедным тысячу сунну“...» Иными словами, как бы ни был богат зависимый человек (а таких начальников рабов, как герой этого рассказа, было немало), он и думать не мог сравняться со свободным сонгаем в социально-политическом отношении.

Конечно, непрерывное усиление сонгайской знати должно было сопровождаться и таким же непрерывным ухудшением положения свободного сонгайского крестьянства, хотя сохранение большой патриархальной семьи и замедляло этот процесс. Не исключено, что какая-то часть аристократии уже в начале XVI в. использовала на своих землях труд свободных сонгаев наряду с рабским. Свободное трудовое население, так же как и в Мали, постепенно попадало в за-

висимое состояние, когда отличие его от рабов становилось почти исключительно правовым, а экономическая разница и вовсе переставала чувствоваться. Всегда и повсюду в истории сложение общественного класса крупных земельных собственников неизменно сопровождалось другим явлением: постепенно рождался и противоположный класс — зависимое крестьянство, причем в этой общей массе поначалу совсем разных, по выражению одного исследователя, «категорий свободы, полусвободы и несвободы» мало-помалу пропадала разница между бывшим рабом и бывшим свободным. С разных сторон и тот, и другой приходили к одному и тому же зависимому состоянию. Об этом нам уже приходилось говорить в главе о Мали, а в Сонгай развитие шло в том же направлении. Только в первый период после прихода к власти династии аскиев, в конце XV и начале XVI в., на некоторое время в этом непрерывном процессе усилилась его рабская «составляющая».

Но вот наступило царствование аскии Дауда, сына ал-Хадж Мухаммеда I. Оно оказалось вершиной расцвета сонгайской державы. И все тот же Махмуд Кати рассказывает о Дауде: «Он был первый, кто начал получать наследство воинов, говоря, что они-де его рабы. Раньше так не бывало и после война наследовались только лошадь, щит, копье — не более того...». И желая как-то оправдать Дауда, хронист сокрушенно добавляет: «А что касается захвата аскиями дочерей воинов и превращения их в наложниц, то эти прискорбные случаи предшествовали его правлению. Все мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвратимся...». Так к середине XVI в. господствующий класс начал наступление на права и интересы свободных сонгаев, стремясь понемногу уравнивать их со своими рабами и вольноотпущенниками.

Царевичи и факихи

Но и для господствующего класса изменение условий по сравнению с Мали имело очень существенные последствия. Только что у нас шла речь о сравнительной жесткости сословных границ у сонгаев. А отсюда следовал совершенно недвусмысленный вывод: рабы, захваченные сонгайскими армиями в непрерывных военных экспедициях, могли быть либо использованы для продажи, либо посажены на землю. Ни о каком рабском войске не было речи

до самого конца 80-х годов XVI в., когда хронисты впервые рассказывают об отряде евнухов-телохранителей при особе аскии Исхака II. И сонгайская военная знать могла не бояться опаснейшего конкурента — военачальников и прочих вельмож рабского происхождения.

И главный наш источник, суданские хроники, целиком такой вывод подтверждают. Они называют множество высших государственных, военных и придворных должностей, но напрасно стали бы мы искать на пятистах с лишним страницах арабского текста обеих хроник — а там названы не одни только должности, но и имена тех, кто их занимал в разные годы и при разных царях, — хоть что-то похожее на всесилие «ближних рабов», малийских «дъон-сандиги». Нет, на всех этих постах сидели свободные люди. И не просто свободные, а, так сказать, сливки сонгайского общества: царевичи всех рангов и всех степеней родства с царствовавшими особами — сыновья, братья, дядья. Пожалуй, единственным исключением был пост «кабара-фармы» — наместника города Кабары, гавани Томбукту: по традиции его всегда занимал доверенный раб аскии. Да еще аския Дауд, пришедший на царство с должности «канфари», дважды назначал на эту важнейшую должность государства своих вольноотпущенников.

Царевичи были очень многочисленны. Махмуд Кати постарался как можно аккуратнее перечислить всех детей аскии ал-Хадж Мухаммеда I, но и он, насчитав 31 имя сыновей основателя второй сонгайской династии, вынужден был закончить перечисление такими словами: «...и прочие, кого не счесть из-за их многочисленности. Это были те, кто мне сейчас вспомнился, но большая часть их пропущена».

При таком количестве лиц, которые, по крайней мере теоретически, имели право на престол — ведь в Сонгай, как и во всех мусульманских государствах средневековья, не существовало твердо урегулированного порядка наследования престола, — интриги и склоки между претендентами были совершенно неизбежны. В этом пришлось убедиться даже самому аскии ал-Хаджу I; а последние дни сонгайского государства были омрачены мелкой и смешной в тогдашних трагических условиях усобицей между претендовавшими на престол аскиев царевичами. Как ни странно, но среди десятков этих царских родственников очень мало оказывалось в нужные моменты не то что талантливых и мужественных, а и просто мало-мальски распорядительных лю-

дей. Зато вся история царской семьи полна заговоров, предательств, подлостей и выглядит на редкость несимпатичной. В этом смысле отсутствие рабской аристократии вполне «компенсировалось» существованием многочисленной царской родни, к которой примыкала сонгайская военно-административная аристократия и правители вассальных княжеств.

Но правящий класс державы аскиев отличался не только отсутствием рабской знати. Второе важное его отличие было заложено уже в той поддержке, что оказали аскии ал-Хадж Мухаммеду влиятельные мусульманские круги во время его борьбы с ши Баро. Они не ошиблись в выборе: аскии пришлось расплачиваться за их помощь такими уступками, что очень скоро внутри господствующего класса мусульманская аристократия (кадии, хатибы, имамы мечетей крупных городов, а особенно шерифы, которых к тому времени по всему Судану развелось довольно много) — эта самая паразитическая группа знати — почти догнала по силе и влиянию военное окружение государей. Может быть, аскии и хотели таким путем столкнуть лбами две группировки знати, чтобы свою власть обезопасить от обеих. Но эта надежда не оправдалась, феодалы духовные оказались для центральной власти не лучше военных. Во всяком случае они им не уступали ни своевольством, ни жадностью. А в конечном-то счете именно духовные феодалы предали предпоследнего аскию — Мухаммеда-Гао, отдали его в руки марокканских захватчиков, в то время как высшие военные чины остались ему верны до конца и готовы были продолжать сопротивление.

Мы познакомились уже с томбуктским кадием Махмудом и его притязаниями на объединение в своих руках светской и духовной власти в городе. Но аппетиты столпов правосудия этой торговой столицы Судана вовсе не ограничивались только городом. Еще отец Махмуда, кадий Омар, публично обругал не кого-нибудь, а самого аскию ал-Хадж Мухаммеда I только за то, что тот своей властью назначил кадия в один из соседних с Томбукту городков. С годами отношения между кадиями Томбукту и царским двором в Гао не делались лучше. Последние десятилетия существования сонгайского государства духовные князья Томбукту вообще были чем-то вроде молчаливой оппозиции — а впрочем, совсем не всегда такой уж молчаливой. Недаром один из последних правителей династии, потерпев поражение во время карательной экспедиции в

Гурму, больше всего огорчался тем злорадным шушуканьем, которое-де поднимется в Томбукту, когда туда дойдет весть о его неудаче.

А открыто ссориться с томбуктской знатью, в руках которой была добрая половина всей внешней торговли государства, — этой роскоши аскии себе позволить не могли. Особенно последние. Вот и пришлось аскии ал-Хаджу II в 80-х годах XVI в. покорнейше просить у кадия ал-Акиба разрешения принять участие в расходах на перестройку большой мечети Санкоре в Томбукту.

Сила «князей церкви» заключалась, конечно, не только, да и не столько в их духовном авторитете. В их руках скопились огромные богатства. Мы только что видели, как аскии раздаривали им целые области с сотнями и тысячами душ зависимого населения. В начале марокканского нашествия на Западный Судан один из шерифов владел 297 «домами» зависимого населения. Слово «дом» скорее всего обозначало здесь патриархальную семью, жившую в одной усадьбе, — речь, следовательно, шла о нескольких тысячах человек. А ведь шериф Мухаммед ибн ал-Касим, которому все они принадлежали, не был самым богатым человеком! И притом раздавали не только земледельческое население, но и ремесленников. Не раз уже упоминавшиеся на страницах этой книги факихи Салих Диавара и Мухаммед Туле, самые ближайшие советники ал-Хадж Мухаммеда I, получили от своего покровителя в дар целые «племена» кузнецов.

Томбукту был только самым ярким примером, И вовсе не единственным. Еще при мансах Мали, рассказывает «История искателя», города Диаба и Кундиоро, первый из которых находился в самом центре коренных малийских земель, а второй — в районе Каньяги, бывшей столицы Сосо, управлялись своими кадиями и пользовались полным административным и налоговым иммунитетом. Другими словами, верховная власть не имела права вмешиваться в какие бы то ни было дела управления в этих городах, отдавать распоряжения кому бы то ни было или собирать налоги. Все это могли делать только кадии — единственная правомочная власть в городах.

В результате окончательно стиралась граница между военно-административными сановниками и высшим мусульманским духовенством: князья духовные превращались одновременно и в светских князей. Но все же оставалась область, где духовенство в истории Сонгай всегда оказыва-

лось сильнее высших военных чинов и высших сановников двора аскиев, — внешняя, т. е. караванная, торговля. Здесь у духовенства существовали давние и прочные традиции, оно располагало обширными налаженными связями и немалым опытом. За несколько веков факихи настолько переплелись с купечеством, что порой их очень трудно бывало отличить друг от друга, особенно когда эти, казалось бы, довольно разнородные занятия совмещал один и тот же человек.

Абдаррахман ас-Сади, автор «Истории Судана», с глубоким уважением относившийся ко всем благочестивым мужам, когда-либо жившим в Томбукту, выделял в числе особо почтенных шерифа Сиди Яхью ат-Таделси, по имени которого названа одна из трех больших мечетей в Томбукту, сохранившаяся до наших дней. И все же он не заметил в своем почтительном рвении, что одна из историй, которую он рассказал в доказательство святости шерифа, может показаться постороннему наблюдателю довольно ехидной насмешкой над святым.

«Вначале, — рассказывал хронист, — Сиди Яхья... воздерживался от торговых дел, но впоследствии в конце концов ими занялся. И рассказывал он, что, до того как занялся торговлей, видел пророка во сне каждую ночь... Потом стал он его видеть только раз в неделю, затем — раз в месяц и, наконец, раз в год. Его спросили, что же тому причиной. Он ответил: „Я полагаю — только те торговые дела...“. Тогда ему предложили: „Почему же ты их не бросишь?“ Но Сиди Яхья отвечивал: „Нет, я не люблю нуждаться в помощи людей!“».

Так впервые в истории Западного Судана в державе аскии ал-Хадж Мухаммеда I и его преемников появился единый господствующий класс, который сумел объединить в одних руках руководство всеми сторонами жизни общества — хозяйственной, военно-политической и идеологической. Восторжествовала новая идеология, которая больше соответствовала тогдашнему уровню развития производительных сил и производственных отношений. В Сонгай уже безраздельно господствовали феодальные отношения — тоже в их ранней форме; это не был, конечно, высоко развитый феодализм Западной Европы или Ирана. Но все же это были именно феодальные отношения, пусть раннефеодальные, но зато уже окончательно утвердившиеся и неуклонно шедшие к дальнейшему укреплению крепостнических форм эксплуатации. Поэтому мы можем сказать, что

с точки зрения уровня социально-экономического развития государство Сонгай оказалось высшим достижением народов Западной Африки в доколониальный период.

Цена расцвета

Общий подъем сонгайского государства отразился и на росте местного ремесла. Собственно, отделение ремесла от земледелия, второе великое разделение труда, началось в Западной Африке довольно давно. Здесь уже в глубокой древности умели обрабатывать различные металлы, в том числе и железо, что было особенно важно для развития хозяйства. Существовало в Западной Африке и гончарство. При этом, когда в Гао при археологических раскопках найдены были черепки местного производства, их качество оказалось намного лучше того, что выделывают в этом городе современные гончары. Но больше всего было развито текстильное производство.

О нем рассказывал еще ал-Бекри. Из описания Томбукту, оставленного Львом Африканским, мы видели, что в Томбукту было много ткачей. А по словам Махмуда Кати, в этом городе было даже 26 больших портновских мастерских, и в каждой из них под руководством опытного мастера работало от 50 до 100 подмастерьев и учеников. Хлопчатобумажные ткани и грубые шерстяные покрывала, изготовленные в Западном Судане, довольно хорошо знали на многих зарубежных рынках. Мандингское название этих тканей — «биринкан» — было подхвачено арабскими купцами, а от них попало в средневековую французскую литературу. Что же касается спроса на местных рынках, то интересно вот что: в XV и начале XVI в. португальцы усиленно скупали в одних районах хлопчатобумажные ткани местного изготовления, с тем чтобы в других местностях той же Западной Африки получить за них золотой песок.

В сонгайское время сохранялось на высоком уровне и изготовление речных судов — мы говорили уже об этом производстве, когда вспоминали рассказ мансы Мусы I об океанской экспедиции его предшественника.

Так что с внешней стороны все как будто обстояло благополучно. Но если повнимательнее вчитаться в описания западноафриканских рынков, которыми мы обязаны Льву Африканскому, то рано или поздно привлекает вни-

мание деталь, которая сначала удивляет, а потом начинает беспокоить.

В самом деле, если так развито было текстильное производство, то почему и зачем на рынках крупных городов было столько европейских и берберийских, т. е., проще говоря, североафриканских, тканей? А главное, почему за них платили такие высокие, а подчас и просто бешеные цены? И отчего Лев Африканский подчеркивал: «...сколь дороги и великолепны все предметы»? А начав единожды вспоминать, мы дойдем и до рассказов Ибн Баттуты и ал-Омари о том, как высоко ценили в Мали парчу и другие дорогие ткани... Так в чем же было дело?!

Беда западноафриканского ремесленного производства была в том, что оно не могло соперничать с европейским или ближневосточным по качеству своих изделий. Поэтому все, что мало-мальски превосходило обычную местную ремесленную продукцию своим качеством, приходилось покупать в Северной Африке или через нее. Ввоз изделий иноземного ремесла в Западный Судан был невелик количественно, но зато сравнительно очень дорог. А значит, и покупать привозные товары могла только верхушка общества. Но раз так, то эта верхушка, располагая большими запасами золота и большим числом рабов на продажу (а в сонгайское время эта статья вывоза стала особенно важной, в то время как поступление золота в руки сонгайских царей и их окружения несколько уменьшилось), не испытывала никакого интереса к расширению местного ремесла и повышению качества его изделий. В конечном счете здесь, как и в сельском хозяйстве, золотые запасы Западной Африки содействовали не процветанию, а застою. И те цифры, которые приводит Лев Африканский, говорят только о количественном росте ремесла. Этот рост был вызван некоторым общим оживлением хозяйственной жизни в первые годы правления династии аскиев и частичным увеличением спроса на ремесленные изделия. Но этого было явно недостаточно, чтобы ускорить технический прогресс местного, западносуданского ремесла. А пускаться вдогонку за европейским производством, которому великие географические открытия и первоначальное накопление капитала дали небывалый стимул к ускорению темпов развития, и вовсе было безнадежно. При отсутствии же потребности в таком ускорении ремесло Западного Судана было обречено на застой.

В какой-то мере относилось это и к культурной жизни

Сонгай. Конечно, ислам и связанные с ним арабский язык и арабская литература способствовали приобщению Западного Судана к средиземноморской культуре. И действительно, мусульманская культура, как ее обычно, хоть и не вполне правильно, называют, достигла в сонгайской державе, в таких городах, как Гао, Дженне и особенно Томбукту, блестящего расцвета. И в этот расцвет достойный вклад внесли местные уроженцы. Очень недвусмысленно рассказывал об этом ас-Сади. Некий факих Сиди Абдаррахман ат-Темими, которого манса Муса I привез с собой из хаджа с намерением поднять при его помощи уровень преподавания в мечети Санкоре, поселился было в Томбукту. Но тут он сразу обнаружил пренеприятное обстоятельство: в городе и при мечети оказалось множество «суданских факихов» — другими словами, местных африканцев, которые намного его, Сиди Абдаррахмана, превосходили знаниями. Приезшему пришлось отправиться в Фес и там доучиваться. И лишь после этого он смог, возвратясь в Томбукту, не ударить лицом в грязь перед здешними коллегами.

Конечно, уже одно то, что в Западной Африке могли быть написаны такие книги, как обе хроники — «История искателя» и «История Судана» — и многочисленные труды видного ученого Ахмеда Баба, которому одно время приписывали и создание «Истории Судана», может доказать, что уровень развития науки и литературы в Судане той эпохи был не ниже, чем в Марокко того же времени. Беда только в том, что для арабской культуры XV и XVI века были уже периодом упадка. Литература ограничивалась в большинстве случаев перепевом классических образцов, юристы и богословы старательно комментировали труды своих именитых предшественников — а живого движения мысли почти не наблюдалось. А в Марокко к тому же установилась еще и обстановка фанатической нетерпимости ко всему, что хоть как-то выходило за рамки канонов многовековой давности. Западносуданская же мусульманская ученость была в первую очередь отражением того, что в этой области происходило в Марракеше или в Фесе. Так что на этом фоне достижения культуры Западного Судана, бесспорно довольно значительные сами по себе, все же выглядят более скромно, чем это себе иногда представляли иные писатели, говоря о «блестящем расцвете» культуры в Дженне или Томбукту. Но вместе с тем не следует и забывать, что культурная жизнь все же была в более выгодном положении, чем хозяйственная: те условия, которые тормозили прогресс

западноафриканской экономики, на культуру непосредственно не воздействовали. Поэтому и возможно было появление многих интересных сочинений, созданных в Западном Судане местными авторами-африканцами.

Устроителю великой сонгайской державы аскии ал-Хадж Мухаммеду I пришлось на себе испытать некоторые недостатки созданной им системы. К концу жизни он ослеп и превратился в больного, немощного старца. Вокруг него почти не осталось старых боевых соратников. Самой тяжелой потерей была смерть канфари Амара Комдиаго, младшего брата аскии. Больше четверти века Амар оставался первым помощником повелителя. Он управлял государством, когда тот находился в хадже; он заселил огромные территории в западной части средней дельты Нигера и организовал их хозяйственное освоение; он успешно отражал нападения фульбе и, нанеся им жестокое поражение на их собственной земле, в Фута-Джаллоне, надолго обезопасил западную границу Сонгай. Но когда на склоне лет аскии Мухаммеду стало известно, что его сыновья, возглавляемые Мусой, который носил высшее военное звание — «аския» уже при жизни отца, составили заговор, чтобы отстранить отца от власти, опереться ему оказалось не на кого. Правда, ал-Хадж вызвал из Тендирмы преемника Амара Комдиаго на посту канфари — другого своего брата, Яхью. Но заговорщики сумели подстеречь Яхью на прогулке, когда он оказался без охраны, и убили его. А через несколько дней после этого, 15 августа 1529 г., во время праздничной молитвы, Муса заставил отца отречься от престола и объявить его, Мусу, своим преемником.

Махмуд Кати, оставшийся верным ал-Хадж Мухаммеду I даже после его свержения, очень невысоко оценивал личность аскии Мусы. «Царской властью у сонгаев, — писал он, — и саном их аскии не распоряжался никто более ничтожный и низкий, чем он!». Эти же слова можно было бы приложить к очень многим из участников династических смут, ставших в истории Сонгай после смещения ал-Хадж Мухаммеда I почти обыденным делом. Пример Мусы оказался заразителен: сразу же после захвата власти ему пришлось отбиваться от собственных восставших братьев. Вначале он одержал над ними верх. Но уже в апреле 1531 г. Муса был убит, и власть перешла к племяннику аскии Мухаммеда — Мухаммеду Бенкан-Керей, которого молва наделила прозвищем «Мар-Бенкан».

В переводе это прозвище означало «порвавший узы

родства», рассказывал Мухаммед Кати. И в объяснение приводил такую легенду. Когда Мухаммед Бенкан-Керей родился — это случилось еще в царствование сонни Али, — он своим громким криком потревожил царя. Тот призвал аскию Мухаммеда и его брата, будущего канфари Амара, и повелел им убить ребенка, родившегося той ночью в их покоях и притом родившегося со всеми зубами во рту. Братья стали упрашивать царя оставить новорожденного в живых. Али в конце концов согласился, но сказал при этом, обращаясь к аскии Мухаммеду: «Этот ребенок жалкий и беспутный. Однако я его оставляю в живых, но ущерб потерпишь ты, только ты! И ты еще увидишь, что он принесет тебе и твоим детям!». Хронист полагал, что предсказание сонни Али полностью оправдалось: ведь Мухаммед Бенкан-Керей действительно сослал бывшего аскию ал-Хадж Мухаммеда I на пустынный остров неподалеку от Гао, хотя Муса, выдворив отца из царской резиденции и оставив себе всех его жен и наложниц (Махмуда Кати это особенно возмутило), все же разрешил ему оставаться в Гао. На этом острове ал-Хаджу и пришлось провести все шесть с лишним лет царствования Мухаммеда Мар-Бенкана. И лишь когда Исмаил, сын аскии ал-Хадж Мухаммеда I, в 1537 г. восстал против двоюродного брата и сверг его, основатель династии был возвращен из ссылки в Гао, где вскоре и умер.

После девятилетнего правления аскии Исхака I (1540—1549), который ничем, кроме благочестия, не прославился, на престол вступил еще один из сыновей ал-Хадж Мухаммеда I — аския Дауд. Обстоятельства его прихода к власти довольно туманно изложены у Махмуда Кати: Исхак-де назначил было преемником своего сына, «но жители Сонгай согласились только на аскию Дауда». Довольно сомнительно, конечно, чтобы мнением «жителей Сонгай» особенно интересовались, — скорее всего Дауд просто захватил власть. Но его правление бесспорно оказалось апогеем державы, которую создали сонни Али и аския ал-Хадж.

Современники Дауда почувствовали это очень хорошо. Вот как отзывался о его царствовании Махмуд Кати, человек очень осведомленный и имевший, так сказать, базу для сравнения: «Этот свет ему споспешествовал: он получил власть и главенство, каких желал, и к нему пришли обширные мирские богатства. Он следовал за своим отцом, аскией Мухаммедом, и братьями своими. Они посеяли для него, он же пришел и собрал урожай; они выровняли землю, а

Дауд пришел спать на ней. И в стране Текрур¹², от Мали до Лоло, не было никого, кто смел бы поднять руку: в день восшествия своего на престол Дауд нашел людей послушными покорными рабами».

Собственно говоря, у аскии не было даже особой нужды совершать завоевательные походы: никому не приходило в голову оспаривать его военное и политическое первенство в Западной Африке. И цели его военных экспедиций были главным образом чисто грабительские: захват рабов и прочих богатств у соседей. Эти захваты сопровождались внутри Сонгай раздачей огромных земельных владений с рабами и рабов без земли. Больше всего таких даров получала верхушка факихов. Пожалуй, в этом отношении аския Дауд превзошел даже своего отца, ал-Хадж Мухаммеда I. Не мудрено, что «История искателя» восторженно оценивала благочестие аскии и его благоговение перед факихами! Кстати, сам «альфа Кати» не стеснялся просто выпрашивать подарки у государя: именно так обстояло дело с пожалованием ему поместья Диангадя с 13 рабами и надсмотрщиком при них — об этом у нас уже шла речь несколькими страницами раньше. Причем именование пришлось отобрать у очень важного сановника — кабара-фармы, наместника Кабары, гавани Томбукту. «Из-за этого, — комментирует хроника, — альфа поссорился с кабара-фармой Алу». Как после этого было потомкам Махмуда Кати не говорить о «славных свойствах и прекрасном поведении» аскии!

Конечно, кроме религиозного благочестия — а эту причину никогда нельзя сбрасывать со счетов, когда мы имеем дело с людьми средневековья, будь то в Африке, на Ближнем Востоке или в Европе, — Даудом руководил и трезвый политический расчет. Он старался еще больше укрепить одну из социальных опор своей власти — мусульманское духовенство. При Дауде государство не знало никаких серьезных внутренних неприятностей — ни восстаний вассалов, ни усобиц.

Дауд, по-видимому, был и в самом деле фигурой незаурядной по тем временам: он — единственный из сонгайских царей, о котором сообщали, что он обучался Корану и другим мусульманским дисциплинам. Он первый устроил книгохранилище и держал переписчиков, которые для него переписывали книги.

¹² «Текруром» сами жители Западной Африки называли земли к западу от Гао. В противоположность этому название «Судан» прилагали к землям народа хауса, на севере нынешней Нигерии.

Преемникам своим аския Дауд оставил сильное и богатое государство. Но его блестящее правление не могло преодолеть коренных пороков социальной и политической организации державы аскиев. Это проявилось сразу же после смерти Дауда: сам он попытался сделать своим наследником своего сына Мухаммеда-Бани, но власть захватил другой его сын, правивший под именем аския ал-Хадж Мухаммеда II. Его царствование продолжалось всего три года с небольшим, с августа 1583 г. по декабрь 1586 г., и не отмечено было ничем особо примечательным, не считая склоку, вспыхнувшую между верхушкой факихов Томбукту из-за должности кадия, которая освободилась после смерти кадия ал-Акиба. При этом любопытно, что аския старался как можно дольше остаться в стороне от этой истории. Только под сильным, очень сильным нажимом назначил он в Томбукту нового судью — сына того самого кадия Махмуда, который еще в правление аския ал-Хадж Мухаммеда I претендовал на всю полноту власти в Томбукту.

В самом конце 1586 г. царевичу Мухаммеду-Бани наконец удалось-таки свергнуть аския ал-Хадж Мухаммеда II и провозгласить себя царем. Но его царствование оказалось еще короче — меньше полутора лет. Зато именно в это время вспыхнула самая крупная из всех междоусобных войн, какие знала история сонгайского государства. Она началось ссорой между наместником Кабары, тем самым каба-фармой Алу, у которого отобрали имение для передачи Махмуду Кати, и Садиком, сыном аския Дауда, занимавшим второй после канфари пост в государстве — наместника и командующего войсками в центральных областях страны, «баламы». Вернее всего, ссора послужила только поводом для выступления баламы Садика против власти брата-аскии. Балама собрал войска и после неудачной попытки привлечь на свою сторону еще одного из сыновей аския Дауда — канфари Салиха — двинулся на Гао. Аския Мухаммед-Бани выступил ему навстречу, но неожиданно умер в походе еще до столкновения с противником.

И встретиться с мятежниками в поле, нанести им поражение и закончить войну пришлось уже новому аския — Исхаку II, тоже сыну аския Дауда. Матерью Исхака была вольноотпущенница, поэтому царевичем он носил прозвище «дъогорани» — так звучал в сонгайской передаче малинский термин «дъонгорон» — «вольноотпущенник».

В апреле 1588 г. усобица была ликвидирована. Но она сильно подорвала мощь государства, и сказалось это уже

очень скоро, в начале 1591 г., когда Исхаку II пришлось встретиться с куда более опасным врагом, чем балама Садик, — марокканским экспедиционным корпусом паши Джудара. И самый приход Исхака к власти был отмечен все той же печатью интриганства, склоки и борьбы мелких честолюбий. Дело в том, что, когда умер аския Мухаммед-Бани, несколько сановников попытались воспользоваться тем, что произошло это на стоянке, и провозгласить аскией одного из сыновей аския Исмаила до того, как о смерти Мухаммеда-Бани узнают находившиеся в лагере сыновья и внуки аския Дауда. Последних — а их там было около семидесяти — предполагалось просто-напросто перебить, так сказать, во избежание смуты. Исхак случайно узнал об этом плане и сумел его сорвать, заставив заговорщиков под угрозой смерти провозгласить царем его, Исхака.

Махмуд Кати довольно высоко оценивал личность нового аския. Исхак-де «был благороден, добр, щедр и приятен лицом». Но это не помешало авторам хроники оценить царствование Исхака совсем по-другому. «Исхак, — говорит хроника, — пробыл у власти три года. В его дни обнаружился упадок их державы и стали очевидны в ней смута и потрясение».

Гроза с севера

Мы подходим к завершающему этапу истории Сонгай — его падению под натиском марокканских завоевателей. Поход паши Джудара имел довольно долгую предысторию. Мы не раз уже говорили, что главным источником соли для Западного Судана были копи Тегаззы. Тот, кто держал их в руках, мог практически держать в руках и всю золотую торговлю с Западной Африкой. По обе стороны Сахары это прекрасно понимали. Но до начала XVI в. Тегазза оставалась подчинена кочевникам-мессуфа, тем самым, о которых писал Ибн Хаукал еще в X в. Только после создания великой сонгайской державы кочевникам пришлось признать верховную власть аския. Так цари Гао сделались хозяевами соляных копей.

Саадитские султаны Марокко тоже попробовали проявить активный интерес к Тегаззе. В 1546 г. султан Мухаммед аш-Шейх обратился к аския Исхаку I с просьбой уступить ему соляные копи. Аския холодно ответил, как рассказывал Абдаррахман ас-Сади, что он — не тот Исхак, который станет выслушивать подобные предложения: такой-

де Исхак еще не родился на свет. И в подтверждение своих слов приказал своим вассалам-туарегам выслать двухтысячный отряд: пограбить Дра, южную пограничную провинцию Марокко. Только 10 лет спустя марокканцы смогли ответить на эту обиду, послав в Тегаззу отряд, который убил сонгайского правителя поселения и нескольких туарегов, грузивших соль, а затем ушел назад.

После этого в соляных делах больше 10 лет стояло полное затишье. Марокканцам было не до сахарской торговли: угроза турецкого и португальского нашествий заставляла все усилия обращать соответственно на восток и на север. И только после блистательной победы над португальцами при ал-Ксар ал-Кебуре в 1578 г. и последовавшего за ней объединения Марокко под властью молодого султана Мулай Ахмеда, принявшего почетный титул «ал-Мансур» — «Победоносный», в Марракеше стали снова подумывать о захвате золотой торговли: это могло бы сильно поправить дела разоренной страны.

Первая попытка захватить Тегаззу не принесла успеха: черные невольники-горняки бежали еще до появления марокканцев, и победа оказалась бесплодной — добывать соль все равно было некому. Тем временем аския Дауд, стоявший запретивший своим подданным возвращаться в Тегаззу, открыл на полпути из нее в Томбукту, в Таолени, новые соляные разработки. Позднее сонгаи мало-помалу вернулись к разработке соляных месторождений в Тегаззе, но и на этот раз аския — теперь уже ал-Хадж Мухаммед II — наотрез отказался выполнить требование марокканцев об уплате им пошлины в размере одного мискаля золота за каждый вьюк соли.

В середине 80-х годов XVI в. у Мулай Ахмеда не было еще возможности сразу же предпринять крупную военную акцию. Поэтому до 1589 г. ничего не изменилось. Но в столице султана все больше убеждались: нельзя стать хозяевами торговли суданским золотом, пока в Судане существует сильное сонгайское государство. К тому же Мулай Ахмед был неплохо осведомлен о смутах в Сонгай после низложения аския ал-Хадж Мухаммеда II, ослаблявших некогда непобедимую державу. Да и слабость сонгайского войска в сравнении с марокканским, которое имело огнестрельное оружие, тоже не составляла секрета. Так постепенно вызревала мысль: попытаться разгромить сонгайское государство или подчинить его своей власти — и тем самым стать безраздельными хозяевами суданского золота.

В 1589 г. нашелся и повод для вторжения. Некий авантюрист, по имени Улд Кирифил, сосланный Исхаком II в Тегаззу, сбежал в Марракеш, объявил себя там старшим братом аскии, которого тот будто бы отстранил от власти, и обратился к султану Мулай Ахмеду за помощью. Конечно, и сам султан, и его советники превосходно понимали, что имеют дело с самозванцем. Но это их не остановило, так же как не остановили подобные соображения и польского короля Сигизмунда III и его советников полтора десятилетия спустя, когда они «признали» беглого монаха сыном царя Ивана IV — уж слишком удобен был случай. Началась срочная подготовка военной экспедиции через Сахару.

Марокканцы ясно представляли себе, с какими трудностями будет сопряжен переход через великую пустыню. Такая операция требовала тщательнейшей подготовки. И надо отдать должное организационным способностям самого Мулай Ахмеда и его помощников: армия была укомплектована лучшими солдатами, получила лучшее снаряжение, каким только могло снабдить ее правительство, — специально для этой цели делались крупные закупки за рубежом. И притом всю эту подготовку сумели провести с максимальным сохранением тайны.

К октябрю 1590 г. экспедиционная армия была сформирована. Она состояла из 4 тысяч солдат — 2000 пеших и 500 конных аркебузирова и 1500 человек легкой конницы, вооруженной только копьями, — с шестью пушками. Ее сопровождали 600 землекопов и тысяча погонщиков вьючных животных. Самое, пожалуй, интересное, что почти все аркебузиры были не марокканцами, а либо бывшими христианами, принявшими ислам, которых в Испании называли «ренегадос», либо же мусульманами, эмигрировавшими из Испании, где в эти годы особенно усилилась католическая реакция; их так и называли «андалусцами». А кроме того, в состав армии входили еще несколько десятков аркебузирова-христиан — те из пленников, взятых при ал-Ксар ал-Кебуре, кто был слишком беден, чтобы из плена выкупиться. Во главе всей армии султан поставил евнуха Джудара — тоже испанца, захваченного в плен еще ребенком.

В последних числах октября 1590 г. войско Джудара выступило из пограничной области Дра и углубилось в пустыню. А через четыре месяца, в начале марта 1591 г., марокканцы появились в окрестностях Гао.

Решающее сражение произошло в окрестностях селения Тондиби, в 50 с небольшим километрах от Гао. Сонгаи бы-

ли разбиты наголову, хотя Джудар после труднейшего перехода мог выставить против них всего тысячу человек, а у аскии Исхака одной конницы было 18 тысяч. Сказалось решающее военно-техническое преимущество марокканцев: огнестрельное оружие, которого не знали в Западной Африке. Так проявился один из главных результатов общей экономической отсталости Западного Судана, в особенности — ремесла: военная слабость огромной сонгайской державы, оказавшейся колоссом на глиняных ногах. Войско аскиев еще годилось для того, чтобы держать в страхе слабых соседей, чтобы успешно осуществлять многочисленные походы за рабами, но первое же столкновение с настоящим, хорошо организованным и обученным противником дало совершенно катастрофические результаты.

Аския Исхак II бежал с остатками войска на юг. Остановившись, он выслал навстречу врагу тысячу всадников во главе со своим братом, баламой Мухаммедом-Гао, и приказал им нападать на марокканцев, где бы они их ни повстречали. Но вместо этого Мухаммед-Гао предпочел, отойдя на два перехода от лагеря аскии, провозгласить царем себя самого.

Исхак II не проявил ни удивления, ни возмущения, ни желания наказать мятежника. Когда до него дошло известие о том, что брат провозглашен аскией, он попросту снялся с лагеря и с небольшим отрядом отправился в Гурму. Ранее сопровождавшие его сановники во главе с хи-коем, начальником царских кораблей, заставили аскию передать им все царские знамена, барабаны и лошадей: эти вещи, заявили они Исхаку, принадлежат не какому-либо одному аскии, а всему государству. Хотели у него отобрать и сына на этом же основании, но здесь уж Исхак воспротивился, и его оставили в покое. После этого бывший государь прибыл в Гурму и там через несколько дней был убит вместе со всеми своими спутниками: в пору своего могущества он не раз хаживал в эту область с карательными экспедициями и за рабами. Теперь жители не преминули воспользоваться возможностью свести с ним счеты.

Для характеристики моральных достоинств нового аскии, Мухаммеда-Гао, любопытно будет вспомнить рассказ Махмуда Кати. Однажды ал-Хадж Мухаммед II, сидя в своем совете, поедсказал, что к нему должен вот-вот войти кто-то из его братьев, которому суждено быть последним царем династии и чье царствование продлится всего 41 день, причем-де «гибель народа сонгай произойдет при его

посредстве». Вошедшим оказался Мухаммед-Гао и на вопрос аскии, пожелал ли бы он царской власти всего на 41 день и такой ценой, после недолгого колебания ответил утвердительно. Это скорее всего просто легенда, но облик беспринципного властолюбца и карьериста в ней виден очень ясно.

Видимо, именно поэтому первым действием нового правителя Сонгай было обращение к паше Джудару: Мухаммед-Гао просил пашу принять его в марокканское подданство и оставить его правителем с выплатой дани султану. Джудар ответил, что сам принять решение по такому поводу он не может, будучи всего лишь рабом султана, но что просьбу аскии он-де султану непременно сообщит.

Тем временем марокканцы продолжали завоевание страны. Они заняли Гао и Томбукту, причем столица аскиев поразила их своим жалким обликом в сравнении с обеими столицами Марокко — Фесом и Марракешем. Джудар остался в Томбукту до прибытия к нему подкреплений во главе с пашой Махмудом бен Зергуном. И тогда, объединив свои силы, оба паши двинулись вниз по течению Нигера против аскии Мухаммеда-Гао. Тот снова попробовал начать с марокканцами мирные переговоры. К паше Махмуду был послан личный секретарь аскии — «аския-альфа» — Букар Ланбаро вместе с хи-коем. Паша принял посланцев очень дружелюбно и пообещал, что буде аския к нему, Махмуду, придет, то он гарантирует Мухаммеду-Гао полную безопасность. Он-де, паша Махмуд бен Зергун, только и ожидает, что приезда аскии, так как сам собирается возвратиться в Марокко.

После этого послы возвратились к аскии, и аския-альфа принялся убеждать своего господина отправиться к паше. Но, заметил автор «Истории искателя», «говорят, будто паша посвятил аския-альфу во все свои тайны и сделал его другом и поверенным своим, а тот продал ему аскию Мухаммеда-Гао. Махмуд пообещал ему всяческие блага, буде он найдет предлог для приезда аскии к паше...». Этот же самый Букар Ланбаро убедил и аскию Исхака II оставить поле боя при Тондиби, когда далеко еще не решен был исход сражения.

Так мусульманская духовная знать предала династию, столько сделавшую для укрепления ее экономического и политического могущества. Мусульманская верхушка Западного Судана рассчитывала и при марокканцах сохранить свое привилегированное положение. Ведь недаром именно

мусульманские круги в Гао и Томбукту поначалу встретили завоевателей только что не с распростертыми объятиями. Только позднее, когда бесчинства марокканской солдатни стали задевать интересы и этой группы знати, она решилась оказать сопротивление. Но было уже слишком поздно. Марокканцы легко справились с попыткой восстания в Томбукту, и в 1593 г. цвет юристов, богословов и литераторов города был под конвоем угнан в Марракеш, откуда через полтора десятка лет в родные места вернулись совсем немногие.

Через неделю после возвращения послов аския Мухаммед-Гао отправился к паше Махмуду, не обратив внимания на предостережения тех своих советников, которые почуяли что-то неладное в яростной настойчивости, с какой аския-альфа уговаривал царя явиться к победителям. Как и следовало ожидать, марокканцы изменнически захватили аскию и его спутников, сковали их всех одной цепью и отправили в Гао. Через некоторое время их всех перебили в отместку за успешное нападение сонгайских воинов на один из марокканских отрядов.

Последним независимым аскией оказался Нух, еще один сын аския Даула. Ему удалось избежать пленения вместе с Мухаммедом-Гао, и, провозглашенный царем, он возглавил сопротивление захватчикам. Он продержался до 1595 г., успешно сопротивляясь паше Махмуду, сменившему Джудара, и ведя партизанскую войну в гористых и заболоченных местностях на правом берегу Нигера, к юго-западу и западу от Гао. Марокканцы несли здесь тяжелые потери от непривычного климата, от недостатка продовольствия, от болезней. Паша Махмуд бен Зергун погиб здесь, пытаясь настичь в горах Хомбоои войско аския. Но вскоре погиб в бою и Нух. С его гибелью организованное сопротивление прекратилось. Великая держава Сонгай окончила свое существование (хотя в Томбукту марокканцы и посадили марионеточного аскию Сулеймана с «могучим» войском из 100 человек).

В последние годы существования державы аскиев начались грандиозные восстания посаженных на землю рабов. Как только марокканцы разгромили армию Исхака II, эти восстания вспыхнули по всей территории государства. Пользуясь тем, что заняты были и марокканцы, и сонгаи, дьогорани — самая многочисленная группа зависимого населения страны — опустошали целые области. Отряды повстанцев не боялись нападать и на крупные города, где иной раз

даже стояли марокканские гарнизоны: так было осенью 1591 г. под Томбукту. Временами при этом создавалось нечто вроде, так сказать, «единого фронта» зависимых крестьян и кочевников—фульбе и туарегов (эти два народа всегда были у сонгайской администрации «на подозрении», в особенности фульбе; еще об ал-Хадж Мухаммеде I «История искателя» рассказывала, что он не переносил фульбе, истребляя их, где бы ни встретил). В течение 1593 г., жаловался составитель хроники, «воинственные фульбе причиняли вред стране, опустошали города, грабили ее богатства и проливали кровь мусульман. И еще туареги от Гао до Дженне, так что дьогорани вместе с ними начали опустошение и возмущение». Так с треском рушилась система полурабской-полукрепостнической эксплуатации, сложившаяся за полтора века в сонгайском государстве. И очень прав был все тот же хронист, когда главными причинами падения великой державы аскиев назвал (кроме, конечно, гнева Аллаха!) «заносчивость и бесстыдство знатных и возмущение рабов».

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Разгром Сонгай действительно в первое время обеспечил султану Мулай Ахмеду огромный приток золота. Запасы казны в Маоракеше выросли настолько, что впервые за многие годы Мулай Ахмед мог платить жалованье своим чиновникам настоящим золотым песком или полной монетой. Султан производил большие закупки ценных товаров в Европе, он нанимал европейских ремесленников, строил новые и украшал старые резиденции.

Обогатился не один султан, прозванный за эти сокровища «Золотым» — «аз-Захаби». Английский купец Лоренс Мэддок, бывший в Марракеше в момент прибытия конвоя из Судана, который доставил султану представителей оппозиционных мусульманских кругов Томбукту, писал в Лондон о сопровождавших конвой марокканских офицерах: «...эти люди пришли не бедными, а с таким богатством, отнятым без повеления короля, что за это король не станет им платить жалованье за то время, что они пробыли там...».

Только простым людям в Марокко эта, казалось бы, блестящая победа не принесла никакой пользы. Им не перепало даже ничтожной доли тех сокровищ, какие сумели награбить в Западном Судане полководцы их государя. Но это как раз меньше всего волновало султана и его советников...

Однако очень скоро выяснилось, что и сокровища-то тоже ограничены, что количество золота, которое можно вывезти из дотла разоренного Судана, вовсе не беспредельно. Ведь марокканцы так и не смогли захватить главные месторождения драгоценного металла, а старую систему его сбора разрушили довольно основательно. Было и еще одно

невыгодное для марокканской торговли обстоятельство: к концу XVI в. спрос на африканское золото в Европе сильно понизился. В это время из Америки уже ввозили в Старый Свет столько драгоценных металлов, что не было необходимости получать золото из Судана через североафриканских посредников.

Правда, караваны продолжали ходить, доставляя и золото, и — во все больших количествах — рабов, и слоновую кость. Но на западном торговом пути размах операций резко упал. Торговый центр Западного Судана снова сместился, на сей раз к юго-востоку, к хаусанским городам. Отсюда, от Кано, Кацины, Дауры и других торгово-ремесленных городов, главные караванные дороги, пролежавшие до конца прошлого века, выводили уже не в Марокко, а в Триполитанию.

И к тому же смуты, наступившие в Марокко после смерти Мулай Ахмеда в 1603 г., очень скоро сделали невозможным поддержание марокканского господства в Судане. Уже в 20-х годах XVII в. прекратился поиток военных подкреплений с севера и паши Томбукту довольно быстро перестали признавать свою зависимость от султанов в Маоракеше или Фесе. Марокканские воины мало-помалу слились с местными жителями, и потомки их образовали особую этническую группу, получившую название «арма». Так что непосредственные итоги победоносного похода в Судан в 1591—1595 гг. оказались очень эфемерными.

Между тем жизнь в Западном Судане не остановилась. На место разгромленного сонгайского государства одно за другим приходили новые, созданные другими народами. На Верхнем Нигере сложились два сильных царства народа бамбара — около города Сегу и в области Каарта. На плоскогорье Фута-Джаллон создали свое феодально-теократическое государство фульбе. Фульбские княжества сложились и в Масине, и в Северной Нигерии — передвижения этого народа привели к широчайшему его распространению по всей Западной Африке вплоть до Северного Камеруна. Позднее, на рубеже XVIII и XIX вв., образовались мусульманские теократические государства в Северной Нигерии и в Масине. Еще позже происходивший из народа тукулёр факих ал-Хадж Омар Таль сумел объединить под своей властью восточную часть нынешней Республики Сенегал и центральные области современной Республики Мали. Но ему уже пришлось столкнуться с противником, который был неизмеримо опаснее марокканских пашей с их

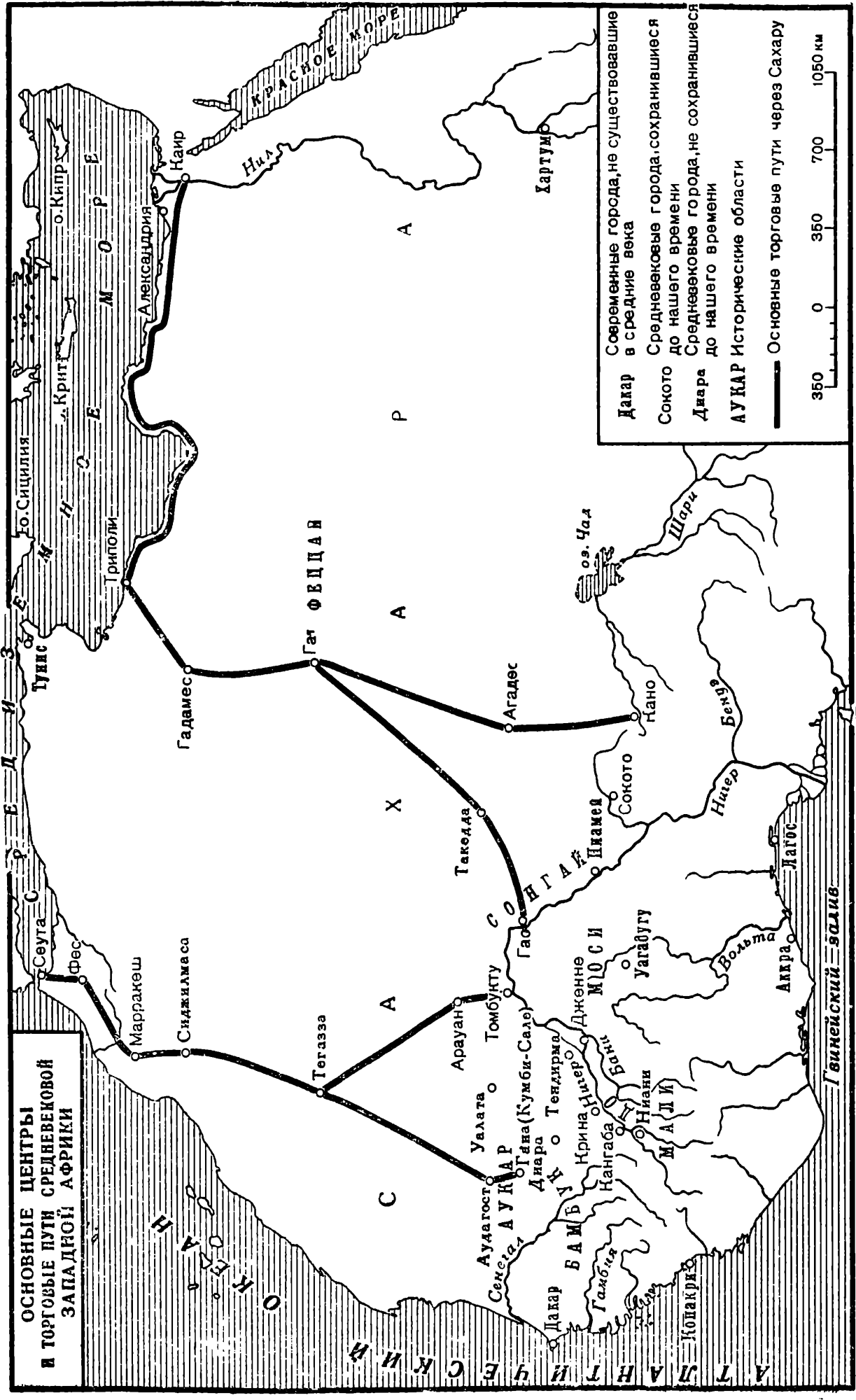
аркебузирами: начиналось колониальное завоевание Западной Африки Францией. История всех этих государств, история их борьбы за свою независимость захватывающе интересна, но она заслуживает особой книги.

Как правило, при смене правителей не менялись политические и социальные порядки. Преемственность не нарушалась. Даже поселки посаженных на землю рабов сохранялись правящими классами новых государств, которые сменили великие державы мандингских и сонгайских царей. Иначе оно и не могло быть, ведь разрушение Сонгай не привело к ускорению роста производительных сил. Веками накапливалась отсталость хозяйства Западного Судана. Торговля золотом и рабами не способствовала его развитию. И то, и другое можно было получить без больших затрат, не прилагая усилий для повышения производительности общественного труда. И производство консервировалось на очень низком уровне. Правда, когда в Сонгай получили широкое развитие крепостнические формы эксплуатации крестьянства, это могло бы стать шагом вперед и подтолкнуть развитие производительных сил. Но марокканское завоевание прервало начавшийся прогресс. Централизованное государство — а обеспечить сохранение крепостнической формы присвоения чужого труда могло только оно — пало. И производственные отношения были даже отброшены назад: ведь первое время после развала державы аскиев роль таких форм эксплуатации заметно упала. А крепостническое хозяйство с исторической точки зрения более прогрессивно, чем мандингские общины-дугу, в состав которых входили не только свободные, но и полурабь-полукрепостные.

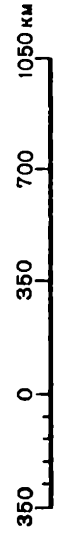
А жизнь продолжалась. Все так же люди занимались хозяйством, все так же строили города и деревни, все так же рожали и воспитывали детей. Много сохранялось и в быту, и в общественной жизни. Но самым дорогим наследием оставалась память народа о героическом прошлом его предков. Во время борьбы за национальное освобождение от колониального гнета, за государственную независимость напоминание о былой славе Ганы, Мали или Сонгай было в руках борцов против колониализма острейшим идейным оружием. Не так уж важно ведь, что древняя Гана находилась на территории современных Мавритании, Сенегала и Мали, а нынешняя — за сотни километров оттуда, на Гвинейском побережье. Назвав бывшую английскую колонию Золотой Берег, которая первой из колоний Западной Аф-

рики стала независимой, именем великого древнего государства, африканцы ясно дали понять: они не отказываются от своего славного прошлого, которого их так стремились лишить колонизаторы. Африка гордится своим прошлым, и она намерена и впредь развивать славные традиции африканской государственности на новой, современной основе и так, чтобы слава и величие государства сочетались со счастьем и достоинством каждого его гражданина.

**ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ
И ТОРГОВЫЕ ПУТИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЗАПАДНОЙ АФРИКИ**

Современный город, не существовавший
 в средние века
 Средневековые города, сохранившиеся
 до нашего времени
 Средневековые города, не сохранившиеся
 до нашего времени
 АУКАР Исторические области
 Основные торговые пути через Сахару

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Немного географии	5
Кто рассказал нам о средневековом Судане	9
Гана — страна золота	15
Арабы и гараманты	15
Путь через пустыню	17
Соль и золото	22
Гана глазами очевидцев	26
Величие и падение Ганы	42
Царство Сундьяты	46
Люди саванны	46
Сундьята, сын Соголон	52
«Муса Мали — государь негров Гвинеи»	57
Рассказы Ибн Баттуты	65
Закат державы	79
Держава аскиев	87
Сонгай — наследник Мали	87
Хроники Сонгай	93
«Великий колдун»	95
Создатель династии	102
«Описание Африки, третьей части света»	108
Крестьяне и рабы	112
Царевичи и факихи	120
Цена расцвета	125
Гроза с севера	132
Прошлое и настоящее	139

Лев Евгеньевич Куббель

СТРАНА ЗОЛОТА

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Н. Водинская.* Художник *Г. Я. Нагорянский*
Художественный редактор *И. М. Русина.* Технический редактор *М. А. Полюян*
Корректор *И. И. Исаева*

Сдано в набор 29/IV 1966 г. Подписано к печати 19/VII 1966 г. А13754
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,5. Усл. п. л. 7,56 Уч.-изд. л. 7,44.
Тираж 30 000 экз. Изд. № 1640. Зак. № 738.

Индекс $\frac{1-6-3}{219\ 66}$. Цена 38 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 38 коп.